

АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ

ЧАЙ С ПУТИНЫМ

**ПОЛИТЭКОНОМИЯ
РОССИЙСКОГО АВТОРИТАРИЗМА**

Андрей Колесников

**Чай с Путиным. Политэкономия
российского авторитаризма**

«Издательские решения»

Колесников А.

Чай с Путиным. Политэкономика российского авторитаризма /
А. Колесников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965415-1

Эта книга — хроника созревания автократии, совпавшего с ее же постепенной эрозией. Более 80 процентов граждан, горячо одобрявших, начиная с присоединения Крыма, деятельность президента, «сфотографировались» с Путиным за дружеским чаем. И теперь запечатленные на «фото» люди начинают «исчезать» — масштабы поддержки снизились. О том, почему так произошло — рассказывает Андрей Колесников, эксперт Московского центра Карнеги, собравший под одной обложкой колонки, публиковавшиеся в газете «Ведомости».

ISBN 978-5-44-965415-1

© Колесников А.
© Издательские решения

Чай с Путиным Политэкономика российского авторитаризма

Андрей Колесников

© Андрей Колесников, 2019

ISBN 978-5-4496-5415-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КАК БОЛЬШИНСТВУ СТАТЬ НАРОДОМ. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Году, наверное, в 1988-м, когда конструкция империи пошатывалась, угрожающе скрипя и кренясь, я прогуливался со своим отцом, два десятка лет проработавшим на Старой площади и заканчивавшим свою карьеру в Верховном совете СССР, и задал ему самый простой и самый сложный вопрос: «Пап, а что будет?» «Как начальство скажет, так и будет», — ответил он.

Тогда я возмущился этим командно-административным ответом старого ортодоксального коммуниста — о, у нас были яростные споры! — не понимая его сути, которая стала мне очевидна много лет спустя.

Тогда, в перестройку, начальство сказало: да будет демократия! И миллионы людей обнаружили в себе неодолимую, как фрейдистское либидо, тягу к вольнолюбию. Да такую, что руководству Советского Союза оставалось только бежать впереди селевого потока, изображая из себя прогрессивный арьергард проснувшегося общества.

А теперь вот начальство сказало: ребята, вы были унижены развалом СССР и рыночной стихией, инспирированной миром чистогана, не помнящим родства и Достоевского, пора вернуться к традиционным ценностям, приверженцами которых вы в глубине души были все эти годы. И миллионы людей подумали: а ведь в самом деле — мы были унижены, нас обвел вокруг пальца Запад, которому нужны наши несметные природные богатства — если не пенька и пушнина, так нефть и газ, мы забыли о том, что у нас есть хоругвь, атомная бомба и кузькина мать. И обнаружили такую тягу к добровольной архаизации, национализму и империализму, что начальству приходится время от времени даже сажать в тюрьму чересчур

разгулявшихся адептов его же новой государственно-православной идеологии.

Был спрос на демократию 30 лет тому назад? Да, был. Но его нужно было разбудить сверху предложением со стороны власти. Был ли спрос на нечто имперское и фундаменталистское, допустим, лет 10 назад? Да, был. Но его нужно было разбудить сверху таким же энергичным предложением со стороны власти. Сработала не экономика, но политика предложения.

Спор Петра Авена и Анатолия Чубайса чрезвычайно важен – это мучительные поиски причин поражения либералов в России, поражения, которое уже приходится признавать. Я совершенно не разделяю гнева и пристрастия многих своих друзей из либерального лагеря, которые записали Чубайса в адепты самодержавия, православия, народности, – все гораздо сложнее: речь, как сказал чуть по иному поводу поэт, о пролитом молоке реформ. Средние россияне пользуются их результатами, приписывая успех не той власти, которая провела реформы, а той, которая с нами уже почти 20 лет. Сами же либералы продолжают уповать на авторитарную модернизацию, обнаруживая, что иного инструмента кроме государства и его многолетнего лидера у них как не было, так и нет.

«Я была с моим народом там, где мой народ, к несчастью, был» – это опять-таки не о реформах, хотя и о времени другого эксперимента, тоталитарной демодернизации. Собственно, пафос Чубайса в том, что реформаторы не были со своим народом там, где он был. Или – где хотел бы находиться. Отсюда и успех той власти, которая вроде бы наследовала Борису Ельцину, но с которой стало все ясно

4 КАК БОЛЬШИНСТВУ СТАТЬ НАРОДОМ. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

уже к 2003 г. – времени поражения демократических партий и ареста Михаила Ходорковского.

Лично у меня как у либерала есть алиби. 20 января 2000 г. я опубликовал в «Ведомостях» статью «Чай с Путиным». Я доказывал, что новый российский лидер, тогда еще не избранный президентом, будет строить в России корпоративистское государство, чем-то напоминающее муссолиниевскую Италию. А фото чаепития кого-либо с Путиным, как и фото чаепития с Муссолини из фильма Франко Дзеффирелли «Чай с Муссолини», не спасет участника этой церемонии от проблем в будущем.

Разве получилось как-то иначе? Да и иначе и быть не могло! Начальство удовлетворило своим предложением спящий спрос на абстрактный «порядок» и возвращение государства во все сферы жизни. Сначала был посттранзитный восстановительный рост (низкий поклон Гайдару Егору Тимуровичу!), и государство, как почти заграничный официант (тогда ведь еще не было тотальной иностраннофобии), сказало, преподнеся блюдо роста реальных располагаемых доходов населения, Enjoy! Но кто ж знал, что в этом «Наслаждайтесь!» был оттенок большевистского «Обогащайтесь!». Обогащайтесь, а потом мы к вам придем с проверками, отъемом бизнеса, с ковшами экскаваторов, и ваши обогатительные права собственности мы объявим фальшивыми бумажками. Наше агрессивно-попугавшее большинство будет только аплодировать, ибо мы его воспитаем в духе патернализма, иждивенчества и уважения к темным страницам собственной истории. А когда закончится восстановительный рост, роль валюты для покупки лояльности станет играть восстанавливаемое самыми жесткими методами чувство великой державы.

Спрос на несуществующие угрозы нашей богоспасаемой стране станет равным предложению.

А теперь скажите мне, при чем здесь «народ», который то ли сам чего-то не понял, то ли его не поняли? Есть юридическое понятие «народ как источник» власти. А «народа», который следовало понять, чтобы заработать его любовь, не существует в природе. Когда не народу, но «большинству» объяснят на пальцах, что либерализм и демократия ему выгодны в прагматическом смысле, тогда он бросит свои хоругви, серпы, молоты и портреты государя императора и снова начнет получать удовольствие от дружбы с похищенной у него Европой. И даже дядюшка Сэм не будет казаться таким чужим. Только объяснить это в нынешних политических условиях не представляется возможным — даже при продолжающемся несколько лет падении тех самых реальных располагаемых доходов населения. Потому что если первое лицо нашего государства публично утверждает, что они растут, — «большинство» будет разделять это мнение.

Уповать на то, что первое лицо вдруг объявит сверху демократию и тогда тот самый «народ», он же социологическое «большинство», вдруг подумает: а ведь он прав — без нее даже корма не добыть, не говоря уже о товарах длительного пользования, не стоит. Никто ничего не объявит. Это банальный, описанный почти полвека назад выдающимся писателем и философом Владимиром Кормером интеллигентский соблазн просвещения власти. Тут хоть обпейся чаю по Дзеффирелли — не поможет.

Возможно, впервые в истории России «народу» придется пойти своим умом до либерализма, без помощи верхов. И превратиться из «большинства», подчиняющегося

законам психологии толпы, в сумму думающих меньшинств, как и положено в нормальной демократии. Из «народа» — в народ.

Портрет же правителя наконец, по Набокову, не будет превышать размера почтовой марки.

7

ЧАЙ С ПУТИНЫМ

А вот и та самая статья-алиби 2000 года. Ее сняли по цензурным соображениям, что лишь подчеркивает справедливость моих выводов, из номера газеты «Известия», где я тогда работал политическим обозревателем и мне пришлось передать ее в «Ведомости».

Свежеиспеченный 37-летний премьер-министр Италии Бенито Муссолини 18 марта 1923 г. выступил на открытии Второго конгресса Международной торговой палаты. «Молодые силы войны и победы», говорит глава правительства, приведут страну к экономическому расцвету. Главное — государство должно отказаться от тех экономических функций, которые оно не в силах исполнять. Меры государственного контроля, которые могли бы «удовлетворить левых демагогов», но фатальны для экономического развития любой страны, будут отменены.

Чем не манифест экономического либерализма? Британские наблюдатели удовлетворены, Муссолини им кажется чем-то вроде Сергея Кириенко, в равных пропорциях смешанного с Владимиром Путиным (молодые либералы плюс молодые силы войны и победы).

Флоренция, 1934 г. Место и время действия вышедшего в прошлом году на экраны фильма Франко Дзефирелли «Чай с Муссолини». Английские дамы очарованы итальянским диктатором. Пожилая вдова бывшего посла Британии, яростная поклонница дуче, после начала фашистских погромов добивается приема у Муссолини и получает от него гарантии того, что все останется как прежде. Фотография чаепития с диктатором помещается на самом видном месте в ее комнате. Но и это не спасает английских старух от мягкой депортации из Флоренции и заключения под стражу.

Правые российские политики и правые журналисты образца 2000 г. сильно напоминают британских пожилых леди, которые не в состоянии поверить в худшее – потому что у них есть фотография с соответствующего чаепития. Старуха пила чай с Муссолини. Он обещал ей демократию вообще и безопасность в частности.

Кириенко подарил Путину экономическую программу СПС. Акт передачи записан на видеопленку.

Молодые силы войны и победы успешно выступают на выборах.

Правые публицисты с пафосом рассуждают о надеждах, которые связаны с именем Путина, и говорят, что теперь осталась самая малость – вооружить его либеральной идеологией – и он будет наш.

Возможно, все страхи напрасны. Возможно, Путин будет строить новую идеологическую модель, которая ни одной политической силе не позволит считать его целиком своим. Возможно, он сконструирует из «Единства» этакую голлистскую партию на русский манер, правую, конечно, но не либеральную, а консервативную. Есть даже готовые формулы идеологического поведения. В интервью The New York Times в ноябре 1972 г. Ричард Никсон так описал свое идеологическое кредо: «Консерватизм в духе Дизраэли – сильная внешняя политика, приверженность основным ценностям и... реформа, которая будет работать, а не разрушать».

Если продолжать гадать о контурах режима, который Путин начнет устанавливать с весны этого года, можно предположить, что это будет некий вариант прагматической,

управляемой демократии. Вопрос в степени этой управляемости и жесткости (или жестокости) прагматизма. И в том, что такое прагматизм по-путински. Раймон Арон, тонкий исследователь всех возможных режимов, писал, что режим, «стремящийся к либерализму без демократии», именно поэтому не имеет возможности стать либеральным.

Так что с устройством нашего будущего — сплошной туман. Конечно, есть основания надеяться на лучшее. Только зачем захлебываться от восторга? Вспомним Флоренцию 1934 г. и старушечьи заблуждения.

А теперь postscriptum 2011 года. Чай с Путиным — 2, в то время путинский корпоративизм оформился окончательно — в преддверии его возвращения в 2012 году и начала формирования будущего «крымского консенсуса». Текст был опубликован в «Новой газете».

История с созданием «Народного фронта» ясна и прозрачна: для всех политических сил он должен сыграть роль фотографии с чаепитием с Муссолини — то есть охранной грамоты после того, как начнут разбираться с теми, кто остался за бортом этого самого фронта. («Где вы были, когда все люди доброй воли кровь на фронте проливали?» — спросит НКВД.) А разбираться начнут после блистательной победы Мусс... то есть, как говорили во Флоренции, scusi, Путина на выборах 2012 года. (Популисты ультраправого толка любят вставлять в названия своих партий и предвыборных блоков слова «народный» и «народ».)

Есть и еще более прямые аллюзии с Муссолини, который начинал практически как экономический либерал, а закончил известно чем: это корпоративистское государство. Суть

10 КАК БОЛЬШИНСТВУ СТАТЬ НАРОДОМ. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

его, если грубо, в том, что все общество загнано в корпорации — по профессиональному и социальному признаку. Как писал еще в 1928 году Николай Устрялов, исследовавший этот феномен, речь идет о широком и «органическом» общенациональном блоке — «от магната финансового капитала до последнего неквалифицированного рабочего».

Послушаем Путина: «И мне бы очень хотелось, чтобы и «Единая Россия», какие-то другие политические партии, профсоюзные организации, женские организации, молодежные организации, скажем, ветеранские организации, в том числе ветеранов Великой Отечественной войны и ветеранов войны в Афганистане, — чтобы все люди, которые объединены единым стремлением укреплять нашу страну, идеей поиска наиболее оптимальных вариантов решения стоящих перед нами проблем, могли в рамках единой платформы — давайте назовем это, скажем, «Общероссийский народный фронт», потому что в преддверии 9 Мая и в Сталинграде такая риторика, мне кажется, вполне уместна — «Общероссийский народный фронт...»

Мало того, что Владимир Владимирович опять приватизирует Великую Отечественную войну. Он ясно дает понять: кто не с нами, кто не объединен «единым стремлением укреплять нашу страну», то есть наш политический режим, тот против нас.

«Народный фронт» Путина и есть корпорация Муссолини: все, от профсоюзов Шмакова до женских организаций, получают единую крышу. Главное — оставаться под крышей, под контролем, не рыпаться и вовремя произносить здравницы. И все ради развития родной Итал... тьфу ты, России. Передовыми отрядами станут молодежные организации.

Ведь все для них, для молодых, ради их будущего. Не зря гимн муссолиниевцев назывался Giovinezza — «Юность». Вот они и пели, голубчики: «Per Benito Mussolini, Eja, eja, alala!» Есть там и такие строки: «Поэты и ремесленники,/Землевладельцы и крестьяне/С гордостью итальянцев/Клянутся в верности Муссолини./Нет даже бедного квартала,/Который бы не послал свои отряды,/Который бы не развернул флаги...» Чьи флаги развернул — не скажу, чтобы не получить судебный иск... И дело даже не в названии явления, а в политической технике мобилизации масс на большое дело.

Можно возразить, что, например, в словах Путина, сказанных в Волгограде, когда он объявлял о создании своего фронта и агентства социальных инициатив при себе: «С вовлечением молодых людей в проработку и принятие принципиальных для страны решений появятся и больше возможностей для того, чтобы избавиться от застарелых проблем нашего общества», — нет ничего плохого и настораживающего. Но в словах Путина образца 1999-2000 годов тоже не было формальных признаков, которые позволили бы его сравнить с Муссолини. Просто к власти приходили молодые силы (чеченской) войны и победы. То есть сама действительность, которую и обязан анализировать политический обозреватель, была прямой цитатой из Муссолини. Поэтому в очередной цитате из Путина я вижу не модернизацию с социальными лифтами, а окончательное решение «застарелых проблем» типа политической конкуренции.

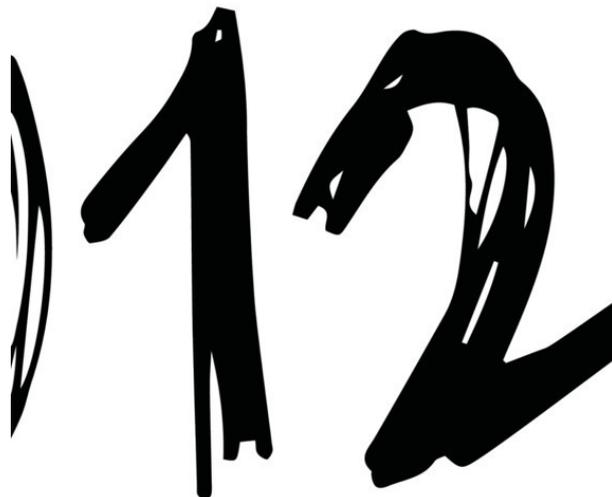
В реализации идеи «Народного фронта» я вижу принцип, провозглашенный дуче в 1925 году: «Все в государстве, ничего вне и против государства».

Кто думает, что это не так, волен так думать. В январе 2000 года я тоже втайне надеялся, что мое сравнение не вполне удачно. Только как бы нам всем не оказаться в положении английских старух из Флоренции 1934 года.

13

20
ЛЕВИАФАН
ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Тот политический режим, который нам известен с 2014 года, на самом деле сформировался гораздо раньше. Инкорпорация Крыма продлила ему жизнь, но по большому счету уже в 2012 году он обрел все, то есть – абсолютно ВСЕ те черты, которые характерны для него и сегодня.

БИТВА АЛЬФА-САМЦОВ

Предвыборная кампания приобретает все более альфа-самцовый характер. Послушав площадь, немного подумав, Владимир Путин пришел в себя (во всех смыслах слова) и все чаще и решительнее стал показывать, кто в доме хозяин, время от времени апеллируя к рабочему классу. Нельзя сказать, чтобы рейтинг его вырос – он, скорее, вышел на определенное плато и стабилизировался в ожидании новых приключений. Замер фонда «Общественное мнение» 15 января показал электоральный рейтинг в 45%. Это на 1% больше предыдущей недели и ровно такой же, какой был 30 ноября, т.е. показатели вошли в свои естественные домитинговые границы.

Позиция Путина становится жестче и нетерпимее. Площади ясно дано понять, что ни одно требование не будет удовлетворено, включая даже вполне рациональные мечты о переходном парламенте и президенте, проводящих политическую реформу и уступающих место избранным по обновленным правилам политикам новой волны. Путин сам собирается рулить процессом фейковой демократизации по старому проверенному рецепту, который описан еще в гениальных «Зияющих высотах» (1976) Александра Зиновьева: «...внести какой-то корректив в связи с изменившейся ситуацией для сохранения режима. Например – разрешить бороды, индивидуальных коров, мини-юбки и узкие штаны, чуточку абстракционизма и т.п.».

Понятно, что в ответ мирный деполитизированный протест, за считанные дни выработавший удивительную для России дружелюбную субкультуру, будет политизироваться. И вместо закрепления этой новой протестной культуры начнутся поиски контрфигуры, своего, демократического альфа-самца. И тогда развести политику и площадь, избе-

16 ЛЕВИАФАН ВОЗВРАЩАЕТСЯ

жать противостояния уже не получится. Площадь, согласно социологическому опросу «Левада-центра» на проспекте Сахарова, симпатизируя и доверяя главным образом не политикам (за исключением Алексея Навального) – Леониду Парфенову, Борису Акунину, Юрию Шевчуку, на официальных президентских выборах собиралась голосовать за Григория Явлинского, обходившего в предпочтениях масс Михаила Прохорова. Но опять-таки, если бы в списках был Навальный, проголосовали бы за него.

Власть, решая задачу снижения явки в первом туре и отдавая предпочтение Прохорову, сбросила с электорального корабля Григория Явлинского. И, всерьез не рассматривая площадь в качестве конкурента, власть невольно перенаправила политическую энергию толпы в конфликтное русло и расчистила поле для настоящего альфа-самца. А он у площади один, с рейтингом доверия в 36% и электоральным в 22%. Зовут – Алексей Навальный. Как было сказано по аналогичному поводу: «Какую биографию делают нашему рыжему».

Вместо нащупывания компромисса, мало-мальских попыток сформулировать повестку для переговоров и прочей тонкой политической работы в интересах граждан страны жестко сталкиваются лбами две позиции, противопоставляется, вплоть до разжигания классовой ненависти, «хорошее» большинство, соль земли, и «плохое» зажравшееся меньшинство.

Вслед за этими процессами две стороны выставят двух альфа-самцов и начнется политическое противостояние. У Путина появится еще один повод вести себя жестче. Повод, который он создаст себе сам.

* А А А А
17

ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН

Есть такой старый советский анекдот: Рабиновича вызывают в КГБ и говорят: «Ну что вы на каждом углу кричите, мол, молока нет, мяса нет. Раньше бы мы вас расстреляли, а сейчас вот проводим беседу – больше так никогда не делайте». Он выходит на улицу и изумленно говорит: «И патроны у них тоже кончились».

У нынешней власти, несмотря на перманентное повышение довольствия тем, кто изображает «штыки», ограждающие «от ярости народной» (Михаил Гершензон), и 20 трлн руб. на вооружения, патроны тоже кончились. Хуже того, у нее, столь легко разбрасывающейся чиновниками вроде Алексея Кудрина, кончаются кадры.

У нынешней власти, которая всерьез собралась на выборы, в 2012 г. будет слабое правительство с выставочными, пиаровскими вице-преьерами Рогозиным и Сурковым, роскошь содержания которых не мог бы себе позволить даже Совмин СССР времен председателя Тихонова; слабая Госдума, столь же неяркая, как и предыдущая, но уже более капризная; слабая администрация президента – раньше были Чубайс и Волошин, а теперь Иванов и Володин. Управленческий масштаб не тот.

Правящая элита от отсутствия обратной связи с обществом и ввиду дистрофии механизмов ротации деградирует на фоне окончания эры «стабильности». С таким управленческим потенциалом с трудом можно было руководить страной в годы нефтегазовой анестезии, а уж в эпоху турбулентности, когда придется еще и разговаривать с активной частью народа, менеджерского ресурса не хватит на решение даже самых простых вопросов. Один умный оппонент Путина в частной беседе недавно заметил, что Владимир

Владимирович в своей долгой карьере решал задачи, сопоставимые по масштабу с нынешней. А нынешняя состоит в строительстве отношений с современными, образованными, разочарованными людьми, которые категорически не хотят видеть у власти Путина. Возможно, еще несколько лет назад «национальный лидер» нашел бы способы вербовки этой малозначимой для него части народа. Но сегодня создается впечатление, что он даже не чувствует опасности.

Да, самое логичное для него — возглавить, как это сделал когда-то Горбачев, процесс демократизации. Но активная часть общества уже не готова принимать демократические дары из рук теряющего тefлон лидера. Да он и сам не понимает, зачем ему это делать, полагая, что и так все рассосется само. К тому же Горбачев начал демократизацию, когда его популярность шла вверх. Для Путина начинать демократизацию, когда его популярность идет вниз, равносильно добровольной сдаче власти. Поэтому демократизация будет идти помимо его воли.

Идея круглого стола могла бы стать спасительной. Но Путин, который не готов всерьез воспринимать площадку без лидера, постепенно перестает быть стороной, субъектом переговоров. А тянуть время и потом вдруг допустить переговоры — это значит выбрать польский сценарий 1989 г., т. е. договариваться уже об условиях ухода.

Победа Путина в президентских выборах будет означать тупик. Для него самого. Слабое правительство, беспомощная администрация, невнятный парламент. Его власть постепенно становится потешной — кончатся патроны. И он сам — последний ее патрон.

19

СЛАБАЯ СИЛА

Кандидат в президенты Владимир Путин очарован идеей силы. Даже его статья об армии названа «Быть сильными». Вероятно, это компенсация политической слабости.

Недавно побывавший в Москве болгарский политолог Иван Крастев, имея в виду Путина, сказал, что слабым может себе позволить быть только гиперлегитимный лидер. Отсюда и борьба Путина за имитацию легитимности — лейб-социологи уже дают ему чуть ли не 60% голосов. Но это же свидетельствует о том, что Путин слаб.

Что у Путина слабое? У него есть ресурсы на то, чтобы брехать оружием в газетных статьях, все больше напоминающих многотомник Леонида Ильича «Ленинским курсом», но нет ресурсов на то, чтобы это оружие применить. «Мягкой силы» он за 12 лет не нарастил — даже в географических пределах «исторической Руси».

У Путина слабая социальная база. После того как средний класс — основа былого «путинского большинства» — ушел на площадку, Путин, по сути, перестал быть национальным лидером, потому что остался с некачественным электоратом, «наемниками», чью поддержку надо в буквальном смысле покупать.

У Путина слабые управленческие рычаги — он принимает решения сам с помощью или во благо друзей и их родственников. Государство-семья в отсутствие дееспособных институтов (нечестные выборы — это как раз развалившийся институт представительства) работает плохо.

У Путина слабое понимание происходящих общественных процессов. Он не понимает, «про что» площадка, чего ей

не хватает. Он видит крикунов, сутяжников и проплаченных деятелей. (Каждый понимает в меру своей испорченности.) И полагает, что можно откупиться, разбив парк – Гайд-парк. Таков уровень восприятия им общественных процессов. Свое восприятие он принимает за реальность.

Если «государство – это Он», а индикатор изменения настроений в обществе – это Болотная, то государство очень сильно отстало от общества. Не только не понимает и не знает общества (по формуле Юрия Андропова, которая придумана Александром Бовиным), но и отказывается понимать. Общество требует реформ, а путинская элита не понимает, каких и зачем. Поэтому уже и невозможны (по крайней мере в этой модели) реформы сверху и «правительство – единственный европеец». В начале 1990-х элита, правительство реформаторов, рекрутированное из молодой академической среды, опережало общество и потому реформы сверху были возможны. И потому они были эффективны. И ровно потому не поняты. Путин не способен на реформы – и это признак не силы, но слабости. И именно поэтому он наркотически зависим от цифр электоральной поддержки, от народной любви, которую приходится уже покупать или взращивать на равнодушном тезисе «лишь бы не было хуже».

Лидер, уверенный в своей легитимности, не идет во власть на «наших», не въезжает в нее на автобусах «Роснефти» и «Мосводоканала», не берет ее с помощью проверяльщиц из ЦБ и ФСБ, не продвигается к ней с мигалочным кортежем и с помощью ФСО. Когда-то Борис Ельцин въехал во власть на троллейбусе. Способ популистский, спору нет. И лидер был слабый. Но он мог себе это позволить, потому что до поры был гиперлегитимным.

РАКОВИНА ПУТИНА

Как-то в беседе с Голдой Меир Ричард Никсон обронил: «В международных отношениях я всегда руководствуюсь правилом: поступай с другими так, как они поступают с тобой». «Плюс десять процентов», — с мрачным юмором классического ребе из анекдота вклинился в разговор Генри Киссинджер.

Ровно в этой логике действовал Владимир Путин, когда ответил протестному движению, требующему его отставки, своими «десятью процентами» — поправками к закону о митингах.

Почему-то широкая общественность думала, что Путин наложит вето на этот нормативный документ. Этого не случилось. 8 июня в декадентской роскоши нового здания Санкт-Петербургского горсуда, адаптированного к такого рода заявлениям, президент пояснил свои мотивы: «...я не только закон подписал, я внимательно посмотрел и материалы <...> сравнивая наш закон с аналогичными законодательными актами других европейских стран: Федеративной Республики Германия, Италии, Испании, Великобритании, Франции. Судя по этим материалам, в нашем законе нет ни одного положения, которое было бы более жестким». Возможно, глава государства искренне не понимает, что гражданский протест в России и «поджоги машин и грабежи магазинов» в Лондоне (на этот казус он сослался на том же совещании) — разные сюжеты. Но тогда можно вести речь о его самоизоляции от попыток понять то общество, с которым он имеет дело.

После выборов Путин поверил в поддержку большинства. Именно в поддержку, а не в пассивное голосование, спровоцированное отсутствием в меню альтернативных поли-

22 ЛЕВИАФАН ВОЗВРАЩАЕТСЯ

тиков. Мотивов протестов, если они не обусловлены экономическими причинами, он не понимает: чисто социальное недовольство можно потушить деньгами, дозированно поддерживая тот уровень бедности, который поможет мобилизовать социально пораженные слои населения во время электоральных кампаний путем подачек из бюджета. Недовольство же политическое он, судя по всему, искренне считает интеллигентской блажью.

Но вот как быть с такими данными социологов: суммарно 69% респондентов «Левада-центра» считают, что Путин должен вступить в диалог с оппозицией. Правда, эти упования очень напоминают прекраснуюдушную веру в то, что он мог бы наложить вето на закон о митингах. Тем не менее верящих в то, что он пойдет на контакт с протестующими, даже после 6 мая — 28% (45% реалистично полагают, что его политика будет только ужесточаться).

Существует четко артикулированный общественным мнением запрос на диалог власти с протестным движением. Идти на диалог первое лицо не готово. Отдельная тема — способна ли к адекватной дискуссии оппозиция. Судя по путаному манифесту, который готовился оппозицией к 12 июня, — пока нет: степень реалистичности познается по убежденности в том, что возможна добровольная отставка Путина.

Так что ответить на запрос общества некому. Нацлидер предпочитает вести диалог с товарищем Холманских и фотографией Ганди на белой стене. Раковина Путина закрывается. Для проформы остаются институции вроде АСИ и «открытого правительства». Оппозиция же вынуждена вести «диалог» с ОМОНОм и следственными органами.

ОККУПАЙ МОДЕРНИЗАЦИЮ

В нашумевшем докладе Центра стратегических разработок (ЦСР) один из сценариев, вероятность реализации которого сами авторы оценивают как низкую, называется «Ускоренная модернизация». Модернизаторское крыло во власти находит точки соприкосновения с адептами модернизации на площади, и они вместе двигают страну по пути политической свободы и рыночной экономики. Правда в том, что водораздел проходит не по линии «власть vs. площадь», а по критерию «сторонники либеральной модернизации против сторонников левой или консервативной модели» (радикалы на площади и силовики-охранители во власти).

Правда и в том, что существует сценарий «Политическая реакция», когда радикалы с обеих сторон провоцируют столкновения и беспорядки. Репетицию мы видели 6 мая. При том что это противостоящие стороны, у них, возможно, больше общего, чем у националистов, левых и либералов на площади, неразрешимые противоречия между которыми обнаруживаются тогда, когда начинается разговор о позитивной программе. Православный чекист в интервью Кремля и ультраправый русский националист в ландшафте площади — это одни и те же люди, только вписанные в разные пейзажи.

В новом правительстве есть люди, которые способны решать модернизационные задачи. Например, министр связи Никифоров или министр образования Ливанов. Но, будучи запертыми в границах системы, цель которой — принципиальное сохранение неподвижности, они вряд ли продвинутся дальше нескольких с большим трудом реализованных «малых дел». Модернизация в России, пусть и разная типологически, происходит только сверху — от сталинской индустриализации до гайдаровской либерализации.

Но нынешняя элита ее осуществлять не будет. Модернизация снизу невозможна, хотя важная ее часть – раскрепощение сознания – происходит именно на улицах. Низы должны стать верхами, изменить систему и ее кадровое наполнение и уже тогда начинать модернизацию сверху.

Проблема в том, что «верхние» модернизаторы и слышать не хотят о низах. А «нижние» модернизаторы, разочарованные во власти как таковой, вряд ли воспринимают в качестве дееспособных фигур модернизаторов наверху. Для них они корыстолюбивы, изнежены, безвольны. «Нижним» модернизаторам еще предстоит пройти не только официальные шлюзы, но и искать свою группу поддержки, возможно поверх голов нынешних лидеров оппозиции – от Навального до Удальцова. Есть ощущение, что те, кто пробивается сейчас через регионы, относятся к лицам протеста так же, как и к лицам власти. Глава ЦСР Михаил Дмитриев обращал внимание на политика нового типа, одного из бывших менеджеров госкорпорации, который завоевал симпатии всех фокус-групп. Он принадлежит к той страте, которая одинаково скептически относится к медийным фигурам и власти, и оппозиции. В союз им вступать не с кем, и наверное, чтобы реализовать модернизаторский порыв, придется брать власть. Нынешнее руководство, включая модернизаторов, свой шанс на осовременивание России уже упустило.

Так что если и должен быть лозунг у оппозиции нового типа, то он такой: «Оккулай модернизацию!».

25

ПРИНУЖДЕНИЕ К НРАВСТВЕННОСТИ

Мы с моим старым, еще университетских времен, приятелем, который отличался чрезвычайным антисоветизмом, грешил тамиздатовщиной и самиздатовщиной и даже проработывался на комсомольских собраниях чуть ли не факультета, сидели в сквере у памятника героям Плевны среди иной раз специфических персонажей московского дна, но с видом на ЦК, т.е. администрацию президента. Я показал на пятый этаж серого здания и сообщил своему другу, что там сидел Леонид Ильич. В ответ он неожиданно твердо заявил мне, что хочет в Советский Союз. По ряду причин. Одна из которых – нынешнее всеобщее культурное одичание и архаизация.

По ходу разговора мы выработали понятие «принуждение к нравственности». Нацию, сказал мой приятель, от одичания спасает только навязываемая сверху как некая меганорма нравственность. Пусть в виде морального кодекса строителя коммунизма и комсомольских собраний (на которых его же и проработывали) – но иначе народ распускается и опускается до уровня отдельных обитателей сквера у памятника героям Плевны. Я возражал, что, мол, ГУЛАГ существовал ровно в те времена, когда принуждение к нравственности оказалось на пике. Нет, ответил он, ты прекрасно понимаешь, что мы разделяем 60-70-80-е и сталинский период. Когда лучше работалось в науке – сейчас или в те годы, когда снимался выдающийся фильм «Девять дней одного года»? Пусть это красивая метафора времени, но она не лживая. Когда общественные настроения были нравственнее и по-хорошему оптимистичнее – сейчас или когда снимались «Застава Ильича» и «Я шагаю по Москве»?

Спорить с этим трудно. Однако наше время дает контраргументы. Ведь сейчас тоже наступает эра принуждения

к нравственности – с культом рабочего человека, защитой православных святынь (вместо марксизма-ленинизма), законопроектом о запрете на иностранную недвижимость для государевых людей. И заканчивается это все абсурдом, чуть ли не запретом на курящего волка из «Ну, погоди!» или посадками, причем политическими.

Принуждение к нравственности приводит к тому, к чему оно приводит в арабских странах, где «за родину, за нравственность» убивают американского посла, а награду за голову Рущи увеличивают – правда, при этом номинируя ее в долларах. Наверное, нравственность – она как религия: живет внутри человека, отдельного и частного. И растет снизу, а не навязывается сверху. Как у тех же ребят из «Заставы Ильича» или «Я шагаю по Москве»: да, была пафосная марксистско-ленинская рамка, но все хорошее шло от человека, а не от системы. Иногда это хорошее начинало противоречить и противостоять системе. И тогда легко представить этих романтических людей из фильмов Хуциева и Данелии посаженными в тюрьму. Что, собственно, и началось во второй половине 1960-х. Ибо слишком много стало в передовых слоях «частной», нелегальной нравственности.

Вот и сейчас в корневой основе своей протестное движение – это движение за этику, за честность. Потому и дискредитировать его пытаются, демонстрируя по телевизору деньги, нечистоплотность в быту, заказ... Но государство-то знает, что и здесь оно тоже отстало от общества. Что оно не имеет права навязывать нравственность, помечая все вокруг 18+, потому что само безнравственно.

ЗА ПОРЯДКОМ В АМСТЕРДАМ

Страна, на счет «раз» вспомнившая заветы Иосифа Виссарионовича, с невероятной готовностью, которую трудно было предположить в людях, носящих под сердцем значок В101п и имеющих, как правило, годовую или пятилетнюю шенгенскую визу, стала искать сама на себе «иностранных агентов». Причем каждый адаптирует это к поставленным (иногда самому себе) задачам. Например, известный экономист и эсер Оксана Дмитриева отделила хороших «агентов» – социально ориентированных, от плохих – тех, которые разрабатывают вредные экономические реформы на иностранные деньги. Сейчас это, по мнению бывшего министра труда, Высшая школа экономики, которая привнесла в Россию западную заразу в виде ЕГЭ, Болонского процесса, реформы здравоохранения (это когда у нас реформа здравоохранения-то проводилась?) и проч. В ВШЭ, надо отметить, в соответствии с исторической правдой ответили, что занимались этим по заказу правительства или по собственной инициативе, а не на западные гранты. То есть господ рядом не стоял.

Измельчала эпоха. Раньше в верной службе мировой закулисе, МВФ, ВБ, каким-то клубам с непроизносимыми названиями, Opus Dei и т.д. обвиняли целиком всю систему органов исполнительной власти РФ. Теперь вот только отдельные университеты. А агенты какие были? Не чета нынешним. Джеффри Сакс, Андерс Ослунд, Джонатан Хей. Эх, проспали жидомасонский заговор...

Нынче вообще жизнь какая пошла? Тренеры сборной России по футболу много лет «иностранные агенты». А иначе почему мы проигрываем? Судятся сколько-нибудь состоятельные люди не в России, а там, где действует юрисдикция нашего «самого гуманного суда в мире». Например,

28 ЛЕВИАФАН ВОЗВРАЩАЕТСЯ

в Лондоне. Этот феномен, правда призвав с ним бороться, не так давно объяснил премьер Дмитрий Медведев: «Неэффективность правовых систем всегда будет побудительным мотивом к тому, чтобы <...> обращаться к услугам иностранного суда».

Запад обложил нас своим продовольственным импортом, начался губительный процесс импорта институтов: ВТО уже у ворот, и даже иностранный наймит – Конституционный суд признал легитимность нашего присоединения к Всемирной торговой организации. Правда, вот что удалось за это время сделать, так это поселить беспрецедентных масштабов ксенофобию в душах сограждан. Они люто ненавидят Грузию и США, по ночам бормочут слово «Макфол», свято верят в оранжевые революции, не доверяют не только НАТО, но и ЕС. 47% респондентов, по данным «Левада-центра», считают, что сближение с НАТО идет вразрез с интересами страны, 10 лет назад таких было 37%; такая же динамика за десятилетие по ВТО – от 18 к 35%.

Ненависть к Западу, совмещенная с низкопоклонством перед ним, – самая устойчивая русская матрица. Норманская теория нашего происхождения, Петр Великий, «иностранный консультант Вольтер», «догнать и перегнать Америку», МВФ, ЕГЭ – все это звенья одной уничижительной цепи, карикатурность которой лишь подчеркивается депутатами Сидякиным, Яровой и Дмитриевой.

Однако мы столетиями продолжаем искать на Западе не только «агентов», но и «порядок».

Как там у А. К. Толстого? «Не далее как к святкам/Я вам порядок дам!»/И тотчас за порядком/Уехал в Амстердам».

РОМАНТИКА ЗАМЕСОВ

В риторике Владимира Путина всегда присутствовала – латентно или открыто – сталинская словесная эстетика. «Задержать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют», – говорил Сталин в 1931 г. В 2002-м Путин подстегивал клячу истории: «России нужны сегодня более амбициозные цели. Более высокие темпы роста». Как раз на рубеже той эпохи, которая так импонирует президенту («нужно совершить такой же мощный, комплексный прорыв в модернизации оборонных отраслей, как это было еще в 30-е гг. прошлого века»), советский экономист Станислав Струмилин отлил в граните: «Лучше стоять за высокие темпы роста, чем сидеть за низкие».

В принципе, главу нашего государства можно понять. Обаяние темпов, романтика замесов цемента, очарование бескорыстия – того, которое описано в блистательном романе Валентина Катаева «Время, вперед!». Эстетика большого скачка, впрочем, была свойственна только той эпохе, которую выдающийся демограф Анатолий Вишневский назвал «консервативной модернизацией»: концентрация ресурсов, мобилизация людских потоков, тотальное государственное вмешательство – от планирования до финансирования. А война – это то, что поддерживает на плаву и индустрию, и боевой тонус населения, чуждого потребительской психологии (в Германии соответствующих времен сказали бы – «бюргерского духа»). Результат – в 1980-е гг. 60% продукции машиностроения – военного назначения, 75% ассигнований на науку – проваливаются в ту же дыру. Милитаризованная плановая экономика рушится вместе со страной. И вот спустя четверть века – снова попытка вернуть философию «Уралвагонзавода», превратить ее в государственную идеологию.

«Мы исходим из того, что модернизация и эффективная работа оборонных предприятий — это серьезный резерв роста всей национальной экономики. Именно в ОПК сосредоточена основная часть передовых технологий». Кто подсказал эти литые мускулистые строки президенту? Точно не Алексей Кудрин, который в недавней лекции в Фонде Гайдара констатировал: «Период, когда мы на базе военных заказов создавали новые технологии, а потом они применялись в гражданской отрасли, прошел». То есть не военные технологии становятся драйвером модернизации гражданских отраслей, а наоборот.

Путин даже результат работы ОПК предлагает исчислять в «штуках», в натуральных величинах, как Сталин. И продолжается, до бесконечности продолжается эта гонка за желтой майкой лидера: «И когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор... пусть попробуют догнать нас почтенные капиталисты».

Какая-то подготовка к вчерашней войне позавчерашними средствами. Скоро начнется планирование. Собственно, уже началось. В первых указах, как центнеры с гектара, как литры с коровы, планируются даже дети: «1. Правительству Российской Федерации: а) обеспечить повышение к 2018 г. суммарного коэффициента рождаемости до 1,753...» «Лебенсборн» какой-то, честное слово...

Эта пагубная самонадеянность, эта вера в тотальное государство, в его, как говорил Глеб Кржижановский, «чудодейственную силу» — вот программа нынешнего государства, нашедшего свою корневую систему в 1930-х и отставшего от общества почти на 80 лет.

31

ОБЪЕДИНЕННАЯ СУДЕБНАЯ КОРПОРАЦИЯ

Ждали кликуши демократы судебной реформы, молились на второе пришествие Александра II — получите: идея объединения двух ветвей судебной власти, судов общей юрисдикции с арбитражными, захватив не столько массы, сколько несколько государственных голов, становится материальной силой. А чтобы новая ветвь не маячила маячками на Рублево-Успенском — проще разместить ее в чистом поле, в колыбели Октябрьской революции и чекистов — Санкт-Петербурге.

Даже до того как начнутся поиски ответа на вопрос «Как?» — стоит спросить: «Зачем?» Зачем сливать ветви, где рассматриваются разные по содержанию дела? Зачем сливать судебные вертикали с разной судебной практикой? Чтобы передовики судопроизводства Данилкин, Васюченко, Сырова и множество их коллег под зонтичным брендом «басманный суд» перенесли свой опыт в сферу более или менее осмысленного отправления правосудия, только-только начавшего адекватно обслуживать хозяйственный оборот, — арбитражи? Можно предположить, что это общий тренд, свойственный госкапитализму, — объединение всего живого в большие госкорпорации и госбанки. Логично построить такой неповоротливый «чебол» не только в экономике, но и в системе правосудия. Построили же в политике новую госкомпанию, еще пузыристе предыдущей, — Общероссийский народный фронт. Почему бы не взгромоздить объединенную судебную корпорацию?

Если что и происходило в судебной сфере в последние годы заметным образом, так это контрреформа. Качество человеческого материала отчетливо видно в сроках и мотивировочных частях приговоров. Разрыв между квалификацией судей

высших судов и нижестоящих – великоват. Арбитражные суды тоже не всегда образцы здравого смысла. Но здесь хотя бы предпринимались попытки трансформации сверху – сформировалась судебная практика, соответствующая обстоятельствам рыночной экономики, даже появились начатки доктрин.

И вот как соединить систему, где в зал судебных заседаний могут не пустить, организовав хорошо терперируемую давку, и систему, которая теперь регулируется постановлением Пленума Высшего арбитражного суда № 61 от 8.10.2012 «Об обеспечении гласности в судебном процессе», где в пункте 1 сказано: «<...> арбитражный суд не вправе отказать в допуске в судебное заседание желающим присутствовать в нем гражданам, в том числе по причине недостаточной вместимости зала». Как соединить систему, где судья запрещает вести онлайн-трансляцию заседания (дело Pussy Riot), потому что это может повлиять на участников процесса, с системой, которая теперь регулируется следующим образом: «<...> лица, присутствующие в открытом судебном заседании, имеют право делать заметки по ходу судебного заседания, что предполагает также возможность осуществления ими публикаций в текстовом режиме о ходе судебного заседания в социальных сетях и в электронных средствах массовой информации с использованием собственных технических средств. Такие публикации производятся без специального разрешения судьи – председательствующего в судебном заседании» (пункт 2 вышеуказанного постановления).

И могут ли быть сомнения в том, что при объединении будут применяться правила первой системы в ущерб правилам второй. Может быть, ради этого все и затеяно?

✂ ПРАВОСЛАВНЫЙ ДЖИНН ИЗ БУТЫЛКИ ✂

На фотографии 1971 г. запечатлены студентки Тегеранского университета. Мини-юбки таковы, что иначе как оскорблением чувств верующих их длину назвать нельзя. Горнолыжный курорт Шемшак на фото того же года похож на симпатичное швейцарское шале (благо шах Мохаммед Реза Пехлеви в этой стране учился). Крышка от пепси-колы. Начало 1960-х – иранская молодежь, сбросив туфли, ну совсем как в знаковом шестидесятническом кино Даниели или Хуциева, то ли твистует, то ли, прости Господи, свингует. И никто не говорит иранской рок-джаз группе «Блэк кэтс», что она сегодня, мол, «играет джаз, а завтра родину продаст». В Западной Сибири хорошо ловилось иранское радио, и продвинутая молодежь из академгородка в промежутках между построениями математических моделей оптимального планирования экономического развития слушала джаз от Пехлеви.

Как, по словам Василия Розанова, «Русь слиняла в два дня» в Октябрьскую революцию, так и исламская революция просто разом, в одночасье, со всем этим великолепием голых коленок восточных образованных красавиц покончила. Как будто и не было этой культуры. Мораль: не следует недооценивать фундаментализм.

Процессом над Pussy Riot власть – церковная и светская – не только окончательно и бесповоротно фрустрировала Запад. Она – что гораздо опаснее для нее самой – выпустила из бутылки джинна православного «активизма». Потом сама испугалась, потому что ситуация с бурлящей в котле дикостью начала выходить из-под ее контроля. В этом смысле характерна реакция на состоявшуюся было отмену представления «Иисус Христос суперзвезда» в Ростове – по многочисленным просьбам православной

34 ЛЕВИАФАН ВОЗВРАЩАЕТСЯ

общественности, с которой филармония благоразумно решила не связываться. И официальные представители РПЦ, и глава администрации президента, явный тайный англофил Сергей Иванов, подвергли резкой критике отмену демонстрации классической рок-оперы, на мотив которой полстраны в 1970-е распевало: «Дед Иван, супермен, пьет по утрам одеколон «Кармен»...

В 1979-м, когда картеровская администрация «упустила» шаха, Генри Киссинджер открыто назвал произошедшее «величайшим провалом внешней политики США <...> даже без понимания последствий». И оказался прав: последствия мир расклеивает отнюдь не в аптекарских дозах и 33 года спустя – фундаментализм стоит дорого.

Так и несколько прямолинейные игры нынешней власти, убежденной в своей способности контролировать все и вся, в «Родину», православный фундаментализм в законе (и в правоприменении), хорошо темперированный протест «рабочих» против «норковых шуб» могут закончиться плохо. Беда придет совсем не с той стороны, откуда ждали. Не от золотушной интеллигенции. Не от продвинутой молодежи, поглядывающей на Запад в поисках места учебы, работы и строительства семьи. Не от «иностранных агентов». А от своих, духовно близких, строящихся в казачьи дружины, заменяющих недееспособную и коррумпированную власть, потерявшую даже моральное право на легитимное насилие.

Кажется, наше руководство встало на иранский путь. Власть думает, что она – аятолла. Но рискует оказаться в роли шаха.

ХУ ИЗ МИСТЕР «ЗАКОНОДАТЕЛЬ»

Есть такое удивительное определение – «законодатель». Ху из мистер «законодатель», достоверно не известно, однако иногда кажется, что его колотит нервный тик. Возьмем для примера только последние несколько дней. Допустим, вот депутат Ирина Яровая. Высказывается о возможности наделить ЧОПы (почему не казаков?), работающие в аэропортах, правом досматривать сумки пассажиров (это называется «развитие законодательства в сфере антитеррористической безопасности на объектах транспортной инфраструктуры»). Вносит в Госдуму законопроект об ужесточении законодательства, регулирующего пьяную езду. Предлагает введение госмонополии на лотереи. Высказывает мнение, что санкция по экономическим преступлениям должна вырасти до 20 лет лишения свободы. И это только один депутат, хотя и близкий тем, кто формулирует идеологию и политику.

У нас любят говорить о том, что Конституция – «не музейный памятник», а законы должны совершенствоваться, потому что государству следует реагировать на изменения среды. Ровно в этой логике рассуждал в телеинтервью Дмитрий Медведев. Но у этих изменений – честно говоря, почти у всех – нет никакой собственно правовой логики. Просто государство, используя право, обороняется от общества. Такие законы не несут регулятивного смысла. Они не защищают права и свободы граждан. Не создают правовой определенности. Скорее наоборот: усложненное, часто меняющееся, запутанное, противоречивое право множит неопределенность, дает широкий простор для усмотрения, для любой трактовки закона. В этих ситуациях законы выступают против права (как против принципов права выступало, например, сталинское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство).

Начальство наше все время твердит о правовом нигилизме населения. Но кто же виноват в том, что согласно недавнему исследованию «Левада-центра» резко увеличилось число россиян, отдающих приоритет закону перед Конституцией, даже если он ей противоречит (таких сегодня 29%), и уменьшилось число тех, кто считает необходимой правку законов, противоречащих Основному закону (за два года число убежденных в этом упало с 65 до 54%)? Да и это, вообще говоря, почти схоластическая дилемма, поскольку, не зная о том, что нормы Конституции имеют прямое действие, граждане страны вообще-то живут в соответствии с подзаконными актами и с судьями, которые не могут отличить проступок, прямо обозначенный Кодексом об административных правонарушениях, от уголовного преступления.

И никто уже не удивляется появлению новых диких законов. Скорее поражаются, когда слухи не подтверждаются. Как это было недавно с погашенной прямо в «логове законодателя» инициативой об ограничении работы СМИ во время судебных процессов.

Объявив в начале своего правления «диктатуру закона», Владимир Путин ввел в стране «диктатуру подзаконного акта» и вырастил целое поколение депутатов таранного типа, готовых менять законы в соответствии с любой переменной атмосферного политического давления. Конституция же 1993 г. низведена до состояния плохо политого фикуса в предбаннике зала судебных заседаний. Или Конституции 1936 г.

37

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ЛЕВИАФАН

Русский народный Левиафан, он же гидра контрреволюции, в 2012 г. восстал из «болота» и снова захватил командные высоты в экономике и политике. Ибо так гидре легче выживать. Она требует от элит единства позиции, абсолютной преданности и готовности держать оборону от другой гидры, гидры революции, до последней капли нефти.

ФСО и СКР, этот объединенный НКВД нового времени, готовятся к последнему и решительному бою. Национализация под видом приватизации сосредоточивает последние богатства родины в руках Братства Садового кольца. Второй, ненужный член тандема сослан на Краснопресненскую «набережную неисцелимых». «Рабочие и колхозницы», изображающие народ в Думе, куют законы для оборонного комплекса Левиафана. Остров Россия надежно защищен заявлениями пресс-службы МИДа и страшными клятвами и угрозами депутатов в адрес супостатов. Особо разгудавшихся высших должностных лиц ожидают комфортабельные 13-комнатные апартаменты, но без министерских кресел. Недовольные могут уезжать из страны – пока еще свобода въезда и выезда существует. Или мирно отправляться во внутреннюю эмиграцию, в свои субкультурные трипы. Без них обойдется – Левиафан останется с верными «Уралвагонзаводом» и Поклонной горой.

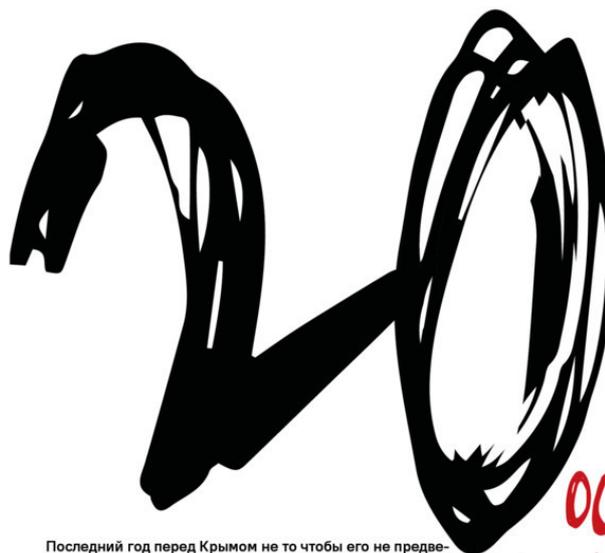
Все под контролем, только вот есть ощущение, что стены крепости Россия изготовлены из глины, а Левиафану скоро перестанут менять воду в бассейне.

Пока формируется своего рода Guardia del Papa с «новой моралью» (в отпуск – только в Сочи!), а кремлевские звездочки гадают по кремлевским же рубинам на национальную идею, ища под Мавзолеем нравственные скрепы

и прочие канцпринадлежности, кое-кто уже подумывает о дезертирстве. То Госстрой в полном составе попытается вовремя соскочить с корабля современности – бегут уже целыми ведомствами! То члены правительства вдруг выступят против закона «о суверенных сиротах». То начнут искать под красной дорожкой нового лидера, хотя поисковыми работами пока заниматься страшновато – можно не вернуться из экспедиции. То в Думе начнут бодаться, кому какой законопроект вносить, а кому выносить вперед ногами. А главное, как сказал один умный человек «оттуда», «все меньше надежд на арбитраж с самого верха». Один человек все разрулить не может, и потому образуется своего рода черный политический рынок, где торгуются договоренности и согласовываются интересы по «ценам колхозного рынка», а не по государственной цене. Но делается это аккуратно, ибо, как при советской власти, за такую «частнопредпринимательскую деятельность» политического характера можно и загреметь.

Ну а тут еще улица с ее все еще «раздраженными городскими сообществами» и остатки демократической прессы, «ворующей документы». Закатать в асфальт, утопить в «болоте»? Только природа явления другая – подземный пожар называется. Сидякиных, Яровых и даже Железняков наземного базирования не хватит. А волонтеров тушить этот пожар нет. Так и превратится с годами могучий Левиафан в хилое Лохнесское чудовище, всплывающее на поверхность по большим революционным праздникам.

Последний год перед Крымом не то чтобы его не предвещал — все вроде бы шло как обычно, и «национализация элит», и новые репрессивные законы, и преследование «иноагентов», и уничтожение арбитражного суда, и восстановление мемориальной таблички Брежневу. Но никто ни про какую аннексию чужих территорий и не думал. А думали об Олимпиаде — как бы не ударить в грязь лицом.

РАКОВЫЙ КОРПУС ВЛАСТИ

Рак – страшная болезнь, которая может длиться годами, а может спалить человека за месяц. И рак бывает разный. Как ни пафосно это звучит – и нравственный тоже. Возникает он во власти – от отсутствия обратной связи с обществом.

История с питерской больницей № 31, где находится детское онкологическое отделение и которую начальство хочет отдать на медицинские нужды высших судей после их дорогостоящего и решительно бессмысленного переезда в Санкт-Петербург, хуже, чем казус с «сиротским законом». Потому что в депутатской активности есть элемент политической спекуляции – т.е. целеполагания, каким бы абсурдным и жестоким оно ни было. А больница – это полное бесчувствие, остановить которое может только то самое гражданское сопротивление, которое не имеет шансов умереть в нынешних обстоятельствах: власть все время дает поводы для того, чтобы общественный активизм не угасал.

В этой истории есть и политическая логика, и, если угодно, социальная логистика. Демократия – это абстракция.

Но как только политическое представительство искажается, исчезает обратная связь. Отсутствие обратной связи позволяет высшим должностным лицам творить все, что угодно. Результат – отсутствие в государственных управленческих решениях не то что здравого смысла (а какой здравый смысл в переезде судов?) и финансовой чистоплотности (зачем тратить столько денег налогоплательщиков?), но и простого человеческого чувства. Например, сострадания. Социальная логистика телодвижений власти в отсутствие обратной связи приводит к полной бесчувственности. И такая логистика самоубийственна, потому что власть теряет остатки авторитета. Именно власть в целом: рядовым гражданам все равно,

кто принимает решение о выселении больных раком детей — управление делами президента, власти Петербурга, федеральное начальство.

И в такой ситуации демократия из абстрактного понятия превращается в конкретный «кейс». Выпустили власть из-под общественного контроля, выбрали ее на основе «токсичных» процедур, согласились с тем, что «нет альтернативы», — получили череду безответственных решений и квазиправовых законов.

Да, есть еще прямая демократия. В нашем случае в виде гражданского сопротивления. Но всегда найдется адвокат дьявола, который скажет, что процедура не прописана, а значит, это сопротивление незаконно, и дьявольский прокурор, который найдет соответствующую статью для нарушающих общественный порядок активистов, которые мешают, допустим, движению транспорта (или чего-нибудь еще).

Ситуация с больницей № 31 настолько дика, вопиюща и симптоматична, что, возможно, власть отыграет ее назад. Хотя опыт последнего года, да что там — нескольких лет, начиная с Химкинского леса, показывает, что здесь работает своего рода «эффект колеи» — в обратную сторону телега не едет. Если поведет на этот раз, это будет важнейший прецедент победы гражданского общества над бесчувствием.

Не политическая победа — нравственная. Хотя в нынешних обстоятельствах любая нравственная победа над раковым корпусом власти — политическая.

43

НЕВИДИМОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Нет, невидимое оно не в том смысле, что компактное, либеральное, состоящее из адептов *laissez-faire*. Его не замечают граждане: по-настоящему узнаваемые фигуры в кабинете министров, как свидетельствует исследование ФОМ, — лишь Сергей Шойгу и Сергей Лавров. Но они, во-первых, уже очень долго пребывают наверху и, во-вторых, давно ходят в статусе телевизионных знаменитостей. Третий по узнаваемости в правительстве — это Виталий Мутко, прославившийся ключевой фразой «лет ми спик фром май харт ин инглиш». Но опять же спорт — страсть миллионов, в качестве орнамента к этой страсти проходит и фамилия профильного номенклатурного начальника. Характерно, что четвертый и последний сколько-нибудь узнаваемый член кабинета — это министр внутренних дел Владимир Колокольцев. Возможно, специфика его деятельности обращает на себя внимание. К тому же с его именем все-таки связываются надежды на реформу трудно поддающейся реанимации полицейской сферы. В остальном правительства в сознании людей фактически не существует. Что, впрочем, вообще ничего не говорит о том, хорошее оно или плохое. В политической системе, где власть сильно персонифицирована и, если угодно, деинституционализована (в ней и единственная значимая фигура, и одновременно единственный институт — это Владимир Путин), узнаваемость, влияние, роль министров не могут быть велики. Это не сталинские наркомы или члены правительства реформаторов-камакдае.

Иногда узнаваемость того или иного министра не соответствует его реальному аппаратному и политическому весу. Например, министра финансов Антона Силуанова узнает всего 3% респондентов. Степень же его влияния явно превышает эти границы.

44 ОСТОРОЖНО, РЕЖИМ ЗАКРЫВАЕТСЯ

Скандалы и критика способствуют узнаваемости – и эта слава, например, преследует министра образования Дмитрия Ливанова, про существование которого знает 9% опрошенных. А насколько «открытое правительство» открыто (или, точнее, освещается по телевизору), можно судить по рейтингу Михаила Абызова – 1%.

Симптоматично, что, не зная о деятельности того или иного министра, респонденты заранее выносят каждому из них приговор: работает плохо. Положительный баланс у очень немногих – тех же Шойгу, Лаврова и Колокольцева, например.

Но опять же – виновато ли в этом правительство как институт государственной власти? Может быть, последовательная дискредитация этого института и режим ручного управления из одного политического ЦУПа снизили статус кабинета министров в глазах населения? Респондентов спрашивают: «От кого зависит положение дел в вашем регионе?» Правительство в списке ответов оказывается на последнем месте. Выше его даже парламент. На первом месте, естественно, главный социальный лифт и разруливатель – президент. Причем его роль выросла с 15% в 2010 г. до 37% в 2013-м.

За деятельностью правительства постоянно следит все меньше людей – 18% опрошенных в 2013-м против 27% в 2009 г.

Можно эти данные конспирологически рассматривать как часть кампании по дискредитации Дмитрия Медведева. А можно – как приговор системе, где единственный орган власти называется «Путин».

МОМЕНТ ДЛЯ КРУГЛОГО СТОЛА УПУЩЕН

Коммунистическая утопия грезил о человеке нового типа и отчасти она его получила — с синим околышем НКВД или в лице Лидии Тимашук. Равно как и сегодняшняя госкапиталистическая утопия, выведшая в кремлевской пробырке типаж депутата Госдумы, циничного *sans frontiers*, т. е. не знающего границ в выполнении любых приказов, но и трансграничного в смысле приобретения недвижимости и прочих удовольствий. Казалось, и улица 2011-2012 обнаружила человека нового типа, молодого и радикально настроенного, этакго активиста 1968 г. без подозрений о том, что 1968 год вообще существовал. Социологические исследования, проводившиеся «Левада-центром» на всех ключевых протестных акциях в Москве, показывают эволюцию социальной базы протеста, основу которой — после эйфорического периода — составил как раз человек старого типа. А именно нерадикально настроенный образованный человек средних лет. Швыряться камнями он не будет, зато его уверенность в том, что демократия самоценна, а смена власти должна последовательно достигаться легальными методами, — непоколебима.

В декабре 2011 г. доля возрастной группы 18-24 года на площади составляла 24%, в январе 2013-го, на марше против «закона подлецов», с четким этическим целеполаганием, — на 11 пунктов (!) меньше — 13%. Незначительно, но значимо выросла доля группы 40-54 года — с 23 до 28%, существенный рост дала категория 55+. Что власть радовать не должно, поскольку на смену коммунистически или, наоборот, корыстолюбиво настроенным пенсионерам идут пенсионеры нового типа — убежденные демократы, готовые до последнего патрона участвовать в выборах.

46 ОСТОРОЖНО, РЕЖИМ ЗАКРЫВАЕТСЯ

Характерно, что средние возрастные когорты «зацепили», и весьма существенно, советский период, застали перестройку в сознательном возрасте, сформировались или вынуждены были развивать свои адаптивные способности в постсоветский период. И вот они-то как раз и остались демократами, их-то, судя по исследованию, и беспокоит необходимость смены власти в стране. Ибо достала эта дурная бесконечность с возвращением к карикатуре на «совок».

Доля сторонников коммунистических идей и национал-патриотов, резко «скакнувшая» вверх на митингах 2012 г., столь же резко, примерно до показателей первых протестных мероприятий, имевших прежде всего этическую основу, упала. А люди с демократическими убеждениями, как и на первых митингах, составляют большинство участников протестов (37% в январе 2013 г., при том что в декабре 2011 г. их было 38%).

При всей своей готовности действовать легально, участвовать в выборах (91% готов голосовать!) человек старого демократического типа не является резервом для сотрудничества с властью. Момент для круглого стола упущен. Среди опрошенных увеличилось число тех, кто оценивает ситуацию как «нарастание хаоса» и «установление диктатуры». С королями хаоса сделки не вступают — иллюзий уже нет никаких. Не слишком высоко оценивая возможности протестного давления на начальство, в большинстве своем митинговые респонденты предрекают смену власти в результате естественного коллапса. По модели Василия Розанова: «Русь слиняла в два дня».

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО В ОСОБЫХ МНЕНИЯХ

Выступление трех судей Конституционного суда (КС) с особыми мнениями по делу о законе о митингах – совсем не ординарное событие. В 2009 г., когда с особыми мнениями по схожему сюжету (оспаривалась неконституционность нормы о необходимости согласования с властями переноса места и времени публичного мероприятия) выступили судьи Анатолий Кононов и Владимир Ярославцев, это выглядело как бунт на корабле, первый звонок. Теперь – как рында, серьезный сигнал о профанации права, ставшей одной из основ политического режима, легитимация которого началась как раз с нового закона о митингах.

Одна из сравнительно недавних статей председателя КС Валерия Зорькина называлась «Предел уступчивости». Речь в ней шла о том, до какой степени возможно отступление нашего суверенного права на конкурентном поле с международно-правовыми нормами и решениями ЕСПЧ. Трое судей КС не побоялись обозначить предел уступчивости конституционного права в другом – в защите Основного закона от пренебрежения властью самими основаниями права, и прежде всего, как это повелось еще со времен римского права, – справедливостью.

«Бессмысленно искать спелые плоды на ветвях отравленного дерева» – так написал судья Юрий Данилов о процедурных нарушениях при принятии закона о митингах. Где нарушены процедурные основания права – там ищи содержательные изъяны.

Три особых мнения обласканных управлением делами и отправленных подальше в золотую клетку в имперскую столицу судей КС – настоящий протест внутри элиты, протест и этического, и профессионального свойства.

(В юриспруденции, вообще говоря, если речь не идет о тоталитарном праве, профессионализм предполагает этическую щепетильность, и наоборот.) Это никакой не заговор элит, о котором сейчас столько разговоров. Это выступление против естественных, но от этого не становящихся менее печальными последствий установления антиправового политического режима. (Здесь не надо путать право и закон: нормативные акты могут быть антиправовыми по своему содержанию, как антиправовым может быть и правоприменение — достаточно вспомнить сталинские тройки.)

Антиправовой режим основан на отвержении институтов, он управляется вручную и даже не прецедентными решениями, а решениями ad hoc, к случаю, и арбитром здесь выступает лишь одно лицо. В такой системе легитимация любого вердикта — цитата из вождя. Начальник сказал «двушечка» — значит, «двушечка». Институциональные нормативные решения в такой системе — не правила, а исключения из правил. Пирамида перевернута: Конституция, которая, на минуточку, является актом прямого действия, находится внизу. Выше ее — законы, вроде закона о митингах. Еще выше — подзаконные акты. (Чрезмерная усложненность, зарегулированность, противоречивость — свойства антиправовой юридической системы.) На вершине пирамиды — усмотрение мелких царьков и большого царя. Про международное право, международные договоры, вердикты Страсбургского суда и говорить не приходится — они вообще смешаны с пылью придорожной.

Что же до Конституционного суда, его честь до поры спасена. Особыми мнениями.

49

КОМАНДА «ОКАПЫВАТЬСЯ!»

Что общего между Сечиним И. И. и Кадыровым Р. А.? Оба они формируют своими словами и действиями, как говорилось в заставке к старой программе «Итоги», «духовный образ России».

«Настоящий» Игорь Иванович, едва только «Роснефть» стала крупнейшей торгуемой нефтяной компанией, извлек деньги «ТНК-ВР холдинга», обрушил акции компании и оставил миноритариев без дивидендов. Для дискредитации имиджа России и идеи Москвы как мирового финансового центра этот шаг значил больше, чем многие другие политические шаги руководства России. «Не нужно быть экономистом, чтобы понять, насколько вредят высказывания господина Сечина экономике, существенным образом зависящей от иностранного капитала», — цитирует Bloomberg одного из портфельных менеджеров.

Президент же Чечни предлагает сформировать этаким «список Кадырова», запрещающий чиновникам высшего ранга, имеющим доступ к «информации стратегического значения», выезжать за рубеж. Это такая доведенная до абсурда «национализация элит» — недвижимость нельзя, счета нельзя, выезжать нельзя. Ограничение права въезда-выезда для определенной группы лиц, даже в виде предложения от лица главы субъекта Федерации, очень много говорит о стране. И политическом режиме, где происходит тотальная абсурдизация в дополнение к милитаризации, клерикализации и стагнации.

Достаточно просто в любой произвольно взятый день открыть ленту новостей и немедленно поселиться в мире, который Ионеско с Беккетом и не снился. Русских детей американцы пилят на органы (реинкарнация «крови христианских младенцев»), утверждает депутат от ЛДПР. Патриарх Кирилл

предположил, что благодать Божья может изменить законы физики и остановить энтропию. Ну и т. д.

Раквина путинского режима естественным образом закрывается. Конечно, закрыться до конца она не может – на носу Олимпиада. Но это, пожалуй, единственный фактор, который сдерживает государство от превращения страны в поле перманентной Бородинской битвы с невидимым супостатом. В остальном же идет формирование железной гвардии со страхом и упреком, единственная цель которой – самооборона режима. Для того и чистятся элиты, призванные под знамена, и концентрируется государственный капитал – берется под окончательный госконтроль «Газпром», надувается «Роснефть», пишется единый учебник истории под руководством РЖД, готовится пушечное мясо, проверяемое на качество нормативами ГТО, отсеивается ненужная гражданская активность, заменяемая на подконтрольные структуры, которым будут выделяться государственные гранты.

Команда «Окапываться!» дана, страна медленно, но уверенно движется к режиму осажденной крепости и опоре на собственные силы. Как сказала «одна прокурор», изучая документы одной НКО, занимающейся просветительской деятельностью, в том числе и на деньги иностранных организаций: «В своем доме мы можем бить свои горшки». Беда только в том, что рационального смысла в таких действиях нет и в один прекрасный день горшков, полезных в хозяйстве, может не оказаться вовсе.

АМЕРИКАНСКАЯ БАБУШКА И РУССКИЕ УШИ

Юрий Ушаков, помощник президента, 10 лет работал послом России в США. Он карьерный дипломат, и в этом смысле логичны его рассуждения о том, что публичный обмен санкционными списками — не в дипломатических традициях. Правда, не вполне в дипломатических традициях был, например, Карибский кризис 1962 г. Так что пенять на нарушение паркетного этикета в ситуации, когда фактически едва не рухнула «перезагрузка», а антиамериканские настроения подогреваются внутри России не кем-нибудь, а властью, как-то странно.

В январе этого года «Левада-центр» задал респондентам вопрос: «На сотрудничество с какими странами следует ориентироваться России?» У США почти самый низкий показатель — 18%, ниже только страны-изгои вроде Северной Кореи. При этом 10 лет назад приоритет сотрудничеству с Соединенными Штатами отдавали 27% опрошенных. Падение почти на 10 процентных пунктов — естественный результат последовательной антиамериканской пропаганды внутри страны (притом что пляски вокруг «закона подлецов» не сильно повлияли на отношение к США — оно и до этого уже было устойчиво плохим).

Можно, конечно, не ориентироваться на сотрудничество с США и монотонно повторять мантры о многополярном мире, «Чимерике» и прочих химерах. Но и в многополярном мире, который столь стремительно меняется и бла-бла-бла уже не будет прежним, остается один такой небольшой полюс, от которого по-прежнему многое, если не все, зависит в мировой политике и экономике. Российскому руководству, даже если оно хором занимается аутотренингом, это должно быть известно и понятно. И вот этот комплекс неполноценности по отношению к Штатам продолжает

52 ОСТОРОЖНО, РЕЖИМ ЗАКРЫВАЕТСЯ

точить российский истеблишмент изнутри. Он же определяет и некоторые неаппетитные черты внешней политики России, и контуры ее внутренней политики и государственной пропаганды.

Симптоматично, что, регулярно указывая на снижающуюся роль США в миропорядке, российские «полиси-мейкеры» бесконечно апеллируют к тому, что Америка слишком часто и помногу вмешивается во внутренние дела других стран, включая Россию. Это напоминает отношение российского начальства к либерализму и либералам: они вроде, по их мнению, ни на что не влияют, а весь пропагандистский пафос и немалые ресурсы направлены против них.

Как только перезагрузка достигла точки замерзания, как только «магнитские» списки пошли на встречных курсах, условный самолет Путина вдруг развернулся над Атлантикой. Только не в сторону родины, как самолет Примакова, а в сторону чьих-то там «заокеевских хозяев» и «вашингтонского обкома».

Интуитивно, без наличия какой-либо внятной внешнеполитической доктрины по отношению не только к США, но и к Западу в целом, руководство России осознает, что некоторую границу в отношениях с Америкой переходить нельзя. И дело не только в том, что приближается Олимпиада. Просто Штаты — не та бабушка, назло которой можно отморозить уши. С такой бабушкой можно стать целиком отмороженным. Поэтому и г-на Донилона Путин принял лично, как Брежнев Киссинджера.

Может, для кого-то постамериканский мир уже настал (правда, не понятно для кого). Но точно не для России.

АЙН СУД, АЙН ФОЛЬК

Одному народу присущ один вождь. И думать лучше одну мысль. И учебник по истории должен быть единым. И нормы ГТО по метанию гранаты – единые. И «фронт» должен быть «объединенный», как корпорации у Муссолини. И пионеры, как встарь, должны выкрикивать со сцены стихи о единстве: «El pueblo unido jamás será vencido». И партия должна быть единой: потому и выходят из нее чиновники администрации и приводится в порядок кадровый состав «Справедливой России» – всех сольют в единый котел вместе с мелкими спойлерами, чтобы уха была наваристее...

А еще нужен единый суд, чтобы с гуманизмом не разбрасываться. Ишь, придумали глупости – суд общей юрисдикции, арбитражный, черт ногу сломит. Пусть сам суд путается, а не «физики» и юрища. Дошло уже до того, что и первое лицо запутали насмерть.

На 90-летнем юбилее Верховного суда РФ (жаль, до 100 лет не доживет – сольют) Владимир Путин сказал: «Верховный суд <...> это вершина всего огромного здания правоохранительной деятельности <...> Здесь в конечном итоге принимается решение о судьбе человека. Или о судьбе хозяйственных споров <...>». В голове Верховного главнокомандующего объединение судов уже состоялось. Суд общей юрисдикции у него уже рассматривает хозяйственные споры. Так далеко в будущее заглядывала только программа КПСС 1961 г.

А вот депутат Елена Мизулина: «...устранить конкуренцию арбитражных судов и судов общей юрисдикции <...> создать в рамках Верховного суда коллегия арбитражных судов». Ага, и остановить, наконец, хозяйственный оборот в стране. А то не рынок, а базар какой-то.

При этом и президент, и, допустим, депутат Мизулина поддерживают идею создания административных судов. Внимание, вопрос: мы сливаем суды или выделяем суды? Или сначала сливаем, а потом выделяем? Мы за специализацию или за единство без борьбы противоположностей? Или главное – вывезти это все хозяйство в колыбель революции, а там хоть трава не расти. Один такой суд уже вывезли и получили при первоначальном полном непротивлении сторон два особых мнения, а потом три.

Особые мнения – пространство частного и неединого. Есть огромные зоны частной жизни, куда заходят единые стандарты, но не могут доминировать. Отчасти литература и кино – там есть попытки воспитать единый патриотизм, но не всегда получается. Театр, интернет, рестораны, даже спорт. Просто частная жизнь.

И 30 лет назад можно было жить, почти не замечая советскую власть. Солженицын ругал фигу в кармане у образованщины. Но эта фигу позволила выжить целым поколениям и социальным слоям, помогла им не потерять самих себя и свой образ жизни, сильно отличавшийся от навязываемого. Так происходит и сейчас, хотя грустно от того, что аналогии с технологиями защиты частного пространства советского среднего класса абсолютно корректны. Объединение внешних условий существования ведет к индивидуализации частных пространств и формированию параллельного общества, параллельной среды обитания. Для тех, кто не хочет уезжать из своей страны.

Кстати, у советского среднего класса были и суд общей юрисдикции, и арбитражный. И никто не собирался их объединять. И ничего – не путались.

55

ВОЙНА С СОБСТВЕННОЙ ПАМЯТЬЮ

Нашлись тут давеча «иностранные агенты», «Левада-центр» называются, которые опросили трудящихся по поводу того, как они, трудящиеся, вели себя 20 лет назад, весной 1993 г., когда надо было сказать «да» или «нет» реформам Бориса Ельцина и самому Ельцину, вступившему в противостояние с Верховным советом. А Верховный совет в своем кадровом составе и по уровню агрессии тогда отнюдь не уступал никаким нынешним Яровым – Сидякиным. И даже превосходил их.

Еще пять лет тому назад 25% опрошенных «помнили», что они поддерживали Ельцина. Нынче таких вдруг оказалось существенно меньше – 14%. Понятно, что массовому сознанию хочется соответствовать духу времени – отсюда и такое падение поддержки неправильного президента с его неправильными идеями. Но тем не менее такая перемена оптики больше напоминает амнезию или специальную подгонку фактов под сегодняшнее состояние собственного мозга. Точнее, под собственную способность адаптироваться к заданным обстоятельствам.

Получается, что люди выгораживают сами себя в своих сегодняшних глазах.

Два десятка лет назад был сделан неправильный выбор, надо сегодня поправить представление о себе. А ведь это тот же самый народ, который тогда заявил на всероссийском референдуме 25 апреля 1993 г. о том, что доверяет Ельцину (58,7%), одобряет его социально-экономическую политику (53,0%), считает необходимыми новые выборы Верховного совета (67,2%). «Как вы думаете сейчас, – спрашивает «Левада-центр», – кого следовало поддержать весной 1993 г. – Ельцина или Верховный совет?» В 2008 г.,

когда общественная атмосфера не была еще столь жесткой, за поддержку Ельцина высказывались 12%. Сегодня – 5%!

Эти люди хотели социализма в самых его brutальных формах? Хотели Руцкого и Хасбулатова в качестве руководителей? Макашова в качестве главного идеолога? Эти люди не понимают, что в обстоятельствах 1993 г., до финансовой стабилизации, до окончания приватизации, переход власти к Верховному совету означал бы коллапс экономики? Ответ на первый вопрос: не хотели бы. На последний: не понимают.

И это при том, что, вообще говоря, Владимир Путин дал им все, что они хотели. Госкапитализм, так напоминающий социализм. Специфическим образом понята социальная справедливость. Даже чувство осуществленного реванша за заблуждения молодости, за ту, тогдашнюю оптику, которая позволила проголосовать за Ельцина и реформы. Вероятно, реванш оказался недостаточно убедительным.

Историческая амнезия комфортна. Она создает иллюзию «правильного» выбора. Главное, что никто не может проверить, как ты себя вел 25 апреля 1993 г. Мы живем в эпоху тотальных подтасовок. И почему бы тогда не подтасовывать свое собственное, частное прошлое? Не коррумпировать самого себя? Себя, человека, которому, в сущности, доверять нельзя...

Войны памяти, аберрация исторического зрения. Отсюда и до тихой гавани «Краткого курса» недалеко. Лишь бы не вспоминать, что хотел когда-то своей стране лучшей участи. Динамизма и развития. Избавления от порочного круга маразма. Война с собственной памятью, охватившая всю нацию.

КАТАНИЕ НА МЕМОРИАЛЬНЫХ ДОСКАХ

Депутат Александр Хинштейн сообщил о проекте восстановления мемориальной доски на доме, где (иногда) проживал Леонид Ильич.

Как так бывает, что одна и та же нация сначала презирает и ненавидит правителя, смеется и сочиняет недобрые анекдоты про него, а потом начинает ностальгировать и ставить на первое место в социологических опросах по поводу положительного отношения к вождем?

Можно попробовать нащупать это звено в биографии. Веселый и нравящийся женщинам политрук. Один из последних представителей кадрового резерва, выдвинутого Сталиным. Руководитель Верховного совета с легкой рукой – с удовольствием вешал всем подряд ордена. Рядовой участник заговора октября 1964-го (при том что был его публичным лицом), которого воспринимали как временную техническую фигуру. Затем – вождь, черпавший легитимность своего правления в памяти о войне (еще в 1965-м восстановил праздник 9 Мая как всенародное торжество). Короткий период реформ, которые он не поддерживал. Заморозки после 1968-го. Разрядка начала 1970-х. Сердечно-сосудистые проблемы с середины 1970-х – застой, «слышишь время гудит – БАМ», расправы с инкомыслящими, Афганистан, экономическая дистрофия, маразм. Послевкусие: гонки на лафетах.

По чему именно ностальгируем? По детству, отрочеству, юности. Мифу о спокойствии. Былям о незлобности – с Викторией Петровной в домино резался, кабанов с вышки стрелял в Завидове, целовал всех в губы – от Арафата до Киссинджера, доверительно общался с обслугой – хозяйственной и интеллектуальной. (Брежнев – Бовину: «Ты мне

58 **ОСТОРОЖНО, РЕЖИМ ЗАКРЫВАЕТСЯ**

объясни толком, что такое конфронтация, а я тебе объясню, что такое боровая дичь».)

Историческая фигура. Да, столько лет во главе государства. Герой России? Нет. Потому что уничтожил реформы, жил по модели высокой нефти, не предполагавшей развития, несущей в себе катастрофу, милитаризировал экономику и внешнюю политику, омертвил свободную мысль.

Почему город Брежнев и Брежневский район в Москве были переименованы, а мемориальная табличка с дома 26 по Кутузовскому снята? По вышеперечисленным причинам.

Почему доску на доме 26 хотят сейчас восстановить? Потому что поменялась концепция родной истории. Самым простым и примитивным образом. Страницами, которых надо стыдиться, теперь гордятся: от финской войны до застоя, от Сталина до Брежнева, от экономики дефицита до глумления над диссидентами.

Такая история – идеологическое оправдание и историческая легитимация сегодняшнего режима. И главное, что позаимствовали у Брежнева, – национализацию в пользу власти Победы 1945 г. Для которой у Леонида Ильича все-таки было гораздо больше оснований, чем у нынешних начальников. У него же заимствовано и нынешнее отношение к войне. Когда в 1967 г. открывали мемориал на Манаевом кургане, Брежнев сказал Константину Симонову: «Кому нужна твоя правда? Рано еще». А теперь поздно – абажуры... Возможно, они восстанавливают доску по той причине, что сами не хотят ее лишиться postmortem. Хотя – в зависимости от политической и клерикально-идеологической конъюнктуры – кому-то может понадобиться и мавзолей.

59

К ЮБИЛЕЮ ХОДОРКОВСКОГО

Михаилу Ходорковскому – 50 лет. Поздравляю! Скорейшего освобождения. Хотя своих заложников авторитарные политические режимы не отпускают так просто. Не уходят сами и заложников не отпускают до конца своего срока. Как говорил Фрунзик Мкртчян в фильме «Не горюй!»: «Сиди, контрабандист!»

История Михаила Ходорковского многоплановая. Вполне очевидно, что с его ареста началась окончательная политическая заморозка, разрушившая иллюзии, связанные с Владимиром Путиным. Его процесс показал, на чем и как будут строиться экономическая система и идеология православного чекизма. Олигарх 1990-х оказался одним из самых достойных и мужественных людей России – просто по человеческим меркам. Он не уехал из страны, зная о неизбежном аресте. Хотя, как признается теперь, и не мог предположить, что каторга окажется столь азиатской и сталинской по характеру и масштабам.

Спустя 10 лет после его ареста человек почти на 10 лет моложе Михаила Ходорковского – Сергей Гуриев – похоже, не вернется в страну, опасаясь лишения свободы, выбрав семью и работу, предпочтя Париж Краснокаменску, профессорскую кафедру шитью варежек.

И Ходорковский, и Гуриев остались патриотами своей родины, достойнейшими людьми. Они составляли и составляют золотой фонд нации, которым, вообще говоря, не разбрасываются. Могли бы принести много пользы родине, если бы нынешняя власть не приравнивала себя к родине. Один выбрал, деликатно выражаясь, внутреннюю эмиграцию. Другой, будучи блестящим аналитиком, способным оценивать риски, в том числе и на примере Ходорковского,

предпочел эмиграцию внешней — по крайней мере пока. И оказался прав — особенно если судить по тому, что сегодняшняя система посмела вызвать на допрос по сомнительному «делу экспертов» саму Тamarу Морщакову, мизинца которой не стоит весь кадровый состав силовых и «правоохранительных» структур РФ.

Кто из них — Ходорковский или Гуриев — прав в выборе модели поведения? Оба правы. Потому что оба остались свободны. По крайней мере внутренне. А в вопросах религии и свободы важнее всего внутреннее ощущение.

Кто из них более патриотичен? Оба. Работы Гуриева и его имя, вообще говоря, и есть настоящая «слава России», а не та, которая унаследована от приветственного выкрика русских маньчжурских нацистов 1920-1930-х гг. Ходорковский — символ России в не меньшей степени, чем другие имена, которые знает мир, например Анна Политковская или Владимир Путин. Его имя спасает репутацию России.

Истории этих двух людей, если оглянуться хотя бы лет на 14 назад, показывают, до какой дикости и архаики дошла страна. Представить себе даже в 1999-м, что лучших людей будут сажать, изгонять за границу, открыто рассуждать о единых учебниках истории, давать трибуну и право законодательной инициативы бездумным исполнителям, учреждать муссолиниевское корпоративное государство, — было невозможно.

Но истории этих людей учат еще одному: кто хочет быть свободным — останется свободным. Гораздо свободнее тех, кто сажает и изгоняет.

61

Финал, кульминация, пик созревания российского авторитаризма, начавшегося в 2003-м с ареста Ходорковского. Небывалый патриотический подъем. Неслыханная популярность Путина. Вошли в оборот слова и выражения «86 процентов» (одобрения деятельности президента), «санкции», «гибридная война». Средний класс скорбит по хамону и пармезану.

ПОЛУОСТРОВ УТОПИЯ

Как когда-то Екатерина хотела превратить Тавриду, по крайней мере в идеологическом смысле, в своего рода идеальную Россию и даже предприняла туда путешествие — что характерно, на галерах, — так и нынешнее руководство шлифует образ Крыма, как передовой рабочий любимую деталь. Сначала выпуск этой детали, чтобы не пропала поодиночке, придумали отрегулировать англосаксонским правом. Потом решили просто создать туристический рай для славянского братства, суженного до размеров «русского мира». Теперь вот Крым может стать полигоном для административного регулирования цен: ужаснувшись цене на авиаперелет в Симферополь, премьер-министр Дмитрий Медведев поручил разобраться с причинами завышения цен.

С одной стороны, вроде как рыночная экономика на дворе. И любые попытки вникнуть в экономическую обоснованность цен напоминают стремление гуманитария разобрать компьютер на мелкие детали, чтобы понять, как он работает. С другой стороны, почему бы не изучить тогда природу ценообразования любых авиаперелетов внутри страны — тоже ведь русские люди летают. И почему бы, с точки зрения развития внутреннего туризма, не ввести англосаксонскую правовую систему на отдельно взятой Камчатке или вокруг озера Байкал. С третьей стороны, чем, с точки зрения улучшения обслуживания потребителей-россиян, билеты в Симферополь отличаются, например, от билетов в Хургаду: во все эти места летят наши соотечественники. Но получается, что кошелек летящего в Крым россиянина важнее для правительства, чем кошелек россиянина, летящего в Египет.

В общем, с Крымом руководство страны носится как с любимой игрушкой — вплоть до нарушения законов рыночной

64 ГОД КРЫМСКОГО КОНСЕНСУСА

#НАШ

экономики и дискриминации населения, которое мало-душно и недалёковидно еще не приняло решения отдохнуть на полуострове. Потом об усилиях членов бывшего дуумвирата, глядишь, скажут, как у Высоцкого: «Было время, и цены снижали». На отдельно и отелю взятом полуострове Утопия. При этом крымские показатели, безусловно, будут учтены в общем индексе общероссийской инфляции, и она наконец снизится. Чтобы потом взять свое и вырасти снова. Как это бывает с любыми ценами, которые государство, впад в пагубную самонадеянность, пытается регулировать, в том числе с тарифами естественных монополий, бензином и проч.

Когда-то председатель Госкомцен Лира Розенова убедила свеженазначенного премьера Виктора Черномырдина в том, что после гайдаровской либерализации цены надо заморозить, и даже соответствующий документ уже был готов. Тогдашние оставшиеся в живых либералы нашли в себе смелость объяснить — именно объяснить — новому главе правительства, что последствия этих мер окажутся катастрофическими для экономики и потребителей. Именно потому, что он сам, Черномырдин, по его собственному высказыванию, за рынок, а не за базар. Виктор Степанович прислушался к советам и, главное, все понял.

Кто бы вот сейчас начальству объяснил, что рыночная экономика — она и в Крыму рыночная экономика. И полуостров Утопия не построить методами административного регулирования и идеологического обеспечения а-ля Екатерина II.

#НЕНАШ

#НЕНАШ

СТАЛИНИЗАЦИЯ СТИЛЯ

«Стиль – это человек», – говаривал Жорж Бюффон. Однако стиль – это и государственная власть. Не зря другой классик, Андрей Синявский, утверждал, что у него стилистические разногласия с советской властью.

Стиль характеризует власть. И в этом смысле мы можем говорить о сталинизации стиля власти в России.

«Типические герои в типических обстоятельствах» – это казус молодых генералов Дениса Сугрובה и Бориса Колесникова. Само дело против них, людей, которые по должности занимались борьбой с коррупцией в органах, докладывая о результатах своей работы на самый верх, сконструировано абсолютно в духе сталинских чисток. Это не просто война спецслужб, не просто самопожирание разбалансированной административно-политической системы – это еще и сталинские технологии. На смену одним чистильщикам с широким мандатом на решительные действия идут другие, а предыдущие объявляются преступниками и врагами народа. Как и при Сталине, быть сегодня успешным и высокопоставленным опасно.

И уж загадочная гибель генерала Колесникова с последующими беспомощными и пошлыми объяснениями драматургии произошедшего – это в чистом виде 1930-е гг. Даже не карикатура на них.

А приход в 4 утра к Алексею Навальному под предлогом кражи бессмысленной картины – это какая-то дикая инфантильность компетентных органов, которой даже никто не стесняется. Ведь понятно же, что детали истории непременно попадут в интернет, но это никого не волнует. По дикости и глупости эта акция сравнима с выдумками

#НАШ

сталинских следователей. Скоро у них Навальный выроет шпионский тоннель от Байкала до Амура.

А поиски вредителей на заводе имени Хруничева? Ракеты у них не летают – значит, виноваты вредители. Можно снять ремейк популярного кинофильма 1939 г. о вредителях в угольной отрасли «Большая жизнь» – пропагандистскую картину о вредителях в ракетной отрасли, причем с сохранением песни «Вышел в степь донецкую парень молодой», ибо что теперь может быть актуальнее Донецка? Между тем, как ни обидно следователям ФСБ, природа происходящего давно описана народом в стихотворной форме: «Горела, падая, ракета, /И от нее бежал расчет. /Кто хоть однажды видел это, /Тот фиг к ракете подойдет». Какие уж там вредители... Но стиль! Стиль требует монументальных жертв, конспирологии и прямого умысла.

Через безумных предложений депутатов – не просто признак политической деградации. Это сталинский стиль – чем абсурднее, тем убедительней. С запретами на кеды и высокие каблуки и до академика Лысенко можно доиграться. Но сама атмосфера поощряет и стимулирует такое творчество депутатских масс: то, что вчера казалось абсурдом, сегодня становится законом. Вечером – в куплете, утром – в газете.

Проблема же, пока еще политологическая, вот в чем. Такая абсурдизация политики возможна не в авторитарных, а в тоталитарных обществах. Авторитаризм рассудочен, рационален. Тоталитаризм полагивает приемом у психиатра и нарочитой опереточностью – как в «Покаянии» Тенгиза Абуладзе. Граница между ними эфемерна – как между явью и сном. Не пропустить бы момент перехода.

67

НАШ
#Е/НАШ

ГИБРИДНЫЕ ГОСУДАРСТВА

Готовность играть в «Зарницу» и управлять воображаемыми государствами присуща человеческой природе. И совсем уж круто, когда это можно делать живьем, например стрелять из настоящего оружия, убивать людей, захватывать административные здания и называть себя игровыми понятиями «мэр», «спикер парламента», «премьер». В ряде случаев, поскольку эта жутковатая реальность вырастает из виртуальных миров вроде игр-стратегий, первые посты в «исполнительной власти» занимают присланные симпатизирующей силой с востока специалисты по виртуальным конструкциям – российские пиарщики: Марат Баширов из «Реновы» и агентства «Имидж-контакт» и Александр Бородай из агентства «Социомастер». Мастерить социальную реальность из подручного материала виртуальным мастерком (не масонским, боже упаси, мы ж теперь все национал-социалисты) – их профессия.

Тут, собственно, два сюжета.

Первый: феномен кадровой возгонки сомнительных «народных» персонажей, которую обеспечивает политическая неразбериха и гибридная война, где «активисты» способны сбивать самолеты на значительной высоте, их быстрое вооружение и трансформация в «государственных деятелей». Трансформация, отчасти подтверждающая ленинский тезис о кухарке, управляющей государством, при том что «кухарка» не перестает оставаться «обезьяной с гранатой», от которой в любой момент можно ожидать любого безумного акта.

Классический вопрос «Кто все эти люди?» в данном случае очень серьезен, он должен стать предметом изучения для социальных наук. Какие механизмы выбрасывают

вместе с лавой и пеплом этих людей на самый верх «народных» республик? Каково их происхождение – социальное, ментальное? Каковы механизмы превращения их в «народных» мэров и пэров? Чем они жили? Что читали и смотрели? Какое образование получили? Откуда берутся новые селебрити вроде какого-нибудь Бабая? (Правда, есть простонародное объяснение: из колодца вылезли.) Почему население готово воспринимать их в качестве вождей и признавать легитимность? Какая именно часть населения готова их признавать новым руководством и самоорганизовываться? Каким образом поддерживаются в этих ситуациях системы повседневного жизнеобеспечения и инженерная инфраструктура?

Как происходит селекция вождей? Да, турбулентность похожа на революционную, но она стихийна, а у настоящих революционеров все-таки, как правило, есть готовые лидер, команда и набор подолгу вынашиваемых идей. А у этих какая идеология? Какая команда?

Второй сюжет: беспрецедентное размножение непризнанных государств. И даже появление государств нового типа, отличных, допустим, от Южной Осетии или Абхазии. Поскольку они возникают в результате гибридной войны – можем назвать их гибридными государствами. Это квазигосударства со специально сконструированными признаками государственности и обросшие квазиправленческой инфраструктурой, в том числе, как это ни смешно, пресс-секретарями. Но являющиеся государствами в той же степени, в какой современная Россия, имитирующая институты демократии, – демократия реальная.

ДВОРЦОВЫЙ НЕДОВОРОТ

Институт первого лица России на внешних политических рынках переживает ситуацию, близкую к банкротству. Между тем западным людям трудно понять, как Владимиром Путиным могут быть вполне довольны российские элиты. Почему они не раскалываются? Почему не готовится «дворцовый переворот»?

Элиты, конечно, раскалываются: по идеологическим соображениям, по ведомственным причинам, даже если идеологически близки (трения между ЦБ, Минфином и Минэкономразвития), по конкретным отраслевым, аппаратным и прочим поводам (бюджетное правило, налоговый маневр в нефтяной отрасли и т.д.). Но это совершенно не мешает их верноподданничеству, сплочению вокруг первого лица и апелляциям к нему за разрешением любого конфликта.

Это не тот раскол, который ведет к заговору элит. Точнее, многим хотелось бы, чтобы первое лицо поменялось, страна не позорилась на мировой арене, бизнес не страдал по геополитическим причинам, а темные инстинкты с добродушным лицом Бабая не вылезали наружу. Но пусть этим занимается кто-нибудь другой — в логике «я-то за, но пусть это сделает Коля или Петя, а мы потом, когда все закончится, поддержим». Инициировать сейчас поиски альтернативной фигуры смерти подобно. Это значит идти не только против первого лица, но и против «консолидации».

Заговор элит едва ли возможен и технологически. Классический элитный заговор — снятие Никиты Хрущева — был возможен, потому что его снимал пленум ЦК. По этому поводу был консенсус самых важных игроков и региональных вождей — секретарей обкомов. Нынешняя разноклано-

70 ГОД КРЫМСКОГО КОНСЕНСУСА

вость и страх оказаться в меньшинстве мешают даже начать поиски недовольных первым лицом соратников. А такого замечательного механизма, как пленум ЦК, нет.

Поиски альтернативной фигуры если и могут начаться, то исключительно с одобрения или даже по прямому указанию первого лица. Но это несколько иная модель. Путин не Франко. А короля Хуана Карлоса у нас нет и в помине, хотя фигуру на роль Суареса, премьера переходного правительства от авторитаризма к демократии, найти можно.

Контрэлиты зажаты, элиты боятся и молчат. (Здесь возможен разговор о том, что такое ответственная элита, а что такое безответственная, но он немного боковой; многие наблюдатели полагают, что более точен термин «обанкротившаяся».) Что может несколько расшевелить ситуацию? Вряд ли санкции, во всяком случае пока. Применяя санкции против, например, Сбербанка, Запад идет против российского вкладчика. Тем самым средний вкладчик еще больше сплывается вокруг родного политбюро. Правда, если будут реальные проблемы с Visa, MasterCard и системой SWIFT, это может сильно не понравиться российскому среднему классу. И в этом случае он вряд ли будет искать виноватых на Западе. Скорее резко сузится социально-электоральная база первого лица. Кто-то, быть может, даже задумается и об альтернативе. И о том, что он и сам может поспособствовать формированию ответственной элиты. Например, с помощью выборов. А там и нынешние элиты скажут, что они всегда ждали этого момента и тайно работали на демократию, люто ненавидя режим. Последнее, судя по всему, правда.

СКОВАННЫЕ ОДНОЙ РЕНТОЙ

Проблема имитационного характера нынешнего российского авторитарного режима, поставленная Екатериной Шильман (см. статью «Царство имитации», № 149 от 15.08.2014), имеет еще одно измерение: как администрировать авторитаризм? Особенно если учитывать потешный характер сегодняшнего политического класса и низкое качество российской бюрократии, совсем не напоминающей веберовскую — эффективную и технократичную. Как администрировать авторитаризм, если у него отсутствует сверхидея? А этот патрон в виде Крыма уже отстрелян, и второму патрону в лице юго-востока Украины или производства русского народного хамона не бывать. И если у авторитаризма нет целеполагания? Например, построения коммунизма, как у Хрущева. Или работоспособной рыночной экономики, как у Пиночета. А есть только логика самовыживания и логистика суетливых истеричных реакций на текущую ленту новостей.

Следствием этой ситуативности мышления без способности заглянуть не то что за горизонт двух-трех лет, а подумать о завтрашнем lunch-time и стал учиненный российский истеблишмент новой мировой беспорядок. А всего делов-то было: по-пацански надавили на Януковича, и тот не поехал в Вильнюс подписывать мало к чему обязывающее соглашение с ЕС. У плохо администрируемых режимов с будущим вообще проблемы. Оно им мешает. Ровно поэтому отнимаются пенсионные накопления и повышаются налоги при одновременном увеличении иррациональных расходов — у населения отнимается будущее. Потому что такие режимы думают только о решении текущих вопросов.

Это похоже на давно описанное Мансуром Олсоном поведение «стационарного бандита», который, вместо того чтобы, кочуя, просто грабить, становится оседлым и облагает

население высокой данью, оставляя людям возможности для самопрокорма. И строит вокруг себя скованную одной рентой коалицию рентополучателей. Они и рыпнуться-то никуда не могут, связанные логикой коллективных действий, — играют в одной команде, где не поощряется индивидуальный дриблинг. Кроме того, коалиция выстраивается не по меритократическим принципам (меритократия — «власть достойных»; это к вопросу об эффективности бюрократии), а по схеме «султанизма» (в терминах Макса Вебера), в зависимости от связей при дворе и лично с «султаном».

Запрещать все на свете — это не авторитаризм в чистом виде. Это признание неспособности вообще что-либо администрировать — авторитарным или неавторитарным образом. Как справедливо было замечено хакерами, взломавшими твиттер премьера: «И все-таки мы думаем о запрете электричества. Так надежнее». В этой логике режим должен прийти к своей противоположности, слогану мая-1968: «Запрещено запрещать».

В крымской речи Путина сказано, что страна будет использовать внутренние резервы для развития. Но это все равно что отказываться от единой энергетической системы в пользу дизеля. Про идеи чучхе как-то вообще неловко напоминать.

Так в результате администрировать-то будет нечем и некого. Помнится, Борис Годунов отправил специально отобранных 30 будущих управленцев учиться уму-разуму на Запад. Глядя на то, что происходило на родине, 28 человек из 30 остались за границей. Выбрали, как сказали бы несколькими веками позже, свободу.

73

СТАРЫЙ МИРОВОЙ БЕСПОРЯДОК

Джеймс Бирнс, госсекретарь США (1945-1947), в своих мемуарах отмечал некоторые удивительные черты советской дипломатии, воплощенные в Вячеславе Молотове: месяцами могут по любому вопросу заматывать решение, выдвигать все новые и новые контраргументы, а затем предложить в качестве своего тот вариант, который инициировался противоположной стороной переговоров. Русское слово *Нует* произносилось Молотовым так часто, что, писал Бирнс, «я воспринимал его уже как часть своего языка». Молотов «мог сказать по-английски I agree («Я согласен»), но он так редко с чем-либо соглашался, что его произношение оставалось желать лучшего» (James F. Byrnes, *Speaking Frankly*, New York, 1947, p. 279).

Потом был построен новый мировой порядок — «два мира — два Шапиро», холодная война. Доктрина сдерживания. Мирное сосуществование двух систем (формулируя сложнопериодические идеологемы, брежневские спичрайтеры совсем не жалели Леонида Ильича — Александр Бовин хотя бы объяснил ему, что такое конфронтация, в обмен на разъяснительную работу по поводу того, что такое бордовая дичь).

Потом была перестройка. А затем постперестроечный мировой порядок сгорел, как шина на майдане. И тема нового мирового порядка снова вернулась во всем своем конфронтационном великолепии.

В принципе, в этой теме мало что изменилось с тех времен, когда в 1950 г. другой госсекретарь США, Дин Ачесон (1949-1953), чьи тщательно подстриженные усы щеточкой знаменитый колумнист Джеймс Рестон называл «триумфом политического планирования», сформулировал тему своего

выступления перед Ассоциацией выпускников Гарварда: «Достижение чувства общности (community sense) среди свободных наций – шаг к мировому порядку». Да и он стоял на плечах гигантов – был же до него Вудро Вильсон. Строго говоря, эта формула остается актуальной и сейчас, хотя частично она стала успешной: политической наукой постулировано, что демократии между собой не воюют (с этим тезисом когда-то запальчиво спорил Сталин, правда употребляя термин «капиталистические государства»; Молотов, согласно Бирнсу, чтобы не путаться, делил все живое на «фашистов» и «демократические силы»).

В сентябре увидит свет новая книга Генри Киссинджера «Мировой порядок». Что там написал патриарх, с которым так любит обниматься наш президент (архитектору разрядки не привыкать – его целовал в губы сам Брежнев!), пока не известно. Однако в аннотации есть по-киссинджеровски точная постановка вопроса. Сводится она к следующему: никогда не существовало «правильного» мирового порядка. У каждой цивилизации была своя концепция. Древний Рим представлял окружающий мир как скопище варваров; исламская цивилизация ощущала себя центром вселенной; Соединенные Штаты были убеждены в универсальном прикладном значении демократических принципов. Теперь цивилизационные позиции сталкиваются, результат – растущая напряженность в мире. Наверняка в этой книге Киссинджер пытается разобрать на мелкие детали и нынешние российские представления о мировом порядке, стараясь – в традиции Realpolitik – если уж не простить, то понять.

В логике Realpolitik следует оценивать и нашумевшее высказывание Анатолия Чубайса о новой политической архитек-

туре мира, которое, правда, было цитатой, причем не скрытой: «Как сказал премьер-министр одной крупной страны, Россия сумела доказать, что мир больше не однополярный, но это будет стоить России очень дорого и заплатила она далеко не всю цену». Под премьер-министром, возможно, понимался Дмитрий Медведев, правда, про конец однополярности он говорил, еще будучи президентом.

Да, конечно же, Россия вернулась на мировую арену, правда, скорее в ленту новостей и в качестве персонажа карикатур, и не очевидно, что в качестве реального полюса силы. Не мягкой силы — точно.

И вот в этом контексте снова имеет смысл вернуться к тому, с чего мы начали: с модели советской внешней политики сталинского периода, которая, по Джорджу Кеннану, есть просто враждебное прикрытие автаркичной и авторитарной политики внутренней.

Когда Майкл Макфол в конце февраля покидал Россию, в ходе интервью для «Новой газеты» я спросил у него, не подготовил ли он по примеру своего великого предшественника Джорджа Кеннана «длинную телеграмму» об истоках и смысле политики России. Он ответил, что подготовил, но содержание — секрет. Кеннана же он очень ценит и всякий раз, возвращаясь в свою резиденцию в Спасо-хаусе, видит его портрет. (Как выяснилось позже — в том числе как напоминание о возможном выталкивании из страны пребывания: об этом Макфол откровенно рассказывал Дэвиду Рэмнику, главному редактору «Нью-Йоркера»: David Remnick, *Watching the Eclipse*. — The New Yorker, Aug. 11, 2014. Затем, вполне в логике Кеннана, он написал статью: текст автора «длинной телеграммы» в журнале «Форин

76 ГОД КРЫМСКОГО КОНСЕНСУСА

аффэйрс» был подписан мистером X, Макфол же в «Нью-Йорк таймс» подписался своей фамилией. Но по степени жесткости и отсутствию иллюзий тексты сопоставимы.

Кеннан объяснял впадшим в ступор американским дипломатам, что это не они недоработали в переговорах с Советами, а сама природа сталинской власти предполагает конфронтацию. Этого действительно не могли уяснить в те времена американские переговорщики, готовые уступить Сталину и не понимавшие, почему ситуация в разговорах с союзной державой становится все хуже и хуже. Тот же Бирнс писал, что речь Сталина в Большом театре в феврале 1946-го (вполне соизмеримая по эффекту с фултонской речью Черчилля) стала для него неприятным шоком.

Макфол почти 67 лет спустя после статьи Кеннана в «Форин аффэйрс» призвал расстаться с иллюзиями по поводу самой возможности присоединения путинской России к мировому порядку (Michael McFaul, *Confronting Putin's Russia?* The New York Times, March 23, 2014): «В дополнение к усилению авторитаризма Путин в целях большей легитимации стал нуждаться во враге — Соединенных Штатах».

Если несколько огрублять ситуацию, то можно сказать: со времен Кеннана по-прежнему в глубинной внутренней природе российской политики не изменилось почти ничего. В «длинной телеграмме» Джордж Кеннан писал: «...они находят оправдание инстинктивному страху перед внешним миром, диктатуре, без которой не знают, как управлять, жестокостям, от которых не осмеливаются воздержаться, жертвам, которые вынуждены требовать <...>». В основе невротического восприятия Кремлем мировых событий лежит традиционное и инстинктивное русское чувство

неуверенности в собственной безопасности <...> На это <...> стал накладываться страх перед более компетентными, более могущественными, более высокоорганизованными сообществами <...> они всегда боялись иностранного проникновения, опасались прямого контакта западного мира с их собственным <...> они привыкли искать безопасность не в союзе или взаимных компромиссах с соперничающей державой, а в терпеливой, но смертельной борьбе на полное ее уничтожение».

В советской историографии Кеннана всегда называли идеологом холодной войны, хотя он скорее автор доктрины сдерживания, основанной на том, что самодельский авторитарный режим рано или поздно померет сам, а надо только жестко, но не переводя дело в стадию горячей войны, сдерживать его (по большому счету в долгосрочной перспективе так и случилось). Значит, у нас сейчас началась холодная война - 2. Попутно заметим, что одним из авторов самого термина «холодная война» был оппонент Кеннана, выдающийся журналист и политический мыслитель Уолтер Липпманн. Впрочем, Кеннан полагал, что Липпманн «мочит» его в серии статей «Холодная война», изданной в том же 1947-м отдельной книгой, только потому, что он сам не мог печататься в «Форин афэйрс»: жена редактора этого престижного журнала Хэмилтона Армстронга ушла от него к Липпманну и дорога в редакцию была ему закрыта (John Lewis Gaddis, George F. Kennan. An American Life, New York, 2011, p. 274).

Понятие «сдерживание» (containment) использует и Макфол, говоря об избирательном сдерживании и вовлечении: «режим должен быть изолирован с помощью санкций, а вовлечение должно иметь чисто технический переговор-

ный характер, без подталкивания Путина к восприятию западного порядка и ценностей. Ибо это бессмысленно.

Словом, ситуация дошла не только до корректности применения термина «холодная война», но и до возвращения доктрины «сдерживания», обновленной до версии 2.0. Это не новый мировой порядок. Это старый мировой беспорядок.

#НАШ #НАШ

79

РАСПРОСТРАНЕНИЕ СЛАБОСТИ ВШИРЬ

Складывающаяся сегодня политическая архитектура мира — это не новый мировой порядок, а старый мировой беспорядок, отсылающий к холодной войне и доктрине сдерживания. Даже если учесть, что Россия не столь мощна и страшна для западного мира, как Советский Союз. Такой вывод был сделан в первой части этой статьи («Ведомости» от 26.08.2014, «Старый мировой беспорядок»).

Основной идеологический (а в прикладном смысле — пропагандистский) спор идет о ценностях и о том, хорошо или плохо навязывать миру одну из мировоззренческих систем. Спор парадоксальным образом слишком старый, чтобы утратить актуальность.

На одной из конференций, проходивших в Париже в 1946 г., представитель советской делегации завел разговор с Чипом Боленом, будущим послом США в СССР, недоумевая, отчего это госсекретарь Джеймс Бирнс второй день подряд говорит о принципах, в то время как американцы считаются хорошими торговцами: «Надо прекратить разговор о принципах, перейти к делу и начать торговаться». Русские не понимали ценностного подхода к мировым проблемам — хотя, казалось бы, к этому их обязывал марксизм-ленинизм.

Миропорядок, сложившийся в послевоенное время, был отмечен победой сталинской концепции раздела сфер влияния и логики создания буферных государств-сателлитов. Американская концепция продвижения ценностей и принципов, нередко приводившая к ввязыванию США в ненужные войны (о чем предупреждал Уолтер Липпманн), проиграла. Джордж Кеннан в одном из документов с сожалением признавал, что раздел Германии, в котором он с 1945 г. видел способ восстановления баланса власти в Европе силами

самых европейцев, на деле означал отъем этой самой власти у жителей континента и перераспределение ее между США и СССР.

Столкнулись две мировоззренческие системы, два взгляда на «правильный» миропорядок. США и СССР доверху нагрузились бременем поддержки сателлитов. Внешняя политика Советского Союза стала, в сущности, единственной причиной учреждения НАТО (а последней каплей – коммунистический переворот в Чехословакии в 1948 г.). Сегодняшнее возвращение, как выразились в статье в Times Барак Обама и Дэвид Кэмерон, к идеям «отцов-основателей» альянса спровоцировано именно возвратом старого мирового беспорядка.

Встреча двух систем произошла в 1948-м, во время блокады Берлина. Андрей Жданов, сидя несколько лет в нынешнем хельсинкском отеле «Торни» («Башня»), до 1947 г. пытался превратить Финляндию в сателлита СССР. Но потерпел обидное поражение, при том что финны справились с задачей сохранения суверенитета в одиночку. В 1950 г. началась война в Корее. Киссинджер в «Дипломатии» писал, что в 1952 г., еще до окончания войны в Корее, Сталин, озабоченный тем, что СССР не потянет гонку вооружений, предлагал разбить Европу на две сферы влияния. А посередине бы находилась объединенная, вооруженная, нейтральная Германия. Это предложение «охотно было бы принято демократиями четырьмя годами ранее». Но теперь было поздно.

Строительство Сталиным «пояса безопасности» в Восточной Европе Киссинджер очень точно назвал «распространением вширь своей слабости». Ровно в этой логике строится сейчас

#НАШ

экспансионистская политика современной России. Здесь зарыты корни украинского кризиса, во многом спровоцированного попытками «финляндизации» Украины со стороны российского политического руководства. О ловушках имперского экспансионизма писал и Кеннан, цитируя своего любимого Эдварда Гиббона и его «Историю упадка и разрушения Римской империи» — книгу о крушении одного из самых устойчивых миропорядков. Гиббон определял эту ловушку как «противоестественную задачу удержания под контролем отдаленных народов». Кеннан считал одной из фундаментальных сложностей, с которыми сталкивался Кремль, администрирование управления расширившейся империей.

Антиамериканизм — мощное оружие, когда оно используется для формирования образа внешнего врага и виновника всех бед. Но американская политика, которую всегда рисовали как циничную и находящуюся на службе крупного капитала, напротив, строилась именно на романтическом прагматизме — на отказе от «изоляционистского подхода» (в терминах Обамы и Кэмерона, а на самом деле — их предшественников). Спичрайтеры в 1969-м вложили в уста Ричарда Никсона замечательные слова: «Скептики не строят общества, их строят идеалисты». Этот клей, хотя в нем замазались вьетнамская война и прочие военные операции, соединяет почти все внешнеполитические доктрины США разных времен и при разных президентах.

Основные проблемы, которые стояли почти перед каждым президентом США, — это поиск баланса между внутривосточным развитием и поддержанием демократии в мире, правильное распределение ресурсов на эти цели, мучительный аудит цены жизни американского солдата, погибающего

82 ГОД КРЫМСКОГО КОНСЕНСУСА

за тысячи миль от родного дома. Это проблема любой империи — что американской, что советской, что британской, — лирически выраженная в маршевой песне британской армии It's a long way to Tipperary, которую во времена союзничества исполнял в русском переводе Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии.

Один из самых симптоматичных и блестящих документов на эту тему с точки зрения и смысла, и риторики — «Внешняя политика США в 1970-е годы. Новая стратегия мира», президентский доклад конгрессу в феврале 1970-го. В тот момент вьетнамская война еще не была закончена, разрядка — результат переговоров Никсона и Брежнева — еще не началась, а разговор о том, как далеко должна простираться ответственность Америки за мир и демократию, продолжался. Он, разумеется, не закончен и сейчас. Так вот, доктрина Никсона, анонсированная им еще в 1969-м на острове Гуам, сводилась к формуле: «Наш опыт 1960-х гг. подчеркнул, что за границы мы не должны делать больше того, что одобряется общественным мнением нашей страны. Но мы не можем позволить маятнику качнуться в другом направлении, ведущем нас к изоляционизму». Чем не повестка саммита НАТО — 2014?

Пока Россия в фокусе. Но война когда-нибудь закончится, даже если рецидивирующая империя обложит себя квазигосударствами-буферами, а НАТО разместит командный пункт в польском Щецине, упомянутом еще в фултонской речи Черчилля. В новой модели мира Россия едва ли займет первостепенное место. Какие еще нужны территориальные присоединения и санкции в отношении самих себя, чтобы на нас обратили внимание, чтобы мы попали в заголовки информагентств? Без этого мы едва ли (особенно после раз-

#НЕНАШ

рушения международной репутации) будем кому-то сильно интересны. Запад, скорее, станет воспринимать Россию как мигрень – более или менее надоедливую.

Обратить в свою ценностную веру путинскую Россию невозможно, от Запада она отделилась – вне зависимости от итогов украинского кризиса – всерьез и надолго. В смысле сближения – прагматичного, сопровождающегося установлением определенных правил и принципов – западный мир сейчас больше интересуется Китаем. Майкл Макфол писал в *The New York Times*, что Китай следует всячески дистанцировать от России (хотя, становясь на позиции США, было бы логичнее сбросить все проблемные регионы и политически токсичные активы как раз Дракону – пусть он с ними и возится, а Штаты занялись бы собой). Обама в интервью журналу *Economist* говорил о вовлечении Китая в игру по правилам. Наверное, где-то здесь и созревает ядро нового мирового порядка, который вырастает из старого мирового беспорядка.

Это не «конец истории» по Фрэнсису Фукуяме. Это просто другая история.

А наша, российская, задача после начала строительства нового мирового порядка скромнее: не одичать до такой степени, как это было, например, во время первой Северной войны (середина XVII века), когда английский врач был казнен, будучи заподозренным в симпатиях к крымским татарам: в разговоре он упомянул винный камень – *cream of tartar*.

#НАШ

#НЕНАШ

85

ВТОРОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ЕВРОПЫ

Украинский кризис приводит Европу почти к ситуации конца 1940-х гг. — времени создания НАТО и разделения Германии на ФРГ и ГДР по оккупированным зонам. Да, разумеется, Украина середины 2010-х — не Германия конца 1940-х. Но принцип разделения на зоны влияния заявлен на прошлой неделе сразу в двух выступлениях президента России. Первый раз — на Селигере, когда он сообщил, что Западная Украина «примыкает» к Западной Европе и «католическому миру», но она не должна «навязывать свои взгляды всему народу Украины». Оставим в стороне нюансы, связанные с тяготением почему-то именно к католицизму в Западной Европе, хотя они весьма симптоматичны — исторически русские цари отчаянно боролись именно с католическим влиянием, неприятие протестантов и лютеран не было столь безоговорочным, в конце концов, был еще «примыкавший» к северу, в том числе ментально, Новгород. Главное, что в этой фразе есть указание на принципиальную разницу между западом и востоком Украины. А на востоке живут люди, которые, цитата, «иначе как русскими себя никогда и не называли». Значит, две зоны влияния, две страны в одной? Да, подтвердил президент в интервью «Первому каналу»: «нужно немедленно приступить к <...> содержательным переговорам <...> по вопросам политической организации общества и государственности на юго-востоке Украины».

Вот здесь и возникают аналогии с концом 1940-х. У НАТО как военной оболочки широко понятого западного мира, в который могла войти и Россия, снова появляется потенциальный противник в лице бывшего союзника и возникает территория, которую, по сути, предложено разделить. Если угодно, в каком-то смысле как Германию. А в каком-то — как Польшу, которую тоже делили на протяжении многих

веков. Предложено согласиться с возможностью существования еще двух (одного) квазигосударств (-ва), смириться с чем-то вроде Исламского государства Ирака и Леванта, являющегося новой изоцированной головной болью цивилизованного мира.

Но на этом аналогии не заканчиваются. Сталин брал в 1939-1940 гг. западные территории Украины и Белоруссии, Молдавию, Прибалтику, делил с Гитлером Польшу, вел зимнюю финскую войну с целью создания территорий-буферов. Примеры современных буферных квазигосударств, которые имеют, правда, не столько геополитическое, сколько символическое значение, особенно с 2008 г., – Южная Осетия и Абхазия. Юго-востоку Украины, которому уже подыскали название – Новороссия, прочат такую же судьбу. Понятно, что Украина потеряна для России, поэтому возникает желание сохранить «за собой» хотя бы ее часть. Тем более что, повторим урок, там живут люди, которые «иначе как русскими себя никогда и не называли».

Дональд Туск, ставший председателем Европейского совета, будучи поляком, а значит, человеком, хорошо понимающим комплексы России, глядел в корень. Первое, что он сказал: «Европа не должна дать себя разделить». Ровно это происходит сегодня на Украине и по поводу Украины.

Кстати, россияне сейчас гордятся территориальными приобретениями, а поляки – тем, что их премьер возглавил Европу. Если бы на месте Туска был... Путин, мы жили бы хуже, чем сейчас, и наша национальная гордость была бы ущемлена?

#НАШ
#НЕ НАШ

ФУФЛО ЗАБИРАЕТ БАБЛО

Россия – страна политических суррогатов. Систему разделения властей в ней некогда заменяли две гирьки – «партия бабла» и «партия зла». «Бабло побеждает зло» как политическая формула родилась в 1998 г. на семинарах «Клуба 2015» – предприниматели пытались предугадать сценарные условия своего существования более чем на 15 лет. Реализовался худший сценарий.

Обнадеживающая формула тех лет, согласно которой деньги, рынок, правильная коммерция должны были смягчить политические нравы (так считали многие мыслители от Монтескье до Альберта Хиршмана), сработала в очень небольшой степени. Вместо нее в 2003-м, после поражения либералов на парламентских выборах и ареста Ходорковского, кто-то вбросил в оборот другую формулу: «Фуфло побеждает бабло». Но, в сущности, установился некий хрупкий баланс «партии бабла» и «партии зла».

Система сдержек и противовесов, впрочем, функционировала не сама по себе, а в условиях институционального дефицита – с одним-единственным измерителем. Его мы все знаем по фамилии, имени и отчеству. Путин В.В. работал весами. В этой системе те, кто считал, что рыночная экономика способна элиминировать агрессию «партии зла» с ее госкапиталистическими интересами, представляли собой серьезную политическую силу, не объединенную в партию и не представленную в парламенте, но способную влиять на главные политические решения.

В 2012 г., после подавления Болотной и возвращения Путина к приборной доске, пришло время новой формулы: «Фуфло обретаёт бабло». Это система, при которой все командные высоты в экономике окончательно заняты перераспреде-

88 ГОД КРЫМСКОГО КОНСЕНСУСА

лительными коалициями, а политические каналы работают исключительно в одну сторону – сверху вниз, без обратной связи, да еще по принципу *taxation without representation* («Мы вам Крым, а вы поддерживайте нас во всем. И кстати, никто не отменял уплаты налогов»). У системы, конечно, есть, выражаясь языком Пелевина, свой гламур и дискурс. Назовем эту механику «пропагандатеймент» – сочетание развлечения и оболванивания. Учись, играя, оболванивайся, развлекайся...

Получается, что системы сдержек и противовесов больше нет. Реальная партия одна. Представительство бывшей «партии бабла» в исполнительной власти – финансово-экономический блок плюс ЦБ – отныне не полюс силы, хотя остается центром влияния. Но основная функция бывшей «партии бабла» вспомогательная: ликвидация наиболее разрушительных последствий решений, принимаемых «партией зла».

«Партия зла», ставшая «партией зла бабла», отныне оказывается и вовсе тавтологичной: она требует для себя еще денег. Причем из тех запасников, которые с аккуратностью городского игрока выстраивались лучшими и талантливейшими представителями бывшей «партии бабла», – из стабфонда.

Система завершила свою эволюцию. Управленческая конструкция напоминает новогоднюю елку: единая вертикаль с рубиновой звездой на макушке и маленькими телевизорами в виде блестящих игрушек. Свет дает только рыночная экономика. Во всяком случае, до тех пор, пока не кончился ее ресурс.

СИНДРОМ ХАРИНГТОНА

Выступая на 69-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, министр иностранных дел России Сергей Лавров, явно подразумеваемая США и Украину, сказал: «Почему бы не принять декларацию Генассамблеи о недопустимости вмешательства во внутренние дела суверенных государств, о непризнании госпереворотов как метода смены власти?»

Допустим, отказ Виктора Януковича подписать соглашение об ассоциации с ЕС, из-за которого начался майдан, действительно был результатом «вмешательства во внутренние дела суверенных государств». Только отнюдь не со стороны США. И уж если нынешнее российское руководство ведет свою родословную от советского Политбюро, то имеет смысл вспомнить, что «Русь слиняла в три дня» (Василий Розанов) именно в результате переворота. И тогда естествен вопрос о степени легитимности 70-летней империи и ее наследников.

Впрочем, столь же естествен, сколь и бессмыслен. Потому что, согласно эпиграмме изобретателя унитаза (flush toilet) Джона Харингтона (1561-1612), удачно переведенной Самуилом Маршакон, «мятеж не может кончиться удачей — в противном случае его зовут иначе». Степень удачливости нынешнего украинского руководства можно обсуждать, но трудно спорить с тем, что на выходе Украина получила в лице Петра Порошенко легитимного президента.

Разговор о легитимности власти в разных странах чем-то похож на бытового свойства споры по поводу того, чей «исторически» Крым и существовала ли в природе мистическая, как затонувшая Атлантида, Новороссия. Если Аугусто Пиночет пришел к власти в результате переворота и его можно считать нелегитимным правителем, то какова

#-АНШ

степень легитимности политической системы, возникшей в результате его отречения от власти? Был ли госпереворотом процесс, в результате которого в декабре 1991 г. был спущен флаг СССР? И легитимна ли в таком случае Российская Федерация? Был ли госпереворотом процесс обстрела одной ветвью власти другой в октябре 1993 г.?

Да, эти вопросы спекулятивны. Как спекулятивны и разговоры о «непризнании госпереворотов как методов смены власти». И попытки убедить всех вокруг в том, что не бывает естественным образом обусловленного возмущения народа своей властью, если она нарочито неэффективна и демонстративно коррумпирована. Спекуляцией являются и разговоры о том, что не бывает революций в результате реализации права народа на восстание. Это право относится к категории естественных и зафиксировано в мягкой форме и в позитивном праве. Например, в конституцию ФРГ 1949 г. в 1968-м внесено положение, согласно которому немцы имеют право оказывать сопротивление нарушителям основ конституционного строя (например, выборов). Всеобщая декларация прав человека 1948 г. требует от правительств не доводить этого самого человека до восстания «против тирании и угнетения».

Риторические войны в холодной войне — как виски, перенасыщенный сверх меры кубиками льда. И все потому, что «лучшая рыбалка — в мутной воде». Это не газета «Правда» 1950 г. И даже, как ни странно, не пафосно-запальчивый МИД РФ 2014 г. Это афоризм все того же Харингтона. Придворного поэта, изобретателя унитаза.

91

ВНУКИ XX СЪЕЗДА

Александр Бек записал в дневнике 15 октября 1964 г.: «Вот так неожиданность! Днем отдал рукопись (романа «Новое назначение» в «Новый мир». — А. К.), а сейчас узнал поразительную новость: отстранен, смещен Хрущев... Такую «точку отсчета» не забудешь». Дворцовый переворот стал неожиданностью для одного из самых тонких исследователей устройства номенклатурной системы.

18 октября раздраженно-проницательный Александр Твардовский, «Одним днем Ивана Денисовича» привязанный к Хрущеву и измученный в том числе и сменой настроений первого секретаря, отмечает в дневнике: «Пришел и ушел «внутренним» порядком — ни тогда, ни теперь никто ничего не спрашивал у народа, даже у партии. Все решается группой в десяток человек... Та же сила, что подняла его на вершину власти <...> она же теперь и стряхнула его с ветки истории». 21 ноября: «Удивительно все же, как такой многоопытный, прожженный, хитрый и комбинаторный человек от политики оказался столь незрячим в отношении собственного, самим им созданного окружения <...> не заметил нарастания иронического к себе отношения. Ругают, боятся, даже не любят — это еще полбеды в судьбе государственного деятеля такого масштаба, а когда смеются, перестают слушать, зная все наперед, — беда непоправимая».

Поэт в России и в самом деле — вынужденным образом — больше чем поэт. Он предъявляет высокие образцы аптекарски точного политического анализа. Хрущев был лидером и задавал новые форматы лидерства. Но он шел к этой позиции не через выборы, а через византийские игры, которые смели затем и его самого.

ПУТИН

Венгрия – 1956 и Карибский кризис. XX съезд и «догнать и перегнать». Разрешение на Солженицына и запрет Гроссмана, хрущевки и кукуруза, агитация за советскую власть во время кухонных дебатов с Никсоном и разгром интеллигенции, черное и белое на памятнике Эрнста Неизвестного.

Хрущев понимал свою историческую роль. Она была предопределена во многом тем, как он шел к власти. Не столько Никита делал историю, сколько она тянула его за собой. Описание техники обретения первой роли словами Хрущева в изложении Федора Бурлацкого: «Сел Берия, развалился и спрашивает: «Ну, какой вопрос сегодня на повестке дня? Почему собрались так неожиданно?» А я толкаю Маленкова ногой и шепчу: «Открывай заседание, давай мне слово». Тот побелел, смотрю, рта раскрыть не может. Тут я вскочил сам и говорю: «На повестке дня один вопрос. Об антипартийной, раскольнической деятельности агента империализма Берии. Есть предложение вывести его из состава президиума, из состава ЦК, исключить из партии и предать военному суду. Кто «за»? И первый руку поднимаю. За мной остальные...»

Вот и вся внешняя драматургия перехвата власти – она всегда простая, без чеховских подтекстов. Все подтексты – в разговорах во время прогулок на территориях госдач.

Главное же последствие хрущевского правления – возможно, помимо желания самого Хрущева, который, впрочем, очень напирал на общенародное государство и соцдемократию, – это возникновение когорты «детей XX съезда», от которых идет линия демократических традиций и в постсоветской России.

ПУТИН

МИРОПОРЯДОК ОТ ПРОТИВНОГО

Американский миропорядок плох и является источником почти всех бед. Это основной посыл валдайско-сочинского выступления Владимира Путина. Надо, наверное, строить новый порядок – от противного. «Противный» – это в данном случае дядя Сэм. Но здесь есть две проблемы.

Первая. Политика СССР, преемником которого все чаще ощущает себя российская власть, и так всю жизнь строилась «от противного». Украденные и заимствованные технологии – от атомной бомбы и станков до автомобилей и универсамов. Единственная внятная и измеряемая цель – «догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения». А для души этого самого населения – американские джинсы. Не менее устойчивым аршином для неизмеримой русскости много десятилетий остается показатель производительности труда – она как составляла треть от американской, так и осталась на этом уровне.

Проблема вторая. Допустим, американский миропорядок не только плох, но и локален. (Что правда – есть арабский мир, китайский мир и т.д.) Но тогда получается, что русский мир не просто локален, а провинциален. И даже расширение его до границ Таможенного союза идет при сопротивлении и византийском лавировании партнеров. Попытка же показать на практике западную границу этого мира – украинский кризис, сопровождаемый территориальными приобретениями и гибридной войной, – лишь усугубила мировой беспорядок. Россию не замечали, а теперь воленс-ноленс заметили. Она была «большим человеком Европы», теперь же определить ее статус в миропорядке вообще невозможно. Не случайно в новой книге Генри Киссинджера «Мировой порядок» фамилия Путин упоминается один раз, а Россия рассматривается лишь в историческом аспекте.

94 ГОД КРЫМСКОГО КОНСЕНСУСА

Опасливо обходит стороной современную Россию и Фрэнсис Фукуяма в новой работе «Политический порядок и политический упадок»: единственной серьезной альтернативой либеральным демократиям он считает Китай. Полагая, что «путинская Россия» просто непривлекательна: «государство-рантье, региональная по преимуществу держава по причине запасов газа и нефти; вне русскоязычного мира ее политическая система не является примером для подражания».

В общем, пока другого мирового порядка у нас для вас нет. Россия едва ли может стать в ее нынешнем состоянии законодателем мод: «вежливые люди» – это еще не «мягкая сила». Можно прислониться к китайскому порядку – Россия противопоставляет этот вектор западному. Что тоже не новость: почти три десятка лет тому назад поэт так квалифицировал нашу территорию: «Эта местность мне знакома, как окраина Китая!»

Словом, происходящие словесные интервенции и некоторые действия на сопредельных территориях (информпредставитель НАТО в России Роберт Пшчель назвал это явление «танки в отпуске») не очень похожи на попытки строительства нового мирового порядка. Они похожи на строительство империи в отсутствие стройматериала. Мераб Мамардашвили про такие стройки сказал: «Это не империя русского народа, а империя посредством русского народа. То есть он сам здесь вещь, а не лицо».

SPUTNIK ВМЕСТО «СПУТНИКА»

В чем отличие СССР от современной России? СССР почти 60 лет назад запустил «Спутник-1», ставший предметом зависти США и спровоцировавший космическую гонку, поначалу в режиме мирного соревнования. Современная Россия запускает Sputnik – систему пропагандистских представительства МИА «Россия сегодня». В 2015 г. радиовещание на 30 языках должно превысить 800 часов в сутки в 34 странах и 130 городах мира. «СМИ под новым брендом призваны показывать многополярный мир, где у каждой страны есть свои национальные интересы, культура, история, традиции».

«Спутник-1» был свидетельством технологической мощи и научного энтузиазма. Той самой «мягкой силой», которую тогда еще так не называли. Доказательством привлекательности страны за ее пределами и предметом гордости внутри государства. Sputnik – свидетельство того, что сегодняшняя Россия все никак не может объяснить себя миру. Сколько она ни показывает свой положительный образ, на выходе получается отрицательный. И никакое агентство Ketchum (что характерно, американское) не могло в этом России помочь.

Русские слова, обретающие интернациональный смысл, отражают историческую симптоматику. Ну, с bistrot все понятно. Симптоматично, что во французский перешло русское слово kloout, символ жестокости и принуждения. Почти три десятилетия советская пропаганда эксплуатировала до дыр и потери семантики слово Sputnik – турбюро, гостиницы с жуткой репутацией и апээнковский журнальчик девальвировали понятие. Девальвировалась, выдыхалась и мельчала и сама советская власть. Потом СССР вернулся на мировую арену с двумя гиперпопулярными брендами – perestroika и glasnost. Эпоха транзита закончилась брендом

#ИИИ

Putin. И вот опять возвращается не «Спутник», а Sputnik, пропагандистский бренд, пародирующий умерший своей смертью старый пропагандистский бренд и пытающийся жить за счет энергии, излучаемой более полувека этой погашенной советской звездой. Какая злая ирония истории: дискантер «Победа» вместо автомобиля «Победа».

Ровно в день запуска нагруженного историческими смыслами Sputnik одна представительница зарубежного мозгового треста спросила меня: «Это чтобы подрывать или информировать?» Очень точный вопрос. Но не одно ли это и то же в условиях противостояния двух систем? Подрывать, информируя, скорее получалось у Запада. Информировать, подрывая, не очень получалось у Востока. В результате четверть века назад рухнула Берлинская стена.

Sputnik – это сигнал о возвращении противостояния ценностей. До сих пор информировать, подрывая, и подрывать, информируя, не нужно было никому. Но начавшееся ралли – гонка санкций, вооружений, информационных ресурсов – это ли не холодная война?

Впрочем, потенциальный противник уже обезоружен: иностранные агенты разоблачены, присутствие иностранцев в российских СМИ скоро будет ограничено до бессмысленных значений. Руководство России верит в чуждые влияния, как верило в них советское руководство времен «Спутника-1». Только советскому руководству было что предъявить в качестве «мягкой силы». Сегодня предъявить нечего.

#ИИИИИ

97

АРКТИКАНАША

На днях было объявлено о планах по учреждению специальной государственной структуры, которая займется Арктикой. Лавры Главсевморпути не дают покоя российской власти – кому-то хочется быть то ли Шмидтом, то ли Паланиным («Шмидт снял Паланина со льдины, а тот его с Севморпути...»). Арктика вписывается в идеологический пейзаж эпохи осажденной крепости и призвана сыграть роль геополитического холодильника – надо застолбить флажками исконно русскую территорию, чтобы всякая там Смилла со своим датским чувством снега не покушалась на наши земли. (Говорилось же несколько лет назад о том, что Северный полюс – продолжение хребта, который тянется из Сибири; в этом смысле Россия – не родина слонов, но отечество мамонтов.)

Арктике придается военно-стратегическое значение – арктические войска, арктическая ФСБ. Сталин строил арктический щит и арктический миф – «Лейся песня на просторе», полярные летчики, полярные станции, «Два капитана», поиски волшебного Эдема – Земли Санникова.

Трудно восстанавливать этот миф в ситуации, когда арктический щит превращен в арктический shit: вся российская Арктика усыяна пустыми бочками из-под горячего.

Северную территорию инсайдеры делят между тремя претендентами – зампредами правительства: бывшим норильским хозяином Александром Хлопониним, куратором нерешаемых задач вроде олимпийского Сочи Дмитрием Козаком и оборонным вице-премьером Дмитрием Рогозиным. Акцент на оборонную составляющую даст неправильный эффект: в Арктике много проблем с экологией, причем у вероятных (они же невероятные) противников тоже.

Но восстановить арктический миф все равно не удастся. Не потому, что он обветшал, — просто он соответствовал своему времени, даже безо всякого Сталина. Романтика открытий — это человеческая, а не государственная история. Поэтому миф был не только идеологическим дурманом, но и историей человеческого мужества и успеха. А какие сейчас открытия? То есть они, разумеется, возможны, но для этого нужен драйв, а не только голый интерес — демонстрация силы, углеводородное сырье, политтехнология системы «Арктиканаша».

К тому же в арктической политике, наверное, должна быть какая-то последовательность. То есть либо возрождение арктической романтики, пусть даже это называется арктическим мифом, либо интересы РПЦ. Которая претендует на здание Никольской церкви в Петербурге, где расположен Музей Арктики и Антарктики. Выселить музей толком не могут, потому что православный губернатор Полтавченко предложил музейным работникам самим найти место для переселения («Десять лет, как жизни нет. Все Айсберги, Вайсберги, Айзенберги, всякие там Рабиновичи»). Но переселиться на льдину решительно невозможно ввиду ухудшения арктической экологии. А на ремонт здания, куда должен переехать музей, хорошо бы получить хотя бы какие-то средства от якобы бредящей Арктикой федеральной власти.

Миф тоже надо уметь администрировать. А так, конечно, любой новый Главсевморпуть ожидает судьба то ли Министерства по Дальнему Востоку, то ли Министерства Крыма. Море геополитических амбиций раскинулось все-таки слишком широко — никакого бюджета, даже пухнувшего от девальвации рубля, не хватит.

СТРАНА ПОБЕДИВШЕГО ШАМАНИЗМА

Владимир Высоцкий совершенно внезапно — хотя все к этому шло год от года — снова стал актуален, как лента информагентства (не государственного). Владимир Путин после того, как упомянул «национал-предателей» и «пятую колонну» весной этого года, обратился к богатому понятию «кулиса» — в значении «закулиса». Наши американские друзья, сказал он, «впрямую или из-за кулис всегда влияют на наши отношения с соседями». Включил иронию: «Иногда даже не знаешь, с кем лучше разговаривать: с правительствами некоторых государств или напрямую с их американскими покровителями и спонсорами. Подпольный вашингтонский обком все-таки действует. Обама дергает за ниточки свою марионетку Меркель...

Вслед за президентом глава СВР Михаил Фрадков, мужчина, вообще говоря, тихий, вдруг сообщил, что нефть нам обрушили американцы, чтобы свалить действующую власть. И вот тогда-то практически против воли вспомнилась песня под названием «Письмо в редакцию телепередачи «Очевидное — невероятное»: «Это их худые черты бермутят воду во пруду, / Это все придумал Черчилль в восемнадцатом году, / Мы про взрывы, про пожары сочиняли ноту ТАСС, / Тут примчались санитары и зафиксировали нас».

Зафиксировать только нас некому. Особенно с учетом того, что отныне мы должны отбивать поклоны вновь обретенным святыням в Крыму. (Это что же, Партенит, в советское девичество Фрунзенское, — мать городов русских?) Ну, или бегать вокруг них с древнеславянскими бубнами. Страна победившего шаманизма...

Трудящиеся ли идут навстречу пожеланиям властей, или власти идут навстречу пожеланиям трудящихся, но,

100

ГОД КРЫМСКОГО КОНСЕНСУСА

по данным ФОМа, русский человек полагает, что нефть нам обрушили США — непосредственно из-за кулисы: «Америка постаралась»; «Мировой заговор против России»; «Связано с США, свой доллар штампуют»; «Все страны настроены против России, специально снижают цены». И никто не задается вопросом: а нельзя ли уже как-то научиться жить без высокой нефтяной конъюнктуры?

Разумеется, пикейные жилеты были всегда. Политики считали необходимым покупать их лояльность. Но старики у подвезда никогда, как сейчас, не определяли мейнстрим. До такой степени, что любой экономический провал в России теперь, как в третьем мире, можно с легкостью оправдывать мировым заговором. Остается только «Протоколы сионских мудрецов» предьявить изумленной публике в программе «Вести недели», или как она у них там называется...

Нация стала относиться к себе со звериной серьезностью: крутится перед зеркалом, примеряя шалку Мономаха, не замечая, что становится похожа на карикатурного царя из фильма «Иван Васильевич меняет профессию», а вместе с саморефлексией выплескивает и самоиронию. Возможно, это временное ментальное затмение. Но иногда кажется, что была бы у нас в 1970-е такая же власть и такая же элита, как сейчас, Высоцкого не звали бы к себе даже «большие люди», чтобы он «им пел «Охоту на волков».

Маргинальная «закулиса» высочайше одобрена и стала мейнстримовским модным спектаклем «Из-за кулис».

Тут ведь такое дело... «И тогда главврач Маргулис телевизор запретил». Где бы взять — для начала — такого главврача?

101

ОКНАМИ НА АЮ-ДАГ

Социология, фиксируя посткрымскую консолидацию, выявляет еще и отсутствие изменений в ключевой установке россиян: «Мы ни на что не влияем и потому ни на что влиять не хотим». Эта установка коррелирует с небольшим — по сравнению с нефтегазовыми, рентными, ресурсами — вкладом налогоплательщиков в доходы бюджета.

Граждане России в глубине души не чувствуют себя создателями национального дохода, а значит, дестимулированы к участию в политике, которая в идеале нацелена на более рациональное, честное, справедливое перераспределение нацпродукта.

Рента отчуждена от гражданина России, но он знает, что на нее живет. Гражданин готов получать ее от государства, но в то же время у него вырабатывается тайный комплекс неполноценности по поводу того, что он не вполне заработал свое материальное благополучие. Это дает перераспределительной коалиции (например, «Роснефти» Игоря Сечина) «право» на «его» часть в сверхнормативном распределении государственных денег. Что провоцирует недовольство других перераспределительных коалиций «озерной школы», которые тоже «право имеют» и не считают себя «тварями дрожащими».

Получается, что в сложившейся рентной системе никакой демократии налогоплательщика нет и быть не может. А когда еще как бы общий пирог с сочащейся из него нефтью дополняется «крымомнашим», такая модель убивает и демократию обсуждения, и демократию участия, и гражданское чувство *res publica*, общего дела. (Крым — это не общее дело, русский человек брал его штурмом, сидя у телевизора, так что это подарок от власти, брошенная кость.)

НАШ

Отсюда и готовность мириться с чем угодно, и неготовность протестовать. Отсюда и отсутствие стимулов к частным инициативам, к инвестициям, к инновациям, к защите частной собственности. А госинвестиции еще больше дестимулируют экономическую активность — на выходе получается не рост, а жижа под сапогами из денег, которые или провоцируют инфляцию, или бегут в страны с лучшим инвестиционным климатом. Эти госинвестиции нужны российской экономике в той же степени, что и импортные станки советским предприятиям: они гнили нераспакованные под дождем в хоздворах.

В отсутствие демократии налогоплательщика и на фоне убыли работоспособного населения экономисты начали отмечать процесс декалфикации рабочей силы. Особый спрос на работников ирреального сектора — мастеровзаполнения бесконечных бюрократических бумажек для проверяющих органов и охранников. Какое на этом фоне импортозамещение? Полтора десятилетия чиновники бубнили о необходимости слезть с нефтегазовой иглы. Но как только появилась возможность, пусть и принудительно, вытащить ее из вены, вся элита забегала в панике и стала искать виноватых в рядах мировой закулисы.

Крым, антисанкции и падение рубля — не только финансово-экономический и не вполне управленческий кризис. Это жесточайший ментальный и общественный кризис. И в этом пейзаже окнами на Ю-Даг посткрымское большинство действительно заслуживает то «расширенное» правительство, которое имеет.

#НЕЖИЖА

103

Крымский консенсус все еще действует — империалистическая патриотическая истерия никак не утихнет. Начинается финансово-экономический кризис. Но битва холодильника и телевизора приобретает странный характер: открывая холодильник, обыватель обнаруживает там телевизор. Пока он готов им «питаться».

САКРАЛИЗАЦИЯ НЕСВОБОДЫ

В самом конце декабря ФОМ опросил граждан на тему «Отношение к России в мире». Оптимистические зеленые кривые – прямые, как стрелы, – идут вверх. И живем-то мы в развитой, передовой стране (скачок с 57% в феврале 2014 г. до 69% в декабре), в богатой (с 58 до 66%), свободной (с 60 до 73%), в стране, которой боятся (с 68 до 86%), в стране, влияние которой растет (с 55 до 67%). Вот только не любят нас и необъективно к нам относятся. Согласно же ноябрьскому исследованию «Левада-центра», 68% респондентов считают Россию великой державой (в сентябре 2012 г. таких было 48% – 20 пунктов за два года!).

Французский философ Цветан Тодоров в работе «Дух Просвещения» писал о том, что «Просвещение создает расколдованный мир». В сегодняшнем мире многие лидеры пытаются обратно «заколдовать» этот мир в стилистике, свойственной скорее теократиям, предшествовавшим эпохе Просвещения, нежели современным государствам. И им это удается. Назовем этот тренд «сакрализацией несвободы». Для одних то, что происходит в России, – дистиллированная антиутопия или путешествие в прошлое. Для других – волшебная сказка. В том смысле, в каком об этом писал Владимир Пропп в классическом труде «Морфология волшебной сказки»: «Персонажи сказки, как бы они ни были разнообразны, часто делают одно и то же». Сталин наводит порядок – и Путин наводит порядок; при Сталине нас все боялись – и при Путине стали бояться; эх, хорошо в стране советской жить – да и сейчас нас здесь неплохо кормят импортзамещенным товаром (упавший рубль и взлетевшие цены скользят по периферии сознания, как по льду). И гимн наш – та же сказка с одним сюжетом, три раза переписанная, – только герои поменялись.

106 ВРЕМЕННЫЙ СОЮЗ ХОЛОДИЛЬНИКА И ТЕЛЕВИЗОРА

Да, все согласны, что мы живем в осажденной крепости. Только одни полагают, что их взяли в заложники, а другие получают удовольствие от стокгольмского синдрома, проникаясь логикой того, кто в заложниках держит.

Одни видят в осажденной крепости кафкианский замок, внутри которого идут кафкианские же процессы или обменивающиеся персонажами пьесы Беккета и Ионеско. Другие – захватывающей красоты сооружение на манер замка Нойшвайштайн, только с куполами-луковками и звонящими колоколами, на которых отлиты в граните: «От друзей». Ну или что-то вроде «Ласточкиного гнезда» с шубохранилищами.

Крым – и причина, и следствие сказочного сознания, реализованное волшебство. Ну как если бы наши выиграли чемпионат мира по футболу (сравнение принадлежит биофизику Максиму Франк-Каменецкому), только это чудо, произошедшее в реальности – и даже от телевизора не надо было отходить. В какой точке сакрализация несвободы дойдет до своего предела? Представим себе несколько кривых. Например, кривые инфляции и сакрализации государства параллельно идут вверх, а кривые ВВП и реальных доходов населения – вниз. В какой-то точке, скорее всего уже в 2015 г., они пересекаются. Назовем эту позицию «крестом Путина». Что происходит дальше?

А дальше мы выходим из зоны достоверного прогнозирования, потому что история знает и молниеносные обвалы («Русь слиняла в три дня») и монотонное, как зубная боль, продолжение мнимого зомбиобразного движения от победы к победе, невзирая ни на что и вопреки супостатам и закулисе.

Социальная ткань такая штука, что растягивать ее можно до невероятных величин – а она все не рвется.

Но вот этот замок, эта осажденная крепость – нечто вроде волшебной горы Томаса Манна, где наверху еще ведутся споры чахоточных либералов и консерваторов, плюралистов и авторитаристов, но стоит спуститься вниз – человек попадает на реальную, а не воображаемую войну.

В мире же новой русской волшебной сказки храбрые рыцари охраняют «суверенитет», понятие, сильно поменявшее свою семантику после падения Берлинской стены и незнакомое в прежнем значении поколению граждан мира, которым вообще непонятны проблемы миропорядка до 1989 г. Дегероизированная война (Майкл Ховард) вдруг вновь обретает героев, и они гибнут «в реале», а не в компьютерной игре. За что? За Отечество, естественно! За «суверенитет»! За то, чтобы нам казалось, что мы живем в великой державе – свободной, но всех пугающей.

Провал в архаику еще полбеды. Беда – это жизнь внутри волшебной сказки.

109

У РОССИИ ПОХИТИЛИ ЕВРОПУ

Социальный контракт «Лишь бы не было войны» в обмен на свободу отменяется. Судя по делу об измене родине матери семерых детей, война признается всеми. А на смену оправданию триумфальной легкости проглочной войны (взятие Крыма без единого выстрела) идет легитимация войны как таковой. Архаичное по природе своей оправдание войны сопровождается столь же архаичной фетишизацией суверенитета.

Спекуляции на суверенитете – верный признак изоляционизма. В конце Второй мировой войны один из будущих архитекторов единой Европы – Жан Монне считал, что главной послевоенной опасностью для континента стало бы «восстановление Европы, состоящей из суверенных государств, подверженных соблазнам протекционизма». Это не означало, что Монне настаивал на отмене суверенитетов. Это означало, что фетишизация суверенитетов имела бы для Европы, ее экономики, политики, для переосмысливаемых европейских ценностей серьезные негативные последствия, сопровождаемые невозможностью избавиться от наследия – экономического, политического, психологического – мировой войны. «Если страны Европы займут позицию изоляции и конфронтации, – писал Монне, – снова станет необходимым создание армий... И Европа снова начнет жить в состоянии страха». (Выдающийся русский философ Лев Шестов еще в работе 1920-х гг. *Potestas clavium* писал, что, если бы народы Европейского континента не дали вовлечь себя в Первую мировую войну, за эти потерянные годы «вся Европа обратилась бы в рай».)

Характерен в этом смысле диалог о патриотизме и суверенитете эмигранта Йозефа и его приятеля, старого коммуниста Н. в романе Милана Кундеры «Неведение» (действие

происходит в первые годы после «бархатной революции», когда стало возможным возвращение в Чехословакию изгнанников):

«– Национальная независимость давно стала иллюзией, – сказал Н. – Но если страна не суверенна и не стремится ею стать, готов ли будет кто-нибудь умереть за нее?»

– Я не хочу, чтобы мои дети готовы были умереть... Умереть за свою родину, такого больше не существует. Быть может, для тебя, в годы твоей эмиграции, время остановилось. Но они, они уже не думают, как ты».

Об этом же феномене в книге «Изобретение мира» писал сэр Майкл Ховард, когда отмечал «общее для западных урбанизированных обществ нежелание нести тяжелые потери» и называл эту эпоху «постгероической». Демократии между собой не воюют: Кантова идея «вечного мира», основанного на республиканском правлении и объединяющей силе всемирной торговли, до известной степени работает.

Но трудно увлечь этой идеей мир, где героизируется смерть за пророка, а безвестная гибель на полях Донбасса сравнивается с героизмом солдат Великой Отечественной войны. Где первое лицо государства идет в день холокоста в Центр толерантности, для того чтобы объявить нынешнюю украинскую власть наследницей «бандеровцев» и повторить, по сути, тост Сталина за русский народ мая 1945 г., а заодно представить процентную норму участия евреев в Великой Отечественной.

У России похитили Европу. А вместе с ней и европейскую ценность мира.

ВЕЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ЕКАТЕРИНЫ ГЕНИЕВОЙ

Осенью 2012 г., когда отмечалось 90-летие Библиотеки иностранной литературы, на электронный адрес ее директора Екатерины Гениевой пришло письмо от Людмилы Улицкой. Оно начиналось словами: «Дорогая моя...» «И я сначала подумала, что это она обращается ко мне», – говорила энергичная и ироничная Екатерина Юрьевна. Оказалось, что это было письмо Библиотеке. Возможно, единственное в мире: «Я благодарна тебе и всем твоим сотрудникам – от директора до уборщицы – за ту атмосферу, которую надышали в твоих стенах. Это атмосфера культуры... Науку можно использовать в самых гнусных целях, а вот с культурой это не получается: если ее направлять в антигуманных целях, она перестает быть культурой и умирает... Ты всем нам нужна, без тебя и твоего дела мы одичаем и потеряем человеческий облик».

В 1989-м «Иностранка» стояла на пороге одичания. Давно закончилась эпоха Маргариты Ивановны Рудомино, основательницы Библиотеки и ее директора в течение более чем полувека, завершился и период директорства Людмилы Гвишиани-Косыгиной, сильно повредившей «экологическую среду» ВГБИЛ, но не разрушившей ее до основания. Минкульт СССР прислал новое начальство, скорее номенклатурное, видевшее во ВГБИЛ всего лишь окошко по выдаче книг – и уж во всяком случае отнюдь не борхесовскую Вселенную. Академик Дмитрий Лихачев называл эту историю с новыми назначениями более опасной, «чем пожар в книгохранилище». И тогда хранители экологии библиотеки, всего того, что было «надышано» за десятилетия, восстали. Совет трудового коллектива, который возглавила научный сотрудник ВГБИЛ, комментатор «Улисса» Джеймса Джойса Екатерина Гениева, выразил вотум недоверия новому руководству.

112 ВРЕМЕННЫЙ СОЮЗ ХОЛОДИЛЬНИКА И ТЕЛЕВИЗОРА

Война длилась несколько месяцев. А 30 октября 1989 г. директором был избран Вячеслав Всеволодович Иванов. Он тяготился гигантским объемом административно-организационной работы, и потому было принято решение передать управление Библиотекой Гениевой.

И вот тогда-то состоялся разговор Екатерины Гениевой с отцом Александром Менем. Так уж получилось, что он был единственным человеком, чье мнение могло стать решающим – становиться директором ВГБИЛ или нет. «У меня нет времени на административную работу», – быстро, как из пулемета, говорила Екатерина Юрьевна. «Почему?» – спросил отец Александр. «Я филолог, я пишу». – «Вы что, Лев Толстой?» И произнес пророческую, в сущности, фразу: «Время вам пошлет».

Да, четверть века. До самой кончины – на работе. Ниспосланное время позволило превратить ВГБИЛ в диалоговое и культурное пространство. Очень свободное. Как сама Гениева говорила о дворике Библиотеки, где стоят самые разные памятники самым разным людям: «Здесь дети играют на коленях у Джойса». Современное пространство, но с невыветрившимся духом старой библиотеки, которая пропитана лучшим запахом в мире – запахом книг, и с возможностью тактильного контакта с ними, а значит, контакта со временем. Пространство, где все двигалось и жило, которое и сама директор наполняла собой, быстро проходя по читальным залам, культурным центрам, лестницам.

Как и Маргарита Рудомино, Екатерина Гениева обладала способностью разговаривать с государством. С чиновниками Минкульта и с президентом Венесуэлы Чавесом. Для этого нужно терпение. И такая позиция, чтобы уважали и не могли

сломать. А в хозяйстве у нее то, что было и остается гордостью Библиотеки именно что иностранной литературы, — иностранные культурные центры, от иранского и венесуэльского до американского. Кто же знал, что наступит время культурной архаики и американский центр окажется бомбой, заложенной под Библиотеку?

Екатерина Юрьевна не дала его закрыть. Вообще не давала сделать ни одного шага в сторону ополчения Библиотеки. Равного ей тяжеловеса и просветителя-либерала в библиотечном мире нет. Да пожалуй что и вообще в мире российской культуры. Вот в чем ловушка: Гениевой нет — и теперь будет все дозволено.

Министр Мединский, конечно, хотел снять ее с должности. Атаки и проверки шли одна за другой, разговоры были тяжелыми. Вообще говоря, оскорбительными для Екатерины Юрьевны. Но за ней были дело и коллектив. Она, будучи невероятно простой и дружелюбной — т. е. интеллигентной — в общении, осознавала свой масштаб и свою миссию. Она была хранительницей тех книг, которые превращают человека в человека — думающего, а значит, опасного для государства того типа, которое сформировалось в современной России. Отправить Гениеву в отставку не удалось.

«Мы созданы из тех книг, которые прочитали», — говорила Екатерина Юрьевна. И эта метафизическая правда в политическом смысле безжалостна к некогда «самой читающей стране». И к ее управленцам, для которых «Иностранка» Екатерины Гениевой — прямой враг, «национал-предатель»: 5 млн единиц хранения — это «пятая колонна», это книги на 144 языках, изучать которые наши депутаты считают опасным для государственности. А еще опаснее — превраще-

ние Библиотеки в коммуникационное пространство. Гениева рассуждала: «Библиотека — это ведь не каталожные карточки или электронные записи. И даже не просто хранилище книг. Борхес говорил, что книга мертва до той поры, пока ее не коснется тепло человеческих рук. Но эпоха Гутенберга, признаемся себе, кончается, интернет становится другой формой бытования книги. И библиотека перестает быть хранилищем «глиняных табличек». Библиотека — это диалоговая структура, место, где происходит межкультурный, межконфессиональный, межэтнический диалог».

Кстати, хорошо о формирующей человеческий мозг функции Библиотеки сказал, поздравляя в 1997 г. ВГБИЛ с 75-летием, Борис Ельцин, тот самый человек, который другомучеловечу завещал «беречь Россию»: «...наперекор замыслу быть идеологическим фильтром, она (Библиотека. — А. К.) стала тем «окном в Европу», через которое проникал свежийвоздух и не давал задохнуться в удушливом информационном застое».

А потом появилась еще одна сила, с которой Екатерине Гениевой предстояло бороться, — рак. И здесь она на сдавалась, веря в то, что время, которое ей послано, хотя и невероятно спрессовано, тем не менее должно быть использовано для дела. Старалась даже не избегать публичных выступлений — и это после тяжелых операций...

Библиотека, согласно Борхесу, существует ab aeterno, вечно. Но вечность — это труд, это, говоря в терминах Мераба Мамардашвили, у с и л и е. И без этого философски понимаемого у с и л и я, на которое Екатерине Юрьевне Гениевой было послано время, даже Библиотека могла потерять свое главное свойство — вечность.

115

ДВОЙНОЕ СОЗНАНИЕ РОССИЙСКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА

Философ Владимир Кантор рассказывал, как его друг Владимир Кормер, демонический красавец, гуляка и автор одного из самых значительных русских романов XX в. «Наследство», однажды в глухие застойные времена попал в специфическую, но одновременно и типичную для него историю. Кормер позаимствовал у Кантора сборник рассказов Евгения Замятина с вызывающим знаком эмигрантского издательства на обложке. А затем, будучи нетрезвым, предсказуемым образом оказался в комнате милиции в метро. Лейтенант ознакомился с книгой, отчего Кормер протрезвел: последствия могли быть тяжелейшими. Но милиционер отпустил позднего клиента, деликатно проведя по эскалатору до вагона со словами: «Как же вы такие книги читаете — и так пьете?»

Кормер и сам участвовал в тамиздате. В конце 1968-го, после вторжения в Чехословакию, в неформальном кружке, состоявшем из Юрия Сенокосова, Евгения Барабанова, Михаила Меерсона, Владимира Кормера и о. Александра Меня, созрела идея подготовки серии статей в связи с 60-летием сборника «Вехи». Кормеровский толчок к рефлексии по поводу слоя советского образованного класса вырос из этой идеи.

Три псевдонимированные статьи членов этого кружка, включая текст Кормера «Двойное сознание интеллигенции и псевдо-культура» (под псевдонимом О. Алтаев), были опубликованы в № 97 «Вестника РСХД» за 1970 г., издававшегося в Париже раз в три месяца под редакцией Никиты Струве. Они были собраны под единой шапкой Μεταποία («Поворот сознания») и переданы на Запад Барабановым, фактически соредактором «Вестника». Помимо всего прочего это был антинационалистический манифест.

Например, в статье В. Горского (под псевдонимом скрывался искусствовед Евгений Барабанов; третьим автором под псевдонимом М. Челнов выступил Михаил Меерсон, ныне православный священник в США) «Русский мессианизм и новое национальное сознание» говорилось: «Преодоление национал-мессианистского соблазна — первоочередная задача России. Россия не сможет избавиться от деспотизма до тех пор, пока не откажется от идеи национального величия». Спустя почти полвека очевидно, что эксплуатация этого соблазна нынешней «постиндустриальной» властью позволяет главному идеологу российского изоляционизма собирать почти 90% активной или просто конформистской поддержки.

Разумеется, тезисы «Метанойи» были резко оспорены националистами. Досталось авторам и от Александра Солженицына, посвятившего отчаянной полемике с «Метанойей» часть статьи 1973 г. «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни», вошедшей в сборник 1974 г. «Из-под глыб». В нем же опубликован текст «Раскол Церкви и мира» одного из авторов и идеологов «Метанойи» Барабанова, причем без псевдонима, — узнав о том, что этот участник сборника и скрывался под псевдонимом В. Горский, Солженицын фактически прекратил с ним отношения.

А в «Образованщине» (из того же сборника) Солженицын полемизировал именно с автором, скрывшимся под псевдонимом О. Алтаев. Он же отмечал «блестяще отграниченные» Кормером шесть соблазнов русской интеллигенции. Которые при всей разнице нынешней эпохи и времени полувековой давности, судя по всему, находятся во вполне рабочем состоянии.

Солженицын подверг критике измельчение советской интеллигенции, ее стремление к приспособленчеству и бытовым благам. Этот слой, живущий «по лжи» ради квартиры, машины и семьи, он и назвал «образованщиной». Солженицын мерил его этическими нормами, а надо было – социально-экономическими. И потому он не распознал в «образованщине» народившийся в результате урбанизации советский средний класс со стандартными для «мидлов» социальными запросами, капиллярно описанными Юрием Трифоновым в его «Московских повестях» примерно в то же самое время. Даже моральный выбор этой страты возник не из-за политических метаний, как у диссидентствующих героев Кормера в «Наследстве», а на основе бытовых сюжетов, как у Трифонова в «Обмене» или «Старике», где этические дилеммы связаны, вообще говоря, с недвижимостью.

Кормер безжалостен в своем анализе «бытовых» установок советской интеллигенции, но в то же время предостерегает от иронии по этому поводу, напоминая о том, какие ужасы пережила эта социальная страта в годы советской власти: «И если он (интеллигент. – А. К.) не ощущает сегодня больше своей вины перед народом, то ведь и, слава Богу, они квиты – на пятьдесят втором году советской власти (статья писалась в 1969-м. – А. К.) народу самому неплохо было бы ощутить свою вину перед интеллигенцией». Обиходных понятий «ватники» и «анчоусы» тогда не существовало, но сегодняшние споры о разделенном на большинство и меньшинство народе лишь отголоски того, что происходило с социальной структурой российского общества и сто, и пятьдесят лет тому назад.

Двойное сознание советской интеллигенции, по Кормеру, явилось прямым следствием ее положения: она служит

118 **ВРЕМЕННЫЙ СОЮЗ ХОЛОДИЛЬНИКА И ТЕЛЕВИЗОРА**

власти и приспособливается к ней, потому что стремится к благополучию, и в то же время ненавидит власть и мечтает о ее крушении. Эта раздвоенность образованного класса вернулась полвека спустя в путинской России. В том числе и в виде дискуссий о возможности-невозможности сотрудничества с властью: «И кроме того, «ведь если не они, то на их место – какие-то другие, менее интеллигентные, менее порядочные!» Партийная книжка жжет интеллигенту грудь, но он не знает, как выбраться из этого порочного круга». Интеллигент испытывает и просветительские иллюзии: «Он полагает, что там наверху и впрямь сидят и ждут его слова, чтобы прозреть, что им только этого и не хватает».

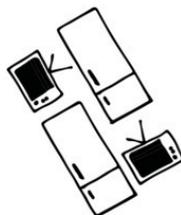
К просветительской иллюзии близко примыкает один из шести препарируемых Кормером соблазнов интеллигенции – отепельный. Как это и было во времена робкой модернизации по Дмитрию Медведеву, а иной раз бывает и сейчас, когда вдруг Владимир Путин посылает псевдолиберальные квазисигналы, перемен интеллигент ждет с нетерпением и, затаив дыхание, ревностно высматривает все, что будто бы предвещает эти долгожданные перемены».

Рядом – соблазн революционный, более жесткий, чем отепельный: интеллигенция, пишет Кормер, «неравнодушна к словам «крушение», «распад», «скоро начнется» и т. д.».

Соблазн технократический известен нам не только по временам «гаджетной модернизации» по Медведеву, когда казалось, что если каждого гражданина России вооружить айпадом, то страна тут же станет европейской, но и, в принципе, по длинной эпохе Путина, которого иной раз принято представлять публике как «русского немца», глубоко рационального политика. Слова Кормера о технократизации вла-

сти, близкой, например, Герману Грефу, как будто написаны не 45 лет назад, а сегодня: «Интеллигенция (к ней Кормер относит и государственную бюрократию. – А. К.) не желает видеть только того, что Зло не обязательно приходит в грязных лохмотьях анархии. Оно может явиться и в сверкающем облике хорошо организованного фашистского рейха. Оно не падет само по себе от введения упорядоченности в работе гигантского бюрократического аппарата». Оставшиеся соблазны – военный, который в иных ситуациях приходит как соблазн красного патриотизма (смыкающийся «с искушениями национал-социализма и русского империализма»); соблазн социалистический, который в приложении к сегодняшним обстоятельствам оправдывает отступление от нормального развития как необходимый и неизбежный этап; соблазн сменовеховский, согласно которому власть, насытившись террором разной степени интенсивности, переродится в нечто вполне приемлемое и более гуманистическое сама собой.

Удивительно, но Кормер в самое глухое советское время, когда после вторжения в Чехословакию наступил «вельветовый сталинизм», не просто говорит о соблазнах, но, по сути, о необходимости их преодоления. Казалось бы, что могла сделать интеллигенция в то время? А писатель толкует о ее ответственности за происходящее. О том, что она «явно держит в своих руках судьбы России, а с нею и всего мира». В контексте жесткого социологизированного кормеровского анализа это не пафосная метафора, а очень рациональная констатация: интеллигенция или, если угодно, элиты несут свою долю ответственности за то, что, генерируя новые соблазны, которые на поверку оказываются лишь новой версией старых, они для пребывания страны в анабиозе, по Кормеру, «нового русского мессианизма».

121

СТРАНА, ПРИКРЫТАЯ БУМАЖКОЙ

Наконец-то сказаны главные слова об устройстве современного российского политического режима. Откуда не ждали, что называется. Мэр Москвы Сергей Собянин о сносе торговых павильонов в городе Москве: «нельзя прикрываться бумажками о собственности, приобретенными жульническим путем»; «снос незаконных строений в Москве — наглядный пример того, что в России не продается правда, наследие, история нашей страны».

Право собственности, священное и неприкосновенное, против «истории нашей страны». Так оно и есть: история свидетельствует о том, что право собственности в любой момент признается сувереном «бумажкой». Пушкинское определение rule of law «стоите выше вы народа, но вечный выше вас закон» в России никогда не работало. Право собственности не значит ничего перед «правдой» начальника и «наследием» пропагандиста. Что такое правда, решает не суд, а любой феодал при суверене.

Отобрать и переделить — на этот раз «справедливо». Перераспределить среди тех, кто заслужил. На всех уровнях системы. Если так сделали, например, с ЮКОСом, то почему не поступить так же с предпринимателями существенно более низкого полета. Для убедительности можно еще поставить рядом православный храм. Передел собственности нуждается в анестезирующем дымке паники, чтобы сомнений в справедливости не возникало вовсе.

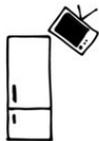
Принцип свободы договора? Как сказано у Маршака, «ты не в Чикаго, моя дорогая». И даже не в Древнем Риме. Орда и православие отделили нас от мира, в котором произошла рецепция римского частного права. А Библию нам дали, как давно отмечал философ Густав Шлет (не зря

его советская власть сослала куда надо), «на болгарском языке», что предопределило наше, по его определению, «невегласие».

Немые и отделенные от Запада, будущие «дорогие россияне» решали вопросы методами опричнины. Иногда прикрываясь «бумажками». Вроде первых декретов Советской власти. А иногда сажая за бумажки – книги, статьи, листовки, «Хронику текущих событий», «Архипелаг ГУЛАГ». Иной раз управляя бумажками – многотомными «Ленинским курсом», собраниями сочинений вождей.

Священные тексты у всех разные – у кого кодекс Наполеона, у кого – цитата из Сталина. У кого – Дигесты Юстиниана (VI век н. э.), где сказано: «Ведь ничто не соответствует так естественной справедливости, как подтверждать в правую волю собственника». А у кого «невидимая рука кремлевского рынка», когда решения о том, кому и как покупать и продавать, принимается на высшем кабинетном уровне. Кому Конституция, о содержании которой федеральная власть имеет представление только по уклончивым рассуждениям Валерия Зорькина, а кому – севрюжина с хреном в виде системы «Платон», отчисления от которой в государственный бюджет не предусмотрены в течение первых пяти лет ее работы.

Рабочих мест меньше, инфляция выше, стимулов к ведению частного бизнеса – нет совсем, близость к телу суверена – решает все. Таковы «правда, наследие, история нашей страны».

ПОДЪЕМ С ПЕРЕВОРОТОМ

По комментариям некоторых западных колумнистов видно, что многие из них почти откровенно сожалеют о неудаче военного переворота в Турции. Но сейчас не 1950-е и даже не 1970-е гг.: в современной Турции для переворота старого типа нет ни социальной базы, ни институциональной основы. Практически как в России. Недаром в высказываниях российских должностных лиц по поводу событий в Турции легко читалась тень обеспокоенности и толика сочувствия собрату-автократу.

Если бы переворота не было, то турецкому лидеру его стоило бы инсценировать. Потому что теперь он, шедший по пути авторитаризации власти, вдруг оказался защитником конституционного демократического строя. Это тоже важный урок для автократов российского типа. Они получили готовый кейс из области политтехнологий – как укрепить власть внешне сильную, но входящую в стадию медленной эрозии и упадка. Как? Объявить себя защитницей демократии и тем самым восстановить уровень гемоглобина в крови власти – т.е. обновить выдыхающуюся легитимность.

Правда, нынешнему российскому правящему классу для этого вовсе необязательно инсценировать переворот. Во-первых, никто в него не поверит, во-вторых, для успешного переворота нужен гарантированный экономический подъем – тогда это будет «подъем с переворотом», в-третьих, для впрыска легитимации годятся самые обыкновенные чудо-выборы.

Власть в стадии упадка, происходящего в силу уже растянутых на годы неэффективности и коррумпированности, должна и будет искать средства дополнительной легитима-

124 ВРЕМЕННЫЙ СОЮЗ ХОЛОДИЛЬНИКА И ТЕЛЕВИЗОРА

ции. Одно из них – «более честные» парламентские выборы 2016 г. Которые тем легче сделать честными, чем меньше меню политических партий: дезориентированный и равнодушный потребитель и так, без всяких серьезных фальсификаций, предпочтет привычные блюда. А 2018 год окажется еще более «честным» в силу абсолютной безальтернативности и бескалорийности предвыборного меню.

Но вот что делать дальше? Нынешние элиты пока не слишком привержены старому проверенному принципу, четко сформулированному героем Алена Делона по имени Танкреди Фальконери в классическом фильме Лукино Висконти «Леопард»: «Если мы хотим, чтобы все осталось, как есть, нужно, чтобы все изменилось». Во имя реализации этого принципа и выживания самого класса аристократии Фальконери сначала воевал в отрядах Гарибальди, потом цинически примкнул к новой савойской власти, а заодно женился на героине Клаудии Кардинале, дочери представителя нового класса – буржуазии. Есть и обоснованная политэкономика таких действий – у Аджемоглу и Робинсона в «Экономических истоках диктатуры и демократии» сквозь частокор математических формул просвечивает вывод: «Демократия возникает во избежание революции». Или, как говорил цитируемый ими граф Грей в 1831 г.: «Реформировать для того, чтобы сохранять, а не свергать».

Задумываясь о стратегии и реформах, для чего к власти был снова приближен Алексей Кудрин, российская автократия ищет способы выживания после 2018 г.

Но ей не хватает изощренности Танкреди Фальконери, чтобы инсценировать вступление в отряды гарибальдийцев. Или – чтобы возглавить их.

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА

Двукратная олимпийская чемпионка Елена Исинбаева, прибывшая с группой российских олимпийцев в Сирию, провела зарядку для военнослужащих военной базы Хмеймим. Она отметила, что «все здесь пронизано духом патриотизма <...> Гордость прет изнутри». В сущности, солдаты-спортсмены, нагруженные колоссальным бременем обороны державы от несправедливых нападков Запада в лице олимпийских и антидопинговых структур, прибыли в гости к другим солдатам, выполняющим, как сказали бы лет 35 тому назад, «интернациональный долг».

Одновременно Минобороны объявило о проведении «внезапной проверки» готовности федеральных органов исполнительной власти и предприятий ОПК к работе в условиях военного времени. В проверке принимают участие подразделения Минкомсвязи, Минфина, Минпромторга, Росрезерва и Банка России. Экономика готовится к переходу на военные рельсы, в пору открывать классический труд любимца Сталина Николая Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны». Западные аналитики могли бы сделать из этих новостей однозначный вывод: Россия готовится к активной фазе гибридной войны. Между тем речь идет всего лишь о дымовой завесе, которой любят покрывать сцену во время эстрадных представлений. О зрелищах вместо хлеба.

Символические войны не должны прекращаться ни минуту, иначе начнет проседать рейтинг одобрения деятельности первого лица: он жестко привязан к военно-полевому мероприятию по возрождению в населении чувства великой державы. Состояние перманентной мобилизации внутри осажденной крепости требует повтора ритуалов предвоенного состояния. Поэтому структуры, которые должны

заниматься экономическими реформами и созданием благоприятной инвестиционной среды, обеспечивают мобилизационную готовность к войне.

Холодильник не воюет с телевизором: он вместе с ним копит резервы для отражения ударов врагов – как внешних, так и внутренних. Он тоже мобилизован на войну. От запретов на продажу импортную бытовую технику спасает только то, что она почти вся азиатской сборки. А так бы ее приравняли к агентам влияния.

Пушки вместо масла, «тысячелетняя история» вместо сыра. Но, оказывается, чувством возрождения великой державы можно питаться, причем довольно долго, как солониной на корабле сэра Фрэнсиса Дрейка. Эта модель несколько архаична, она описывается мускулистыми формулами Лебедева-Кумача из песни братьев Покрасс «Если завтра война...», но прекрасно работает не только в системах авторитарной индустриализации 1930-х, но и в гибридных авторитарных режимах начала XXI в. – вроде современной России.

Симптоматично, что военная доктрина – в ее пропагандистском изводе – решительно не изменилась с тех пор, как Лебедев-Кумач описал ее в четверостишии: «Мы войны не хотим, но себя защитим, / Оборону крепим мы недаром, / И на вражьей земле мы врага разгромим / Малой кровью, могучим ударом!»

С тех пор было немало маленьких победоносных войн. А карьера Лебедева-Кумача закончилась, когда перед эвакуацией из Москвы в октябре 1941 г. он срывал с груди ордена и швырял их на вокзале в портрет Сталина.

127

ТОСТ ЗА РУССКИЙ НАРОД

Если бы президент России держал в руках не микрофон, а бокал и если бы на календаре значилось не 18 сентября 2016 г., а 24 мая 1945-го, можно было подумать, что не Владимир Путин, а один из предыдущих знаменитых правителей России произносит тост. Тост за русский народ. «Людям живется непросто, проблем много <...> И тем не менее результат такой, какой он есть <...> Трудно, тяжело, а люди все равно за «Единую Россию» проголосовали», – сказал глава государства как-то благодарно-удивленно. А более 70 лет назад генералиссимус тоже благодарил граждан: «Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это <...> и пошел на жертвы».

В этих двух «тостах за русский народ» есть мотив нарушения властью социальных контрактов разных времен, согласно которым мир меняется на лояльность, а Крым идет в обмен на продовольствие. И в обоих случаях народ идет навстречу своему руководству, относится с пониманием к не вполне эффективному менеджменту.

На следующий после выборов день президент усилил тезис о долготерпении россиян – предостерег правительство от «шоковой терапии». (Интересно, в чем еще она могла бы выражаться после, например, отъема у граждан пенсионных накоплений, направления денег налогоплательщиков на бомбардировки в Сирии и реализацию пакета Яровой?) А 24 сентября уже Дмитрий Медведев разъяснил смысл «мандата», данного россиянами, – он означает невозможность принятия «непродуманных и не пользующихся поддержкой людей резких решений».

Получается, что, во-первых, руководство страны несколько удивлено тем, что народ за него голосует в условиях затянувшегося кризиса. Впрочем, власть спасает то обстоятельство, что в России все еще существует рыночная экономика и товары доступны для россиян, несмотря на контрсанкции и интервенции государства в экономическую систему. Голосовал же далеко не весь народ, не говоря уже о том, что «победу» «Единой России» обеспечило меньшее число россиян (на 4 млн по сравнению с предыдущими выборами), да и то преимущественно в регионах «особого электорального режима» (по Дмитрию Орешкину), где явка оказалась аномально высокой, а контроль за чистотой выборов ограничен. Так что это «мандат» уж точно не от всего народа, а скорее от меньшей его части. И эта власть держится не на активной поддержке, а на тотальном равнодушии, в том числе к процедуре голосования.

Во-вторых, руководство прямо говорит о том, что делать оно ничего не собирается, – а как иначе расшифровать заявления о «шоковой терапии» и «резких решениях»? В-третьих, топ-менеджеры государства посылают месседж элитам: терпение рядовых россиян не стоит и дальше испытывать на прочность. Поэтому продолжатся и кадровые перетряски, и громкие дела против коррупционеров. Если для умиротворения утомленной кризисом публики потребуются кадровые жертвы – они будут.

Таковы небольшие поправки к старому социальному контракту. Ведь Крыма, внешних войн и внутренних битв с пятой колонной уже недостаточно. А надо еще как-то растянуть действие «мандата» до президентских выборов.

ЗЕРКАЛО МИНЭКОНОМРАЗВИТИЯ

После заявления президента о том, что задержание министра экономического развития Алексея Улюкаева укрепило деловой климат в стране, стало очевидным, что бывший министр сдан. Почему это произошло с такой легкостью, если учесть, что выше экономики в стране только духовные скрепы?

Сегодняшнему государству важнее денежно-кредитная и бюджетная политика. То есть ЦБ и Минфин. Держать курс рубля и инфляцию, когда за ними придирчиво последует электорат, — важно. Покупать лояльность посткрымского большинства и иметь средства на показательные бомбометания, консолидирующие трудящихся вокруг первого лица, — не менее важно. А вот что там будет с прогнозированием, лицензированием, поддержкой предпринимательской деятельности и прочей оценкой регулирующего воздействия, не говоря уже о приватизации, которая заканчивается командой «нажмите решетку», — менее интересно. Это функционал второго плана даже при понимании того, что Минэкономразвития — разветвленная административная империя в зарегулированной экономической среде.

Поэтому если в ЦБ и Минфине желательно все-таки держать условных либералов, которые и деньги на пушки вместо масла выделат, но при этом и дефицит бюджета из последних сил снижать будут, то в Минэкономразвития в нынешних условиях может работать просто грамотный управленец. Выбирая между «неокейсианцем» Андреем Белоусовым и «неолибералом» Ксенией Юдаевой, проще остановиться на кандидатуре технократа Максима Акимова (но это теоретически, а какие уж там резоны у начальства — кто ж знает).

Вот если бы в экономике начинался новый старт, тогда — да. Тут без условного Германа Грефа не обойтись.

130 ВРЕМЕННЫЙ СОЮЗ ХОЛОДИЛЬНИКА И ТЕЛЕВИЗОРА

Но пока стартовый пистолет никто не доставал, несмотря на круглосуточное дежурство Алексея Кудрина по стране будущего.

В этом смысле биография экономического министерства отражала историю постсоветской России. Сначала — для реформаторского рывка — в один кулак под Егора Гайдара было собрано объединенное Министерство экономики и финансов. Потом, когда немного осела пыль, но прорыв продолжался, министром стал Андрей Нечаев. Естественный этап контрреформы — Олег Лобов, короткая эпоха «хвойной муки» и «плана по яйцу». Затем стабилизация — Александр Шохин. Вторая романтически обаятельная либеральная волна — «дед» Евгений Ясин и Яков Уринсон, который отстаивал либеральные ценности, бросаясь в драку в физическом смысле слова. Партийно-правительственная тяжеленная пепельница, брошенная в аграрного министра Александра Заверюху, — лишь один из эпизодов борьбы. Постдефолтная растерянность — Андрей Шаловальянец. Идея прорыва в будущее — Греф, чьим именем названа программа, одним из ключевых авторов которой был Улюкаев. Инерция астматически задохнувшегося прорыва — Эльвира Набиуллина. Стабилизация — Белоусов. Либерал Улюкаев был брошен на постстабилизационную рутину. Точка роста оказалась одна — «Роснефть»...

Надо как-то доживать до 2018 г. А дальше уж точно выбирать: или снова запуск вручную прорыва, или мы поверим в силу государственных денег и дешевого кредита. Впрочем, этот политический режим всегда старался идти по срединному пути. И, как говорили в марксистские времена, он с него не свернет.

ОСАЖДЕННАЯ КРЕПОСТЬ ПО ВЫЗОВУ

Оглашая свое послание – 2016, президент дважды благодарил отдельные социальные группы. Первый раз – импортозаместившихся тружеников села. Второй – почти строго в соответствии со словами старой советской песни Матусовского и Баснера «Березовый сок» – тех, «кто трудную службу сегодня несет вдали от России».

Спустя несколько дней в российском мобильном госпитале в сирийском Алеппо, вдали от России, погибли две женщины-медработницы.

Цена военных действий в Сирии снова выросла. Россия официально не ведет наземной операции. Но эти две женщины погибли на земле. Россия «уходила» из Сирии. Однако нужды мобилизации населения вокруг «мобильной» осажденной крепости и поддержания рейтинга одобрения деятельности президента потребовали продолжения триумфального сирийского банкета. Это расходы и деньги налогоплательщиков, это смерти и патриотическая истерия на смертях.

Без Сирии наш президент не вполне мировой игрок. Потому что именно там он может сойтись в опосредованной войне с главным противником – Западом. Кровь медработников лежит, как патетически восклицал пресс-секретарь Минобороны генерал Конашенков, «на вас, покровителях террористов из США, Великобритании, Франции и прочих сочувствующих им стран и образований».

Сирийская операция давно должна была бы выдохнуться и перестать быть популярной. Теперь, чтобы остаться битвой за правое дело, она должна приносить все больше и больше жертв. И виновными в смертях просто обязаны оказаться

«наши западные партнеры». А на чем еще, если не считать борьбы с коррупцией и пятой колонной, должна строиться предвыборная кампания, которую уже не отличить от кампании сирийской? Эту войну затевали не для того, чтобы мириться с США, а чтобы противостоять Западу, решая внутренние мобилизационные задачи, возвращая героический дискурс российскому телевидению.

В 1971 г. журналист The New York Times Нил Шихэн в предисловии к Pentagon Papers, собранию документов о вовлечении США во вьетнамскую войну, цитировал меморандум Макджорджа Банди, специального советника президента США по национальной безопасности: 7 февраля 1965 г. он убеждал Линдона Джонсона в том, что «по сравнению с издержками от поражения во Вьетнаме эта программа (полномасштабные бомбардировки Северного Вьетнама, — А. К.) окажется дешевой <...> цена усилий покрывает затраты». В политической логике полувековой давности имиджевые победы тоже стоили свеч.

Или мы забыли свой Афганистан? Целое поколение молодых людей, чьи нервы были сожжены дотла войной, которую нельзя выиграть. Или поколение американских jungle-harry, солдат, сходивших с ума в джунглях. К чему эти человеческие жертвы? К чему эта осажденная крепость по вызову? Дикие расходы на солдат, полицейских и охранников при ресурсно ослабленном здравоохранении и образовании? Мифология конверсии, уже однажды провалившаяся, но повторенная в последнем послании? Все это ради замещения еды и нормальной жизни гордостью за бивучачную смерть в чужой пустыне. А что, людям нравится — кто-нибудь заметил в России антивоенное движение? Минобороны может не беспокоиться за свой бюджет.

АЛМАЗ В ПЕПЛЕ

«Что ты делал во время восстания? — То же, что и все. Стрелял в немцев. — А сейчас — в поляков? — А вы — по воробьям?»

Ох уж эти споры славян между собою, как в диалоге из «Пепла и алмаза» Анджея Вайды. Поляки еще не стреляют друг в друга, но словосочетание «варшавский майдан» уже было произнесено. А «Газета выборча» словно вернулась в те времена, когда была органом «Солидарности», только теперь она противостоит Ярославу Качиньскому, который и сам начинал политическую деятельность в мятежном профсоюзе. Сайт «Выборчей» в последние дни открывался надписью: «Председатель будет недоволен, что ты читаешь «Выборчу». Присоединяйся к авантюристам!» Председатель — это Качиньский. Председатель партии «Пис», политика которой невиданными темпами довела страну до гражданского демократического сопротивления.

Польский кейс — о том, к чему приводят популизм, трамплизация политики и путинизация общественной сферы, которая начинается с борьбы против свободных медиа и продолжается ею. Сначала чистка рядов государственного телевидения, затем попытки затруднить поступление рекламы в «Газету выборчу» и наконец бессмысленный закон об ограничении доступа журналистов в парламент, с которым еще можно, по словам президента Анджея Дуды, отыграть назад (в отличие от закона о бюджете, хоть и принятого с грубым нарушением процедуры). Что станет актом невиданной самостоятельности Дуды, полностью зависимо от Качиньского. У Качиньского свои счета со СМИ: его, как заметил один знакомый журналист, «когда-то ударили телекамерой в голову и, наверное, слишком сильно ударили».

Популизм – главное слово. Трудно не быть популярным политиком, когда инициируешь программу «Семья 500+» – по 500 злотых (больше 100 евро) за второго и каждого последующего ребенка ежемесячно. И трудно будет сохранить популярность, если деньги кончатся. Это даже не правый популизм, а скорее, левый. Особенно если учесть, что в дни «интеллигентских» манифестаций Дуда подписал «народный» закон о снижении пенсионного возраста.

Массовый протест в крупных городах против подавления демократических прав сменился выступлениями учителей: «Президента научили писать не для того, чтобы он подписывал все, что ему подсовывают». С требованиями не вовлекать в политику полицию выступил профсоюз полицейских. Евродепутат от «Пис» выступил против «Пис». Не закончены споры по поводу состава конституционного суда. Законность принятого бюджета под вопросом. Закон о поражении в правах бывших сотрудников спецслужб чреват исками в Страсбургский суд. Как сказал мне известный журналист Вацлав Радзивинович, «Пис» открыл слишком много фронтов сразу».

По сути, при смене власти Польша стала провозвестницей трампизации. В 2015 г. многие были уверены, что на выборах президента победит Бронислав Коморовский. Точно так же, как в США большинство считало фаворитом Хиллари Клинтон. А победил политик «нового типа». И тем не менее в Польше право-левый популизм увяз в страховочной сетке демократических институтов и либеральной политической культуры. Что-то похожее может произойти и в Америке.

В популистском пелле всегда можно найти алмаз – ценность демократии.

Социальный контракт – мы вам абсолютный минимум социальной поддержки и чувство великой державы, вы за нас голосуете и нас одобряете – испытывает эрозию после мобилизации масс на президентских выборах-2018. Реальные доходы населения падают четвертый год подряд, власть отвечает на это повышением пенсионного возраста и сбором денег там, где только можно – повышается НДС, придуман налог на самозанятых. Патриотическая и антизападная риторика оставляют людей равнодушными. Рейтинги Путина, а за ними всей власти начинают падать.

ТЫ В НИКУДА

ПЛЮС ГИБРИДИЗАЦИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ

Есть такой советский анекдот. Ленин показал, что государством может управлять кухарка, Сталин — что один человек, Хрущев — что дурак, а Брежнев — что государством можно вообще не управлять. Взгляд, конечно, очень варварский, но...

Называя нынешнюю политическую систему России авторитарной, что на самом деле правда, мы сильно преувеличиваем управляемость всех процессов. Между тем правящие «элиты» занимает только одно — самовыживание на рубеже нового политического цикла, четко маркированного президентскими выборами 2018 г., а граждан — физическое выживание в условиях непроходящей депрессии в графических рамках L-образного кризиса. То есть все заняты самими собой, одни делают вид, что управляют, другие — что управляются и даже консолидируются вокруг армии, флота и флага в лице верховного главнокомандующего. Телевизор прочно прописался в холодильнике, трудящиеся узнают о том, как им следует думать и рассуждать, из высказываний пресс-секретарей Пескова, Захаровой и Конашенкова, и ситуация такого «плохого равновесия» может продолжаться неопределенно долго. Может, такой авторитаризм действительно гибридный — сейчас авторы книги 2010 г. о нем Стивен Левицкий и Лукан Уэй цитируются чаще, чем Маркс и Энгельс во времена исторического материализма. Как герой Мольера не знал, что он изъясняется прозой, так и мы не ведали, что живем в гибридном государстве. Но, товарищи, привыкать ли нам?

Разве поздний СССР не был гибридом — уж во всяком случае, совсем не дистиллированным тоталитаризмом? Нынешний режим часто называют для простоты понимания персоналистским — и это, наверное, тоже кое-что объясняет. Но разве главная «персона» действительно обладает

безраздельной властью? Разве не живое творчество бдительных масс и инициативных депутатов, следственных и контрольно-надзорных органов, не всегда оглядывающихся на Путина, иной раз превращает повседневную жизнь в невыносимую? Настолько ли, как мы думаем, могуществен автократ, если, например, личное мнение некоторых друзей для него не менее существенно, чем влияние Александра Коржакова на Бориса Ельцина во времена режима, который мы привыкли считать демократическим?

Западные политические ученые часто толкуют о нашествии нелиберальных демократий. Тоже мне новость. В таком случае и режим какого-нибудь Франко при всенародной любви к нему в рамках «органической демократии», и Советский Союз и «страны народных демократий» побывали в этой роли: советские люди в большинстве своем совершенно искренне считали, что они живут в условиях небывалой свободы при социалистической демократии. Сегодняшние социологические исследования показывают: число людей, полагающих, что мы живем в свободном демократическом государстве, лишь увеличивается по мере закручивания гаек. Да, база для международных сравнений велика и, возможно, современную Россию, особенно в том, что касается нравов «элит», действительно многое объединяет не столько с «бананово-лимонным Сингапуром», сколько с какой-нибудь менее эффективной банановой автократией. Но и это не все объясняет, потому что Россия — не постколониальная тропическая республика, а гигантская постимперская страна, испытывающая чудовищной силы постимперские фантомные боли с попутным желанием пришить себе обратно некоторые утраченные органы. И сами мы во многом еще даже не постсоветские, а в чистом виде советские люди, только попавшие в антисоветские жизненные обсто-

139

ательства. И когда советский-постсоветский человек вдруг обнаруживает в российской власти призраки «совка» — надутую военную мощь, экспорт нефти и страхов — и понимает, что вот нас опять боится весь мир, ему становится хорошо. Потому что это привычно.

Сколько было пролито картеджа по поводу того, что 80%-ный рейтинг одобрения деятельности Путина — несуществующая величина. А она, эта величина, по-прежнему здесь, никуда не делась и остается базой поддержки режима. Может, это, конечно, уже не путинское большинство, а путинское меньшинство (у кого есть эталонная линейка?), но в силу массового равнодушия к тому, что происходит наверху, и этого меньшинства хватит для того, чтобы власть осталась прежней после 2018 г. Операция «Крым в обмен на продовольствие» (в смысле отказ от него) продолжается. «Крым», конечно, уже дело рутинное, но символического консолидационного значения этого псевдонима нашей вернувшейся державной мощи никто не отменял.

И в этом смысле сравнения сегодняшних ситуаций с поздним «совком», при всем их иной раз поразительном сходстве, некорректны. Первое. Тогда был колоссальный спрос на перемены. Тогда появился лидер, готовый эти перемены инициировать. Тогда была массовая поддержка реформ, а перезрелое общество очень быстро проснулось и стало сильно опережать государство в своем развитии. Ничего этого нет сейчас, хотя я чуть ли не каждый день слышу от разных людей, что «никогда наверху такого спроса на стратегию перемен не было» (хочется ответить словами Черномырдина — «и вот опять» — как в 2000 г. при программе Грефа, как в 2008-2011 гг. при программах ИНСОРа, как при стратегии - 2020). Больше того, ситуация пере-

стройки была уникальной во всех смыслах и ровно в этом виде повториться в принципе не может. И второе: несмотря на непрекращающуюся интервенцию государства, в стране – рыночная экономика. И уже одно это спасает от голодной смерти наш уродливый гибрид с мавзолеем при гламурном катке.

В каком-то смысле для элит ничего не менять – это рациональное поведение, хотя выдающее в них историческую близорукость и неспособность заглянуть за горизонт. Они недостаточно напуганы наступившим застоём, для того чтобы инициировать перемены в системе ради самих же себя. Но достаточно сильно боятся того, что потеряют все и сразу, если выдернут из системы какой-нибудь особенно замшелый кирпичик, в результате чего обрушится вся конструкция.

Что же до широких масс, то многие, если не большинство просто боятся, что в результате перемен станет только хуже, и потому если и готовы чем заниматься, то исключительно «негативной адаптацией». А что, собственно, готовы предложить им, этим самым массам, реформаторы в кавычках и без? Была больница в шаговой доступности – так ее «оптимизировали», закрыли. Была школа – нет ее. Есть неформальный доход, на который человек живет в кризис, – придут компетентные органы и начнут его «обелять». Было рабочее место – так теперь, говорят, здесь робот будет работать, ибо научно-технический прогресс наступил вместе с высокопроизводительными рабочими местами...

Страна замерла в хрупком, насквозь гибридном, «плохом равновесии». И сама боится на себя дышать. Может, Трамп поможет... Но так ведь можно достояться до другого советского анекдота. Идет очередной съезд партии, и диктор объявляет: «Всем встать! Политбюро – внести!».

ТАЙНА ЗАГРОБНОЙ ПЕРЕПИСКИ

Бывший прокурор Крыма, депутат Госдумы Наталья Поклонская, не удовлетворившись результатами прокурорской проверки, снова выступила против фильма Алексея Учителя «Матильда», повествующего о романе будущего императора Николая с балериной Матильдой Кшесинской.

Депутат обнаружила в фильме нарушение права Николая II на неприкосновенность частной жизни, закрепленного в Конституции РФ 1993 г., до которой император не дожил по ряду причин. Распространение сведений о частной жизни Николая, причем «без его согласия», которое тоже непорочно получить в силу досадных историко-биологических обстоятельств, карается, напоминает Поклонская, лишением свободы до двух лет («двушечка»).

Кроме того, используя метод юридической археологии, депутат нашла признаки таких составов преступлений, как клевета и оскорбление представителя власти. Правда, власти несуществующего государства. Но на это у Поклонской есть ссылка на Свод законов Российской империи. В конце концов, получили же девушки из Pussy Riot «двушечку» практически в соответствии с решениями Трулльского собора (VII в.), почему бы не сослаться в подтверждение потенциального иска на акты более чем столетней давности? Сам фильм, с точки зрения депутата, — оскорбление чувств верующих.

Можно было бы происходящее вокруг фильма счесть театром абсурда, но, например, обвинительный приговор за репост статьи о том, что Гитлер и Сталин в 1939 г. готовили нападение на Польшу, — не меньший абсурд. Пакет Яровой — это Ионеско с Беккетом, приправленные Стоппардом. Законы против усыновления и об иностранных агентах — пещера

142 **ПРОРЫВ В НИКУДА**

и архаика. Стоит ли продолжать список? Поэтому разговор при всей его раблезиански избыточной глупости серьезный.

Следуя логике Поклонской, все художественные произведения и главы в учебниках, где Николай II изображается сколько-нибудь реальным историческим персонажем, необходимо запретить. Если, как сказал бы Радищев, «взглянуть окрест себя» на предмет того, чем бы еще православным оскорбиться, выяснится, что ради уважения их утонченных чувств придется остановить почти всю жизнедеятельность в стране. Это замысловатый феномен — почему у нас судятся исключительно православные и садятся в тюрьму только их оппоненты? Где оскорбленные буддисты, мусульмане, иудеи? Где иски в адрес, например, Петра Толстого, который не кино снял, а высказался с последней прямоотой антисемитски? Вторжение в частную жизнь. Почему Ленина «без его согласия» выставили напоказ и теперь он, как Кентервильское привидение, десятилетиями не может успокоить свою душу? Не подать ли в суд на тех, кто держит его в саркофаге, как в зоопарке?

Собственно история. Когда реальный Николай имел отношения с Кшесинской и между ними состоялось всего лишь то, что бывает между мужчиной и женщиной, когда они очарованы друг другом, Ники Романов не был императором. То есть той сущностью, которая была канонизирована в 2000 г. Наконец, церковь у нас отделена от государства. И, несмотря на то что официоз РПЦ все чаще берет на себя полномочия агитпропа, он, хотя и пытается, еще не стал главреперткомом. И не депутатам, чей функционал несколько иной, судить или «защищать» одного из самых противоречивых, но и несчастных персонажей российской истории.

143

ПРИНУЖДЕНИЕ К ПРИМИРЕНИЮ

В книге 1939 г. «Фашизм на марше» Стивен Раушенбуш описывает свой разговор с немецким бакалейщиком, который стоит множества томов о природе авторитаризма и тоталитаризма. В ответ на осторожное замечание об утрате немцами свободы продавец заметил: «Вы ничего не понимаете. Прежде нам нужно было заботиться о выборах, партиях, голосовании. На нас была ответственность. Теперь у нас ничего этого нет. Теперь мы свободны».

Бегство от свободы как ощущение свободы лишь на первый взгляд парадоксально. В конце концов «национально-освободительная борьба» была одной из основ научного коммунизма, а слово «свобода» на всех языках десятилетиями красовалось на советских плакатах, и мало кто усматривал в этом злой сарказм истории.

Даже в конце «крымского» 2014 года 62% респондентов «Левада-центра» были убеждены в том, что демократия России нужна, 49% считали, что она в России есть (показатели, характерные, например, для оценки россиянами наличия демократии в Германии – 51%, в Белоруссии – 31%). Правда, по сути дела речь шла о некоей абстрактной субстанции, совершенно не совпадающей с тем, что российские граждане наблюдают в повседневной жизни. Но это абсолютно не важно – слова как идеальные сущности живут сами по себе, повседневная жизнь идет сама по себе. «Демократия» странным образом осталась недискредитированным понятием, и для большинства она остается синонимом всего хорошего и идеального. А с реализацией неэкономических идеалов – от чувства причастности к великой истории опричнины и полетов в космос до бомбежек ради жизни на земле – сегодня проблем нет никаких. Или вот такое слово года, слово – 2017 – «примирение». Юбилей

революции 1917 г. сильно перенапряг власть, и пока доминирует примерно такая идея: как несть ни эллина, ни иудея, так нет ни белых, ни красных — все отныне должны примириться в рамках консолидации народа вокруг лидера. Получается, что Путин помирил неуловимых мстителей с белым офицерством на почве духовных скреп. Ситуация несколько абсурдная, поскольку в сознании среднестатистического обывателя советские историко-кичевые стереотипы и без того мирно уживаются с неомперской идеологией православного чекизма, что отлилось в граните богатого понятия «Крым». И лишь отчаянная амазонка Поклонская борется за неприкосновенность частной жизни царя-батюшки.

Впрочем, есть процентов 10-15 населения, которые не захотели стать строительным материалом для крымского политического волнореза, поэтому с ними надо что-то делать, например принудить к примирению. Конфликтность, агрессия, озлобленность, рост которых, кстати, даже монолитные граждане стали отмечать в социологических опросах, а также прямые «воспитательные» репрессии в сочетании с пропагандой уровня эпохи борьбы с космополитами призваны привести недовольных к миру и согласию. Полиция и служба судебных приставов помогут.

Телевизионные крики и драки стали, вероятно, символами этой невиданной консолидации, а искусственно создаваемые раздражители вроде передачи РПЦ Исакиевского собора видятся аналогом пактов Монклоа. (Почему бы тогда не передать землю Ленина по христианскому обряду — в рамках того же примирения?)

В этой невероятной логике патриарх Кирилл в передаче Исаакия церкви именно в год 100-летия революции увидел

145

то самое олицетворение «согласия и взаимного прощения белых с красными, верующих с неверующими». И эти слова были произнесены на фоне разве что не прямых физических столкновений противников изменения статуса собора и граждан, собранных церковно-светскими властями (вот уж где благостная симфония разлилась, так это в унии нынешнего государства и РПЦ). Сам же патриарх в октябре 2016 г. обвинял защитников московского парка «Торфянка» в том, что они сектанты, язычники и вообще участвуют в политической борьбе, а также «по идейным соображениям ненавидят изображение креста Господня». И вот уже в ноябре того же года в квартиры защитников парка в 6 утра вторгаются полицейские, уже сочиняются дела об оскорблении чувств верующих, а пропагандистское подкрепление приходит в виде государственного телевидения. Не хочешь «примириться» с РПЦ? Тогда к тебе идут солдаты государства и церкви — телерепортеры и полицейские.

Братание красных и белых предполагает, оказывается, применение насилия и уголовных репрессий. «Примирение» достигается с помощью усугубления конфликтности. «Консолидация» — методом разобщения нации, разделения ее на чистых и нечистых, на честных граждан и «национал-предателей» (из речи президента 18 марта 2014 г.).

А так у нас — демократия». И «свобода». «Свобода» немецкого бакалейщика, которому больше не надо думать и нести за что-либо ответственность.

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ СТЯЖАНИЯ

«Защитники порядка с какой-то болезненной горячностью напращивают на самый грубый деспотизм, лишь бы власть обеспечила неприкосновенность стяжания», – писал Александр Герцен из тихой и благоуханной Ниццы летом 1850 г. Неприкосновенность стяжания – смысл, средство и цель режима, отлившегося в неизменяемые формы три года назад, после кульминационной точки его развития – взятия Крыма на манер Екатерины II, без единого выстрела.

Средний обыватель получил все, что хотел: убедил себя в том, что был унижен поражением в холодной войне; узнал о том, что у него есть какие-то там святыни вроде звучащего, как название чего-то полусладкого и крепкого, Херсонеса; обнаружил себя в осажденной крепости, внутри которой цены на товары вручную поднимал лично Обама; начал искать на себе «национал-предателей». И почувствовал себя посткрымским большинством.

В обмен на полученные нематериальные активы он готов поддержать свободу политико-финансового класса сохранять свой материальный актив – власть, а значит, и «неприкосновенность стяжания». Потому что где заканчивается власть и начинается собственность, без крымской «Массандры» ни одна Кассандра не разберет. Поддерживая Путина, средний обыватель поддерживает самого себя, а значит, Россию. Нет более естественного механизма сохранения устойчивости режима, где время словно остановилось и никто не хочет, чтобы оно двигалось вперед – а вдруг хуже будет?

Если время застывает, значит, страна срывается в архаику. Судят мальчика, ловившего покемонов в храме, как устраивали бы судилище над ведьмой. Придя с обыском к правоза-

148 **ПРОРЫВ В НИКУДА**

щитнице, обнаруживают, что провалились во времени в буквальном смысле более чем на три десятилетия в прошлое – на глаза попадает протокол обыска в этой же квартире у родителей правозащитницы. Первое лицо, решающее самые мелкие вопросы, но только те, которые случайным образом попали в сектор его обзора (например, с помощью прямой линии и пресс-конференции), обретает хорошо видимые на свету свойства то ли короля, то ли генерального секретаря – батюшка, разреши проблему!

Это не гибридный авторитаризм, это средневековое право. Он карает и милует: *Rex est lex vivens* – Король – это живой закон. И он последняя инстанция; *Rex hoc solum non potest facere quod non potest injuste agere* – Король может творить все, кроме несправедливости. *Rex non potest peccare* – Король не может быть неправ.

И вот уже народный артист, сын народного артиста из тех времен, когда правил другой автократ, которого звали не «папой», как нынешнего, а «хозяином», намекает, получая орден, на божественное происхождение первого лица и его обязанность править и править этой страной. *Rex nunquam moritur* – Король никогда не умирает.

Ну да – лишь рядом быть перестает. А если он сам исчезнет, его политическое тело, «второе тело короля» (Эрнст Канторович, 1957), остается в соратниках, которые будут биться за свою святую «неприкосновенность стяжания». И Герцен напишет в том же «Письме четвертом» из Франции: «В тиранстве без тирана есть что-то отвратительнейшее, нежели в царской власти».

149

НА ЛЫЖАХ ПОКАТАЛИСЬ

В философии Юргена Хабермаса есть понятия «коммуникативное действие», «коммуникативная рациональность», «коммуникативный разум». Атрофия способности коммуницировать, давать обратную связь, не искажать входящий и исходящий сигналы, пожалуй, одно из ключевых качеств нашего политического режима. Это свойство проявилось в 2011-2012 гг., когда верховная власть взяла паузу в реакции на голос продвинутой части общества, потом получила мандат молчаливого большинства, что позволило ей перевести коммуникацию с недовольными в регистр Уголовного кодекса РФ и новых репрессивных законов. Это свойство проявилось и 26 марта 2017 г., когда сигнал площадей и улиц уже не только столиц, но и городов по всей России был прочитан неправильно. Власть просто не знает таких букв, а если распознает очертания, то делает вид, что ничего не понимает.

«Неплохо, на лыжах покатался» – эта реплика премьер-министра в социальных сетях в день масштабнейших для России протестов, как и «Денег нет, но вы держитесь», в спрессованном виде продемонстрировала, как власть реагирует на проблемы, запросы и вопросы общества.

Рабы на галерах неплохо катаются на лыжах – этот модус существования мог бы соответствовать эпохе экономического роста и высокой нефтяной конъюнктуры. За подсохшие крошки от нефтяного пирога более 10 лет назад никто и не обращал внимания на стили гребли и катания. А сейчас, когда социальный контракт переформулирован примерно следующим образом: «Полицейские дубинки в обмен на налоги», эта принципиальная позиция слепоглухонемого капитана дальнего плавания начинает раздражать даже школьников и студентов. Особенно если им теперь в качестве истории КПСС подсовывают слисочный состав «пятой

колонны» и происходит это не где-нибудь, а в Московской консерватории. Может быть, согласно старому совету Жванецкого, в консерватории что-то поправить? Причем теперь уже в буквальном смысле слова.

Пережив 26 марта, начальство стало искать слова. Спикер Володин рассказал о митингах в Европе. Министр Лавров — о двойных стандартах. Спикер Песков — о деньгах за участие в протестных акциях. Других слов не нашлось. Это все потому, что, утратив способность коммуницировать и не врат в режиме реального и ирреального времени, они так и не обрели языка для описания совершенно новой действительности, частью которой, например, является не политический, а этический мирный протест против бесчестности. Диалект болотного дела — устрашение — работает, но от этого этический протест не исчезает, а превращается в подземный пожар, который вырывается наружу, когда для этого возникают условия.

Все то, что обсуждалось в городских кафе, заменивших кухни, все те вопросы, которые возникали в головах молодых людей по мере их взросления, — все это вдруг обрело простой символический язык: улица и кроссовки. Язык выборов — это диалект вранья, язык государственных СМИ — агрессивный шум, сквозь который не способны прорваться рациональное высказывание или детский вопрос. Остается символический диалект, который придумал Навальный для 26 марта. Это не вопрос того, плохой лидер оппозиции или хороший, — семантика, которую он предлагает, понятна и без Барта с Леви-Строссом. Потому что человек по крайней мере пытается вернуть словам смысл, где, например, коррупция называется своим именем: означющее совпадает с означаемым.

151

Неспособность власти говорить на нормальном языке — это следствие многолетней привычки не признавать за обществом права быть обществом, за гражданами — способности быть гражданами, а не электоральным или пушечным мясом. И этот бег по отравленным граблям длится более полувека: диссидентское движение отсчитывает свою историю с молчаливой мирной демонстрации 5 декабря 1965 г. на той же Пушкинской площади, под тем же Пушкиным. Чем ответила тогда власть? Своим языком — языком репрессий: Уголовный кодекс был дополнен статьей 190, в диспозиции которой были в том числе «организация и участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок». Власть говорит на языке полувековой давности и тогда, когда в мегафон объявляет о том, что протестующие мешают движению людей и транспорта — об этом твердили на всех диссидентских процессах, в том числе и в 1968-м по делу «семерых смелых» на Красной площади.

Неужели за 50 лет нельзя было придумать ничего нового? Вот так «эффект колеи» в действии! Когда-нибудь эта власть переживет эрозию не потому, что надорвется под весом пушек и бомб, и не потому, что упадут нефтяные цены. А по той причине, что ее язык перестанут понимать, а она совсем потеряет способность слушать людей — не только тех, кто механически развешивает в школах портреты Путина и гимн Москвы с несуществующими «28 панфиловцами».

Эта власть просто безнадежно устареет, вдоволь накатавшись на лыжах. И ей придется уступить лыжню тем, кто 26 марта вышел на площадь, ничего не зная о Галиче и традициях 1965-го, потому что о них ничего не написано в школьных учебниках, но остро чувствуя 50 оттенков вранья и несправедливости.

153

РИЭЛТОРЫ В ШТАТСКОМ

Странным образом две преследуемые властями величины в академическом мире объединяет тема пожара. Юрий Сергеевич Пивоваров был директором ИНИОНа, когда здание библиотеки сгорело от ветхости и недофинансирования. Академика преследуют два с лишним года, совсем недавно выдвинули против него новые обвинения. В 2008 г. в Европейском университете в Санкт-Петербурге (ЕУ) состоялся «пожарный кризис» – и его закрыли. Ничего не помогало, пока одно влиятельное лицо не дошло до самого первого лица в стране и то не распорядилось отстать от университета.

Поскольку тогда еще приказы начальника действовали, могущественная фигура, сошедшая со страниц романов Пелевина и мстившая бог знает за что рассаднику нормальной академической культуры, отступила и признала свое поражение. С тех пор в день победы над демоном в ЕУ вытаскивают на улицу длинный хобот пожарного шланга и группа студентов и сотрудников во главе с ректором Олегом Хархординым, выстроившись цепочкой, тащит этот предмет по тротуару Гагаринской улицы. Это называется «День ЕУ».

После новой атаки на университет, на этот раз не с помощью пожарного надзора, а – формально – с помощью Рособнадзора, повторилась процедура спасения. Первое лицо, которому, в общем, ЕУ не сильно мешает (он бы взволновался, если бы либералы захватили «Первый канал», а тут-то что?), снова дало команду разобраться. Темой занялись на вице-премьерском уровне. Но команды сверху не прошли – вуз лишен лицензии и проходит через круги ада «беспристрастных» судов.

В университете иной раз кивают на «риэлторов», которым приглянулся старинный особняк, где давно живет ЕУ.

154 ПРОРЫВ В НИКУДА

Но в нашей стране есть только одна категория «агентов недвижимости», которым команда первого лица не указ, – это «риэлторы в штатском». Получается, что наша автократия не до конца автократия. И режим не до конца персоналистский, раз на указания руководителя страны чихать хотели.

Так могут воспламеняться сердца не по корыстным, а исключительно по идеологическим мотивам – «честь дороже». Ну нельзя оставить в покое академика, резко высказывавшегося в адрес власти «риэлторов в штатском», которые делят ее с «гражданской» частью Кремля. Одно дело, когда ругается недобитая независимая пресса, совсем другое – уважаемый академик, которому по статусу положено тихо сидеть и проедать до пенсии остатки денег от субаренды помещений. Ну не должен работать в городе – колыбели нашей официозно-православной элиты маленький университет, Запад в миниатюре. Такова позиция ордена, секты, «здоровой корпорации» (копирайт – Виктор Черкесов), у которой есть миссия – надзирать и наказывать.

Большая волна не только поднимает, но и топит все лодки. ЕУ, академик Пивоваров, «иностранные агенты»... Разве может волна остановить саму себя? Разве может пожар потухнуть, если для него есть топливо? Он перекидывается и в другие страны: в орбановской Венгрии так же расправляются с Центрально-Европейским университетом (ЦЕУ), как в России – с Европейским. ЕУ – очень маленький университет. Но в Будапеште в знак солидарности с ЦЕУ в минувшее воскресенье вышло 80000 человек. Не потому, что он большой, а потому, что маленький. И очень мешает править большим.

ГЛОБУС РОССИИ

За последние несколько дней Владимир Путин так расставил акценты в своей деятельности, что казалось: началась предвыборная кампания. Или, как минимум, выяснилось, что важнее всего: история, география, законотворчество. Сначала в Кремле прошло заседание оргкомитета «Победа» (славная история как основа легитимации политического режима; борьба с фальсификациями истории как второй фронт обороны осажденной крепости). Затем – в Санкт-Петербурге – два знаковых мероприятия: заседание попечительского совета Российского географического общества (РГО) и встреча с членами Совета законодателей. Попутно, в ходе просмотра фильма о подводной арктической жизни, где один моллюск, морской ангел, поведал другому, морского черта («добро съедает зло»), президент обозначил свой исторический функционал – миссию защиты: «То, чем я занимаюсь... Приходится все время смотреть, чтобы нас никто не съел. Оглядываться по сторонам».

Лично мне немедленно вспомнился арктический червь из «Смиллы и ее чувства снега» Питера Хега, но это все-таки немного другая история. Хотя арктический миф крайне важен для самоидентификации российской элиты, расширяющей географию России до Северного полюса (хребет Ломоносова как продолжение Сибирской платформы). В покорении Арктики соединяются история с географией, не говоря уже о том, что с Земли Франца-Иосифа один из «двух капитанов» – действующий премьер – вернулся в столицу ободренный президентом до такой степени, что предложил одному министру ставить будильник себе в разные места.

География невероятно важна для руководства страны. Она ложится в основу патриотического воспитания. Как сказал

президент, «наряду с историей отечества (не мировой. — А. К.), русским языком, литературой география служит основой формирования патриотических ценностей, культуры, национальной идентичности и самосознания». Вероятно, по этой причине в заседании РГО участвовал цвет российского крупного бизнеса — от Геннадия Тимченко и Сергея Собянина до Александра Дюкова и Владимира Евтушенкова, а медалью Географического общества заочно был награжден Алишер Усманов. Главным же географом и вовсе является министр обороны.

Здесь считается множество семантических сигналов: патриотически настроенный бизнес финансово обеспечивает расширение географии, а ее границы защитит армия. В то же самое время предмет начнут интенсивнее преподавать в школе, но лишь для того, чтобы учащиеся не перелетали Гранд-Каньон с Баргузинским заповедником и сумели на контурной карте заштриховать полуостров Крым правильным цветом.

В этой страсти к географии, военизированной и хорошо финансируемой, читается старый имперский дух, импульс внутренней колонизации, в которой географические открытия и «покорение» земель — одно и то же.

Страна с трудом пробирается через символический частокол 100-летия революции, чтобы к 2020 г. добраться до гораздо более внятного события — 200-летия открытия Антарктиды. Знание «правильных» версий истории и географии позволит понять, что еще на глобусе «наше». Проблема только в том, что это мышление в лучшем случае середины XX в.

157

ПРОВАЛ ОБКОМА НАЦФРОНТА

Какой должна была быть российская воля к победе Ле Пен и уверенность в ее успехе, чтобы наши верхи решились осуществить политический coming out и специально спланировать прием лидера Нацфронта в Кремле! Юбка выше колен и восьмисантиметровые шпильки семафорили о беспрецедентной важности контакта.

Можно, конечно, предположить, что Макрона хакнули за день до выборов не российские службы, а интернационал правых радикалов, но на Западе в такую версию после кремлевского приема кандидата в президенты Франции уже не поверит никто. Мадам Ле Пен побывала на ковре в «московском обкоме» и сфотографировалась с главой России, как если бы она была губернатором российской провинции, нуждающимся в срочной накатке рейтинга. И что бы она ни делала потом, любые ее шаги немедленно вызвали ассоциации с Москвой. Не с Коминтерном, а Нацинтерном.

Прощальный хакинг был похож на отчаянный фол последней надежды, который провалился — опять же ввиду крайне неточных политических расчетов и принципиального неверия в то, что европейцы еще способны голосовать за сохранение европейских же ценностей. Подпольный обком Национального фронта провалился.

Обкомом не было учтено то обстоятельство, что фолом последней надежды был сам Эммануэль Макрон: ответственные, не обязательно либеральные французы спасали свою Францию, избавляли Марианну от Марин, а заодно выручили из беды европейский проект.

«Сдержки и противовесы» стали превращать Трампа в «нормального» американского президента с экстравагантностью

градусом не выше никоновского. А в Европе популистская волна столкнулась с антипопулистской. В интерференции волн утонuli претензии российского истеблишмента на то, чтобы возглавить «Соединенные Штаты популистского Запада». Отныне России придется отложиться, пусть и всего лишь на некоторое время, усилия по расколу Запада и ЕС. Даже орбановская Венгрия не очень готова помогать, а Польша, несмотря на ее «путинизацию», никогда в жизни не пойдет даже на тактические союзы с нынешним российским политическим классом.

Стратегически для российского правящего класса ничего не меняется. В том числе и потому, что Запад остался Западом, с той же страховочной сеткой демократических институтов, а Европа, десятилетиями по-шпенглеровски закатываясь, так и не закатилась. То есть коллективный враг остается на своем месте. Поменялось только представление о том, как долго этот враг сможет сохранять приличную спортивную форму. Оказалось — долго. Демонтажа осажденной крепости не будет. Запасы зеленки, чего не скажешь об импортных лекарствах, не переведутся ввиду их стратегической важности для борьбы с пятой колонной. Но тон — пусть и просто от изумления, что ничего не изменилось по мановению Russia Today, — придется корректировать. Что уже превентивно произошло: встречи Могерини — Лавров и Меркель — Путин об этом вполне внятно сигнализировали.

Эммануэль Макрон победил не только Ле Пен.

РАСКАЧИВАНИЕ ПОЕЗДА

Предошущение предвыборной кампании, подготовка различными экспертными группами стратегий развития на период после 2018 г., усиление протестной активности — как политической, так и неполитической — провоцируют вопрос: не появился ли в стране долго отсутствовавший спрос на изменения? Не задул ли «ветер перемен», рискованный превратиться в «сирокко»?

Во-первых, есть проблема с пониманием того, что такое «перемены/изменения». С одной стороны, речь идет прежде всего о реформах. И как правило, под такими преобразованиями понимают либеральные перемены, а не консервативные, рационализацию политики, сопровождаемую расширением степеней свободы. С другой стороны, присоединение Крыма — это тоже перемены. И большинством россиян это действие было воспринято именно как положительное изменение в политике. В разные исторические периоды под переменами понимаются принципиально разные вещи: и сталинская индустриализация, и горбачевская перестройка — все это изменения политико-экономических реалий, перерождение или пересоздание социальной ткани.

К концу 1980-х сама собой артикулировалась базовая простая идея, объединившая миллионы людей: прочь от коммунизма. Или как пел в те годы Гребенщиков: «Пора вернуть эту землю себе». Хотел того Горбачев или нет, начав преобразования, он был вынужден следовать в мейнстриме, в результате отставая от него. К началу нулевых сложился другой объединительный консенсус: дайте нам уже посттранзитный порядок и возможность спокойно (желательно еще — хорошо) жить. И это, если угодно, была «перестройка» Путина: элементы модернизации на базе восстановительного роста и высокой нефтяной конъюнктуры.

160 ПРОРЫВ В НИКУДА

В какой-то момент именно модернизационная повестка показалась ненужной. А в менее тучные времена ее заметил великодержавный дискурс, кульминация которого состоялась в результате взятия Крыма. Это была перемена, отменившая необходимость всех других изменений. В политическом смысле отсутствие изменений стало оцениваться режимом не как его недостаток, а как преимущество. Сейчас эта модель еще действует, хотя и появляются сомнения в ее жизнеспособности, которые провоцируются уже самим фактом наступления нового политического цикла, маркируемого президентскими выборами.

Тогда вопрос: ждет ли преобразований посткрымское большинство? В марте — апреле 2017 г. «Левада-центр» провел исследование об отношении граждан к преобразованиям либерализационного типа. 46,6% сказали, что без гайдаровских реформ можно было обойтись, а 50,7% сообщили, что они принесли вред. Суммарно 59,6% согласились с мнением, что, если бы в стране не началась горбачевская перестройка, все осталось бы как прежде или жизнь наладилась бы, к тому же можно было бы избежать конфликтов и сохранить страну.

Не начиная реформы, нынешний режим лишь следует за общественным мнением, одновременно, конечно, формируя его. Горбачев сам начал преобразования сверху — и чем все закончилось? С точки зрения нынешней власти, единственное, на что можно пойти, — это градуалистская ситуативная коррекция политики. В конце концов, чуть покачивая стоящий поезд, можно выдать стагнацию за изменения.

ГИПЕРИНФЛЯЦИЯ СЛОВ

Россия всегда была не столько идеократией – страной, которой правят идеи, сколько логократией – страной, где слова заменяют идеи. В советском дискурсе было больше бессодержательных одномерных и фанерных слов, чем собственно марксизма-ленинизма. Если бы тогда был изобретен твиттер, советское руководство управляло бы государством твит-атаками. Однако инфляция слов и девальвация понятий оказались не менее масштабными и сегодня.

Что такое слово президента в автократии? Закон. Однако после публичного произнесения главой государства слова «дураки» в адрес тех, кто устроил маски-шоу в «Гоголь-центре», не то чтобы ничего не произошло – ситуация лишь ухудшилась. Когда-то предшественник Путина на посту президента (не Ельцин) сказал по схожему поводу: «Козлы». Но опять-таки это было лишь сотрясение воздуха. Примерно столь же значимое, как и обещания нашего главы государства французскому президенту разобраться с преследованиями геев в Чечне. Слово – причем письменное – президента должно было остановить преследование Европейского университета в Санкт-Петербурге. Результат: лицензию у ЕУ СПб отобрали.

Вопрос: может ли автократия быть настоящей, если слова президента летят, как пух из уст Эола, и никто к ним не прислушивается? Ответ: да. Потому что это «распределенная автократия» – в каждом случае находится свой мини-Путин, который решает, всерьез высказался президент или в данной ситуации можно пренебречь его необязательным высказыванием/подписью. Потому что в целом главе государства все равно: «Действуйте по закону». Или его «дураков» можно дешифровать с точностью до наоборот – как ироничное поощрение. Каждый правоохранитель – звено в блок-

чейне, у которого в голове загорается красная лампочка, если слово президента сказано всерьез, и зеленая, когда можно действовать, руководствуясь своим «коллективным правобессознательным».

Абсолютное обнищание слов случилось на Петербургском экономическом форуме. Их было много. Их воспринимали всерьез. Но они весили не больше, чем слова пикейных жилетов на скамейке у подъезда обреченной на снос пятиэтажки. Россия не вмешивалась в американские выборы, потому что доказать это невозможно. США вмешиваются во все выборы на планете, и здесь даже не нужны доказательства. Логично... Россия будет развивать цифровую экономику, потому что без нее страна обречена на отставание. А как она ее будет развивать, если безопасность важнее, контроль над гражданами имеет государственное значение, а государство не дает развиваться никакому бизнесу, кроме им же и прикормленного? И сколько могут весить слова о важности технологий, если они произносились за эти годы сотни раз, в том числе предшественником Путина (не Ельциным)?

У России есть суверенитет, у европейских стран нет суверенитета, они подчинены США. Произносится это после того, как Меркель предложила элиминировать Трампа из европейской политики.

Никто уже не слушает наше руководство, потому что слова обесценились. А в ходе прямой линии 15 июня будут ждать от президента не слов о суверенитете, а обеспечения сантехнических услуг и кровельных работ. Их по крайней мере можно предоставлять и производить молча. И без участия ведущей NBC Мегин Келли.

163

ЦАРЬ – НЕ НАСТОЯЩИЙ?

Прошедшая прямая линия и последовавшие за ней высказывания президента практически в оправдательной тональности («Я бы не сказал, что только все в ручном управлении, в ручном режиме делается») показали всей стране, что высшей инстанции, которой можно пожаловаться, считай, и нет больше. Всероссийский староста и сантехник больше не принимает и не выезжает по вызову. А раз управление у нас не ручное, значит, оно многорукое. Только к какой руке кидаться теперь и с какой есть, народ, в котором все эти годы власть изо всех сил воспитывала иждивенца – лишь бы в политику не лез, теперь не знает. Получается, царь ненастоящий?

За последние несколько недель президента стало невероятно много в информационном пространстве – в том числе благодаря той же прямой линии и особенно фильму Оливера Стоуна. Интенсификацию присутствия можно было бы считать началом предвыборной кампании. Но, во-первых, Путин не объявляет, что идет в президенты. Во-вторых, не делает никаких программных заявлений и ничего не говорит о будущем страны, кроме того, что оно станет почему-то вдруг очень технологически продвинутым. Он только вспоминает молодость, рассуждает о глубоко частных сюжетах, грубовато шутит. Как будто делает наброски к мемуарам. В результате частого употребления и неопределенности меседжей президентское слово теряет в весе. Он сам становится фоном – как включенный телевизор. Да и то в этом телевизоре появляются в рамках игры в демократию злобные антирежимные sms. Разве настоящий автократ может себе такое позволить? Символ спустился с неба, его дозволено публично ругать (лишь бы это делали не Навальный и те, кто идет за ним), значит, он такой же, как все? Царь – не настоящий?

В самом конце прямой линии, словно спохватившись, президент изложил один из базовых выводов экспертов, работавших над стратегией Алексея Кудрина. Наша цель – повышать доходы граждан за счет производительности труда, которая вырастет благодаря технологическому рывку. Но, как заметил Денис Волков из «Левада-центра», осуществлять этот рывок могут только молодые образованные люди, а их демонстративно швыряют пачками в автозаки. Да еще и называют детьми коррупционеров. Цель не может реализоваться сама собой – она достигается с помощью людей и ради людей. Но эту власть устраивают люди, которые совершенно не собираются повышать производительность труда, а намерены, как и все эти минимум 17 лет, ждать бюджетного финансирования своих проблем. Это входило в социальный контракт – невмешательство в политику и распил в обмен на комиссию от нефтяного пирога и чувство великой державы. Контракт не выполняется. Царь – не настоящий?

Если происходящее – латентное начало предвыборной кампании, то оно провалено. Президент без программы, рассуждающий как обычный человек, в жанре ненаписанных мемуаров, да еще на фоне раздумий политического класса по поводу того, будет ли означать март 2018 г. появление «хромой утки» или нет, больше напоминает позднего Франсиско Франко, а не уверенно смотрящего на крымский закат отца нации.

Предвыборных ожиданий у этой самой нации нет: Путин как президент – это фон, рутинка. Но является ли это преимуществом потенциального кандидата Путина – большой вопрос.

РОССИЯ БЕЗ СЛОВА «ПОДРЯД»

Совсем недавно Россию посетил министр экономики Швейцарии – неторопливый, респектабельный, рассудительный человек. В прошлом году он был президентом Конфедерации. Мне удалось с ним побеседовать, но в ходе разговора думал я только об одном: а вот бы у нас так – каждый год менялись президенты, и катались бы мы как швейцарский сыр в 82,5%-ном масле. Но их модель нам не подходит: у президента мало полномочий, к тому же ротация происходит между членами федерального совета, считай – правительства, и выбирает главу государства парламент. У нас бы такие президенты образовались, что вспомнили бы мы родную автократию как образец рациональности и нестяжательства.

И тем не менее ротация – ключевое слово во всей этой истории. На днях в разговоре с «Эхом Москвы» Алексей Навальный сформулировал программное положение: президент в России должен служить два срока по четыре года без вот этого «подряд», в котором зарыта мина долголетия нашей модели автократии.

Правда в том, что реализация этой формулы действительно меняет все в нашей стране. Выбивает почву из-под кланов силовиков, слившихся с бизнесом и правящих государством от имени, но без поручения народа России. Дает возможность не имитировать выбор, а действительно выбирать. Восстанавливает гражданскую, партийную, политическую активность и экономическую конкуренцию. При всем уважении к экономическим программам и стратегиям они абсолютно вторичны по отношению к этому слову «подряд». Россия без «подряд» дает возможность альтернативы. Не в том смысле, что хуже уже не может быть, а в том смысле,

166 ПРОРЫВ В НИКУДА

что можно увидеть просвет и обрести способность сделать лучше – причем для начала с помощью института выборов.

Даже первый срок правления Путина был не попыткой авторитарной модернизации, а подготовкой транзита от демократии к автократии. Медведев юридически подготовил окончание транзита – шесть лет президентского срока вместо четырех с сохранением «подряд». Путин с 2012 по 2017 г. показывал в своем one-man show, как надо заканчивать на практике консолидацию авторитаризма по-русски. Сохранение понятия «подряд» означает постепенную самоликвидацию избирательной и партийной систем, связанную не просто с имитационным характером и того и другого, но и с превращением выборов – 2018 не столько в референдум, сколько в фестиваль с фейерверками по поводу присоединения Крыма – в точности так, как это происходило во времена Екатерины II. Это уже проблема не ЦИК и даже не политтехнологов, а ивент-менеджеров и пиротехников.

Но в 2018 г. начинается еще один транзит. Часто задаваемый вопрос: а что, собственно, такое политическая реформа? Ответ – исключение слова «подряд». Которое снимает еще один вопрос: «Если не Путин, то кто?» Ответ: другой человек. А потом опять другой. И опять. Если в период 2018–2024 гг. снимается «подряд» – это транзит, очень медленный, к политической демократии, демонтажу осажденной крепости и возвращению конкуренции и частной инициативы в экономику. Если не снимается – это транзит к (без) опасному уходу на пенсию нынешнего президента или сохранению его в любом другом качестве главным начальником, да хоть аятоллой нефтяных полей, монархом или патриархом. Тогда это оформление развода с народом, «источником власти».

ПУТИН КАК БРЕЖНЕВ

Прием парадов, участие в военных ритуалах с последующим посещением церквей, отремонтированных, как дорогостоящая олигархическая недвижимость, занимает все большую часть рабочего времени президента. Армия, флот, РПЦ, ВПК и спецслужбы — все сходится в одной картинке, как в карикатуре с подписью «Без слов» — меседж и так понятен. Это — итог 18 лет правления Владимира Путина: 9 августа 1999-го он был назначен и. о. премьер-министра.

18 лет — некруглая дата, но чрезвычайно важная в контексте политической истории страны: именно в течение такого временного отрезка до своей кончины правил Леонид Брежнев. Судя по всему, эпоха Путина окажется более длинной, чем эра Брежнева. Те, кто жил тогда, помнят, что она казалась бесконечной. Для Путина же в который раз все только начинается.

Брежнев тоже любил все военное и всерьез относился к ритуалам. И с их помощью управлял страной — священная память делала и режим по-своему священным. Теми же технологиями сакрализации своего режима пользуется и Путин. Правда, Леонид Ильич в той войне участвовал...

Брежнев все делал «на прочной марксистско-ленинской основе». У Путина эту роль выполняет консервативно-патриотический фьюжн, «рагу из символов», как определил бы этот феномен Томас Манн. Красная звезда и обращение «товарищи офицеры» здесь мирно соседствуют с постом, молитвой и обращением «Ваше Святейшество».

Брежнев был стар или, как в советском анекдоте, «суперстар». Путин до недавних пор, в «период тувинских торсов», напротив, подчеркивал свою полную энергии ювенильность.

Но вдруг, в преддверии электоральной кампании третьего (он же четвертый) срока, президент вошел в образ *rater familias*, отца большой семьи, где есть и внуки — в частной жизни, и вся нация за вычетом отщепенцев — в жизни политической. Его рассуждения становятся несколько многословными, иной раз не вполне точными — основанными на чересчур оптимистичных справках, которые не совпадают даже с самой комплиментарной государственной статистикой. Жесткое подавление протестов, массовые аресты региональных руководителей сочетаются с проявлениями внезапной сентиментальности и посещением Людмилы Алексеевой в день ее 90-летия. Он становится похожим не на отца, а на дедушку нации, от которого уже ничего не ждут, но он стал говорящим фоном, константой — гибридным монархом.

На позднего Франко — вот на кого он похож. Конспирологи у руля, технократы на должностях министров. Не хватает только хороших отношений с США. Сам лидер нации — часть общегосударственного пейзажа, которая не девается никуда и никогда. Его главная озабоченность — сохранение себя во власти и/или обеспечение ее транзита. Но у Франко был Хуан Карлос. Он к нему присматривался и готовил к роли инструмента транзита. У Путина пока нет транзитной фигуры. Даже у Брежнева был Андропов, от которого дорожка вела к Горбачеву, этот транзит и осуществившему.

Путин знает, чем заканчиваются преждевременно объявленные транзиты, — как раз на примере Горбачева. И пока не сообщает своему птичьему двору о том, когда и на каких условиях он готов стать хромой уткой. Вероятно, он потратит ближайшие годы на поиски своего Андропова или Хуана Карлоса. Или станет ими сам.

169

СТАЛИН КАК ПУЗЫРЬ

В Москве начался монтаж памятника жертвам репрессий работы скульптора Георгия Франгуляна. Стоящим в пробках москвичам и гостям столицы может показаться, что это всего лишь часть собянинской реконструкции Москвы, — та часть Садового кольца, где будет размещаться «Стена скорби», основательно раскурочена и утопает в ядовитой пыли. Но все, безусловно, гораздо серьезнее: политический режим, который ведет — уже не стесняясь — свою родословную напрямую от Сталина, совершенно официально, с момента подписания почти два года назад указа президента о возведении мемориала, решил помянуть жертв репрессий.

Парадоксы на этом не заканчиваются — в совете Фонда памяти, который со стороны кремлевского официоза занимался памятником, состоит Арсений Рогинский — глава «Мемориала», организации, признанной властью иностранным агентом. Тем не менее все эти противоречия кажутся. Их разрешение укладывается в очень простую формулу: да, репрессии были и это не очень хорошо (хотя и «политически оправданно», как следует из опросов «Левада-центра»), но зато Сталин победил в войне и при нем был порядок. Сдвинуть с места эту идеологию, засевавшую, как осколок, в массовом сознании, не может никто с перерывом на короткие периоды либерализации, прочно увязанные с десталинизацией, — хрущевскую оттепель и горбачевскую перестройку.

Массовое сознание, как и политический режим, как и сам президент России, — жертва репрессий. Точнее, представлений о них как о чем-то неизбежном образом брошенном в толпу развития страны: «время такое было», Сталин — «имя России» №1 — живет в каждом как паразит, определяя представления о российской истории и текущей реальности.

170

ПРОРЫВ В НИКУДА

В культовом советском фильме «Доживем до понедельника» между учителями происходит следующий диалог: «Вы просто ушли в себя и развели там пессимизм. А вы ведь историк. Вам это неудобно даже с политической точки зрения. – А я, Светлана Михайловна, сейчас даю историю до 17 года. Так что политически тут все в порядке». Вот так и сейчас: история советского периода не может быть пессимистичной, потому что это череда великих побед, которым мы наследуем. В этой картине мира репрессии – транзакционные издержки индустриализации, Победы, послевоенного восстановления народного хозяйства.

В сегодняшнем не то что идеологическом – повседневном дискурсе Сталин стал как Путин: оба персонажи для сувенирных магазинов на Красной площади и Никольской улице – один «вежливый», другой не очень, рядом с матрешками. Покатайтесь на речном трамвайчике по Москве-реке: счастливый голос экскурсовода расскажет вам, как сталинский генплан, сталинские высотки и вообще все сталинское замечательным образом изменили облик столицы.

Политический рынок перегрет, Сталин и Путин образуют пузырь. Но едва ли мемориал жертвам охладит рынок даже в 2018-м – в год 80-летнего «юбилея» Большого террора. Власть откупилась от гражданского общества памятником, параллельно сознательно минимизировав механизмы трансляции семейной и общественной памяти о жертвах репрессий. И еще вопрос, не станет ли мемориал инструментом искусственной конкуренции с Соловецким камнем. Или, напротив, не найдутся ли отморозки, которые, оценив значение памятника, однажды осквернят его. «Стена скорби» станет еще и тестом для общества на зрелость.

СТРАНА ХРОНИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА

Российская политическая жизнь вошла в полосу вялых низких ожиданий на фоне политической апатии и точечных репрессий, изображающих режим как жертву коррупции, причем коррупции скорее либеральной (процесс Улюкаева и театральное дело). Фаворитизм, непотизм, бесстыдный госкапитализм с пожиранием остатков конкуренции как в экономической, так и в политической системе – все это фон предвыборной кампании, которую основная масса населения, скрепленная крымским консенсусом и психологией осажденной крепости, просто предпочла бы не замечать. Едва ли кто-то всерьез считает мартовские электоральные процедуры выборами в собственном смысле слова.

Единственная внятная интенция политического класса и его лидера – самосохранение во власти. Единственная четко артикулируемая озабоченность политико-финансовых кланов – угадать, на кого ставить в следующем политическом сезоне. И по языку жестов определить, считать ли Путина хромой уткой или ни в коем случае этого не делать, зажившись на сценарий сохранения им власти в том или ином виде в 2018 г.

Содержательные вопросы мало кто обсуждает, потому что самосохранение как цель не предполагает серьезной модернизации системы: можно случайно тронуть какую-нибудь из несущих стен политических «основ» – и тогда все посыплется. Лучше гниение выдавать за стабильность, а косметический ремонт – за модернизацию, и тогда можно еще несколько лет ни о чем не думать. Как минимум до парламентских «выборов» 2021 г. На этом фоне наблюдателям лишь остается играть в «топ-10 премников» или в «Политбюро 2.0», что не имеет вообще никакого отношения к собственно модели будущего России,

172 ПРОРЫВ В НИКУДА

и уж тем более к тем раскладам, которые станут актуальными ближе к 2024 г. Это такие транзитные хроники хронического транзита.

Впору для оценки беспорядочно скачущей кремлевской дворцовой температуры вводить косвенные индикаторы (на основе мелких шажков, (пр) оговорок и слухов) – «индекс Сечина», «индекс Медведева», «индекс Собянина», «индекс Чemezова» и т.д. Путин на щучьей охоте с Шойгу? Ах-ах, вот он – преемник! Путин в Крыму с Медведевым? Ах, Медведев останется премьер-министром! (Не те же ли политические астрологи несли венок на похороны его политической карьеры несколько месяцев назад?) Чemezов поздравляет Дюмина с 45-летием? Ну точно: лагерь силовиков делает ставку на тульского губернатора как на преемника!

Двор трясется мелким бесом, но все это флуктуации, ничего не меняющие – годами! – в содержании плуто-популистской, авторитарно-националистической, госкапиталистически-империалистической, милитаризованно-хоругвеносной, автаркичной автократии. Следить за этой «индейской азбукой» – с какой частотой дым идет из-за горы (башни Кремля) – все равно что всерьез считать десятки доли процента роста экономики и принимать его за подлинное оживление.

Все равно все сведется в условиях перманентной депрессии к противостоянию дворцовых группировок – так, как это было на закате увядавшего вместе с каудильо франкистского режима: «бункер» (силовики), технократы, «апертуристы» (сторонники реформ). Модернизация – только сверху, при обязательном появлении «лица» транзита. У нас же 2018-2024 годы – это не период транзита, а лишь его преддверие.

УЧЕБНИКИ МЕЖДУ СТРУЙ

Отгремела песня «Москва, звонят колокола». Завершилась ярмарка родительского тщеславия 1 сентября. Наступил учебный год. И мои дети принесли в дом учебники, среди них – пособия по истории и литературе за выпускной 11-й класс. Внутренний голос нудил: не надо туда заглядывать, увидишь ровно то, что ожидаешь увидеть, придется пить или капли, или виски, но соблазн был велик. Приходится пить и капли, и виски.

Надо отдать должное «Всеобщей истории» А. Улуняна и Е. Сергеева – этот учебник напоминает А. И. Микояна, который умел бегать между струй от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича. Аккуратности формулировок могли бы позавидовать спичрайтеры Брежнева: все вроде правда, но на выходе – сплошные эвфемизмы и умолчания.

Возьмем, к примеру, описание начала Второй мировой. Германия напала на Польшу. А что же СССР? «Наступление с запада <...> дополнилось активными действиями Советской армии на востоке». Ведь и правда действия были активными! Проживавшие на территории Польши белорусы и украинцы подвергались, говорят авторы учебника, дискриминации и потому радостно встретили гостей с востока. Помнится, в первом книжном, «совписовском», 1979 г. издании романа Анатолия Рыбакова «Тяжелый песок» содержалась аннотация: мол, книга о советском интернационализме и дружбе народов. И ведь тоже правда! Как и в учебнике для 11-го класса.

Роман про евреев, а евреи на всякий случай не упоминаются. «Угнетение непольского населения» в учебнике есть – евреев нет, одни белорусы. И ни слова о массовых погромах, хотя их упоминанием можно было уязвить поляков жестче, чем «угнетением белорусов и украинцев», умиравших

от радости, особенно при виде синей тульи и малинового околыша представителей войск НКВД.

Кстати, нет в учебнике и словосочетания «пакт Молотова – Риббентропа», хотя секретные протоколы упоминаются. Нет и слова «Катынь», хотя и говорится о расстреле представителей «жандармерии и полиции» – совсем как в известном документе с резолюцией Сталина. Конвенциональное число уничтоженных поляков – 22000, с этим вроде никто не спорил в последнее время, но в учебнике появляется цифра 19000. Откуда что берется...

Особенно неблагодарными оказались финны. Сталин предлагал им вдвое большую территорию в обмен на стратегически важные клочки земли. Не захотели по-хорошему – получилось по-плохому: «<...> стратегическая цель, поставленная руководством страны, была достигнута – Финляндия <...> была вынуждена <...> пойти на обмен территориями, предлагавшийся ранее советской стороной». Что уж говорить о прибалтийских странах, которые были настроены «прогермански», за что и получили «присоединение» (слово «аннексия» не употребляется, слишком много аллюзий).

Словом, железная логика Сталина оправдывается, хотя и как-то очень аккуратно. А вот о катастрофе июня 1941 г. сказано скороговоркой – примерно с такой скоростью сейчас проборматывают судьи приговоры в российских судах. Даже из подцензурных дневников и романов Константина Симонова можно было в годы советской власти узнать больше о причинах и следствиях неготовности к войне.

В «Литературе» С. Зинина и В. Чалмаева есть эвфемизмы и умолчания, но нет имитации холодной беспристрастности:

175

сти: это глубоко личный взгляд на литературный процесс XX в., предъявленный миру с позиций русского почвенничества. С первых строк второй части учебника, начинающейся с 1930-х, юный читатель вступает в стилистический мир газеты «Завтра»: «Это десятилетие, полное сурового самоограничения, трудового энтузиазма, лирического напряжения <...> грандиозный рывок страны от сохи и лаптей <...>» Описание эпохи пронизано оптимистическими строками из Василия Лебедева-Кумача, но его соавтор Исаак Дунаевский нарочито не упоминается. И едва ли кто-то из детей узнает, где оказался в результате нащупывания пульса эпохи Лебедев-Кумач: после того как он швырялся на вокзале перед эвакуацией писателей в октябре 1941 г. собственными орденами в портрет Сталина, его удалось чудом спасти, запрятав в психушку.

Осип Мандельштам затерялся где-то в маленькой подгравке, где он хоть и еврей, но «крупный поэт». Шолохову посвящена самая большая глава. Отдельных глав удостоены Валентин Распутин и Виктор Астафьев. А вот Юрию Трифонову выделены... три страницы в разделе «Городская проза», где его соединяют с В. Крупиным. Методом соединения решена и проблема Исаака Бабеля – он здесь через запятую с Дмитрием Фурмановым и Александром Фадеевым («тема Родины и революции»). Есть глава об Иосифе Бродском, родившемся «в семье фотографа», причем на удивление комплиментарная. Впрочем, в учебнике он предстает глубоко русским национал-патриотом, а лирика его, оказывается, необычайно схожа с поэзией Николая Рубцова, которому тоже посвящен целый раздел – тем самым Рубцов приравнен к Борису Пастернаку. Есть глава и об Александре Твардовском – и ни одного упоминания «Нового мира»! И это логично, если учесть, что посо-

бие 2017 г. написано с позиций «Нашего современника», «Молодой гвардии» и «Огонька» конца 1960-х.

Обложку части второй учебника украшают две знаковые иллюстрации: одна – к Шолохову, а вторая – аверс медали «За Победу над Германией» с профилем сами понимаете кого.

Выслушав мое пламенное устное изложение рецензии на учебник, мой сын Вася, обучающийся на физмат-отделении, успокоил распалившегося отца: «Мы его все равно даже не откроем». Сочинения по классической русской литературе он писал в предыдущих классах, как и несколько поколений моей семьи, на основе учебника Д. Н. Овсяннико-Куликовского 1909 года издания. А все остальное – от Бабеля и Олеси (в оглавлении и тексте учебника я его, кстати, не нашел, возможно, плохо искал) до Гроссмана и Трифонова – он уже и так прочитал.

У вас – свои учебники. У нас – свои.

ДВОЙНАЯ СПЛОШНАЯ ГЕНЕРАЛЬНАЯ

Казалось бы, что в них общего? Православный радикал, внешне похожий на юридического и выполнявший соответствующую внешнему облику важную функцию борьбы всех здоровых сил против «Матильды», у которого внезапно (!) обнаружилась судимость за убийство с отягчающими обстоятельствами, разбой и подделку документов. И «прошедший путь» бывший комсомольский и партийный вождь, добравшийся до самых вершин власти в своем регионе, начинавший с советских орденов и закончивший наградами РПЦ, устроивший в соответствии с логикой новых времен своих сыновей на самые хлебные из хлебных мест — прямо как самые большие федерально-чекистские начальники, — получивший пост в другом регионе, вероятно, за чрезмерную эффективность менеджмента. Александр Калинин и Николай Меркушкин.

Общее в том, что оба, повторяя правильным образом драконьи извивы генеральной политической и идеологической линии, идя по стезе, обозначенной еще графом Уваровым — «православие, самодержавие, народность», а затем установленной совсем не графами — «Ленин, партия, комсомол», «Путин — это Россия, Россия — это Путин, плану Даллеса — нет!», перегнули палку. И в соответствии с принципом «от каждого по способностям — каждому по труду» получили кто арест, а кто новое высокое назначение в жанре издательского политического цирка. Спецпредставитель президента по взаимодействию со Всемирным конгрессом финно-угорских народов — это сильная рокировка. И, как любое кадровое решение, меседж всем остальным. Вот можно закончить свою карьеру и так — если плохо себя вести. Например, говорить населению подведомственного региона, что за зарплатой они могут обращаться к послу США. Нет, конечно, посол США устроил майдан, кто ж спо-

178 **ПРОРЫВ В НИКУДА**

рит, но зарплата простых российских труженников должна быть изыскана губернатором, а не послом.

Помнится, в романе Альберто Моравиа «Конформист», по мотивам которого Бернардо Бертолуччи снял знаменитый фильм, отец главного героя, попавший в психушку, вообразил себя министром по делам Венгрии в правительстве Муссолини. Должность вполне схожая с новым назначением слишком разговорчивого губернатора. Старался в рамках генеральной линии, но ее границы перешел — подвижная у нас не только двойная сплошная, но и генеральная.

Так и Калинин: все делал правильно в рамках другого ответвления генеральной линии — слияния светского государства с ее отделом по идеологическому окормлению вечно оскорбленной паствы. Но чуток перестарался. И за избыточное рвение был наказан. Сгорел на работе за «Матильду».

Что является шевелящейся, как неверная тень листьев, движимой осенним ветром, генеральной линией, а что не является — решается ежеминутно. И угадывать придется всем слугам режима — после 2018-го все чаще и чаще. Причем в какой логике происходит приход правоохранительных органов с краплеными купюрами, в какой показывают публично интерьеры с коробками из-под обуви в долларами, а в какой назначают спецпредставителями по важнейшим и неотложным делам — не дано предугадать никому.

Главное — не перегибать палку и не проявлять избыточного рвения. Как выяснилось, и это тоже наказуемо.

179

БУРАТИНО В СТРАНЕ НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Тотальная мракобесизация государства вперемешку с абсурдизацией (если угодно, матильдинизацией) актов прямого действия и публичного дискурса превратилась в неостановимый процесс.

Это же в чистом виде Гашек, сдобренный Ионеско, Беккетом и ранним Стоппардом. Вот, например, вызов на допрос в полицию человека, который разместил в интернете фрагмент из «Незнайки на Луне» Николая Носова с довольно точным описанием функционала полиции времен позднего военно-бюрократического православного госкапитализма: «Обязанность полицейских – защищать население от грабителей, в действительности же они защищают лишь богатей. А богачи-то и есть самые настоящие грабители».

В нашей стране уже изымали из библиотек книги (в том числе русскую классику), изданные нежелательным Фондом Сороса. Почему бы не изъять из обращения «Незнайку»? А заодно «Золотой ключик» Алексея Толстого. Он же порочит и разжигает. Лиса Алиса как честный гражданин пришла в полицейский участок наступать на Буратино, который «грозит всем богатеньким и почтенньким гражданам». И тогда сучковатым продуктом кустарного производства папы Карло занялись два добермана-пинчера из полиции, «которые никогда не спали, никому не верили и даже самих себя подозревали в преступных намерениях».

Сенаторам, особенно из – внимание! – рабочей группы по мониторингу внешней деятельности, направленной на вмешательство во внутренние дела РФ, при Временной комиссии по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела РФ, возможно, стоило бы начать поиски иностранных агентов

с себя. И, не побоюсь этого слова, на себе, т.е. изучить бирки и лейблы на своих костюмах цвета электрик, рубашках, галстуках, нижнем белье, часах. Как шутили во времена исторического материализма, «вижу в зарослях овса «Мада́ ин УСА».

Инициативы сенатора Андрея Климова, возглавляющего вышперечисленную (иначе не скажешь, название напоминает перечисление титулов и орденов с бантиками и без бантиков князя Вахвари из бессмертного фильма Данелии «Не горюй!») комиссию Совета Федерации по защите госсuverенитета, пожалуй, гвоздь программы передвижного цирка российской власти. Давеча он предложил «предусмотреть возможность введения особого характера отношений» со странами, которые вмешиваются в дела России. Но так и без того у нас со всем миром – за вычетом ряда государств-изгоев, непризнанных государств и островов в Тихом океане – «особые отношения». Даже Казахстан уже не тот – через него, утверждает Климов, заходились иностранные деньги на нынешние выборы губернаторов (в результате чего победили все кандидаты Кремля – логично). Еще он вместе со своей комиссией собирается ввести категорию нежелательных людей. Пока – иностранцев.

Но я бы посоветовал нашим законодателям и блюстителям бюджетов, в том числе мироточащих, продолжая традиции русской литературы («лишние люди»), подумать о «нежелательных людях» из числа граждан России – процентов 15 точно наберется. И тогда, наконец, больше никому будет вмешиваться в дела членов парламента, чиновников, полицейских, всех богатеньких и почтенных граждан.

181

ВСАДНИК БЕЗ КОЧАНА

Что на самом деле хотел спросить у Владимира Путина эстонский профессор права Рейн Мюллерсон в ходе финальной сессии Валдайского клуба, так никто толком и не понял, включая самого президента России (впрочем, большинство иностранных участников форума в основном многословно заверяли главу российского государства в своем совершеннейшем почтении, не более того), зато он дал повод для злой шутки. В интерпретации профессора экс-министр иностранных дел России Андрей Козырев говорил экс-президенту США Ричарду Никсону, что у России нет национальных интересов, а есть только общечеловеческие. На что Никсон, опять-таки в изложении Мюллерсона, лишь покачал головой. Путин отреагировал быстро, заметив, что это говорит о наличии у Никсона головы, а у Козырева – только «черепной коробки».

Надо сказать, что в подзатынувшийся период Уотергейта американский народ в большинстве своем, напротив, считал, что у Никсона есть проблемы. И именно с головой. Была, в частности, такая шутка известного в 1960-е и 1970-е гг. сценариста Джеральда Гарднера: «У Никсона волнистые волосы?» – «Нет, волосы у него прямые. У него голова волнистая».

Надо отдать должное Козыреву – он ответил вполне внятно: «Национальные интересы России, как и других демократий, в принципе, согласуются с общечеловеческими». Правда и в том, что такой логики придерживались российские власти, и в том числе МИД, как раз в те годы, когда Козырев был министром: Россия ни с кем не воевала на внешних рубежах (была внутренняя чеченская кампания, но как раз это нынешний режим не смущает), ее граждане не гибли в далеких пустынях, никто не чувствовал себя вечно униженным

182 ПРОРЫВ В НИКУДА

и все время чем-то оскорбленным. 1990-е не выглядят такими уж «лихими» и уж тем более безголовыми по сравнению с 10-ми гг. XXI в., когда вся Россия то в поход собирается, то осажденную крепость строит в виде блокчейна. И почему архаизация нравов и вера во всемогущество ФСБ и РПЦ считается признаком наличия головы, а не фрустрированное вымышленными угрозами, маниями, в том числе величия, и фобиями сознание признаком ее отсутствия?

Языку первого лица охотно подражают управленцы всех уровней – так дети имитируют взрослых. Нарочитая жесткость компенсирует отсутствие желания вести с кем-либо диалог, тем более в ситуации, когда аргументы заменяются мифологемами. Телеведущие теперь, наверное, берут уроки боев без правил, у них чешутся уже не языки, а руки, и это естественная эволюция – точнее, инволюция. Политики пока еще не сразу дают в глаз (по голове) журналистам, зато могут на вполне содержательный вопрос, касающийся интересов базовой социальной группы поддержки Путина, ответить, как губернатор-«технократ» Антон Алиханов: «По кочану».

Что, вообще говоря, правда. Почему сегодняшняя Россия находится в стадии экономической депрессии, институциональной деградации и ментальной архаизации? По кочану.

Вполне материалистическое марксистское объяснение: бытие определяет сознание. А сознание у нас где? В кочане.

И никакой диалог уже не нужен. Достаточно монолога, в котором угадывается едва сдерживаемое негодование, на фоне красноречивого античного хора «одобряющих деятельность».

МУМИЯ И ТРОЛЛИ

В связи со столетним юбилеем революции до такой степени не о чем поговорить и нечем ее отмечать, что вся «историческая» дискуссия свелась к спору о том, надо ли захоронить тело Ленина. Единым фронтом «за» выступили, например, Ксения Собчак, Екатерина Гордон, Наталья Поклонская, Рамзан Кадыров. Это совершенно безболезненная тема, удобная для привлечения к себе внимания, имитации праведного гнева и троллинга политика, который отчасти для того и существует на квазиполитическом поле сегодняшних квазидискуссий, — Геннадия Зюганова. Никому ничего за эту дискуссию не будет, никто никакой мумию ниоткуда тоже выносить не станет — Владимиру Путину совершенно не нужна даже минимальная и локальная социальная напряженность по пустому поводу, а мавзолей как был памятником постсоветскому ментальному постмодернизму, так и останется. Прикольный арт-объект, но под строгой государственной охраной — это очень в духе «госкапитализма друзей», находящегося в постоянном поиске идентичности и скреп в виде серпа, молота и хоругви. А Ленин — он уже пережил и каток на Красной площади, и концерт сэра Пола, и фестиваль «Спасская башня» — ему уже ничего не страшно.

Ленин превратился в сравнительно нейтральную фигуру русской истории. Как и революция, отношение к которой несколько двойственное ввиду ее дистанционности от сегодняшнего дня, Ленин не объединяет и не раскалывает. Разделительные линии как проходили в обществе по Сталину и сталинизму, так и проходят. Две волны десталинизации — хрущевской и горбачевской — проходили с интенсивным использованием фигуры вождя революции и максимально простой дихотомии: Ленин — хороший, Сталин — плохой, Ленин основал, Сталин искажал. Чтобы

184 ПРОРЫВ В НИКУДА

снова начать жить хорошо, надо вернуться к истокам, т. е. к Ленину. Сейчас мумию даже и в этом качестве использовать невозможно.

Зюганов прав в том, что беседы о Ленине — 2017 действительно «болтовня». Но болтовня несколько в ином смысле. Никто не собирается, по Кадырову, скорбеть по жертвам системы, которую Ленин основал, не говоря уже о том, что нынешний российский политический гибрид охотно наследует мифологии «эффективности» сталинского режима, прямого и неизбежного порождения октябрьского переворота. Да и идея перезахоронения вовсе не охватила широкие массы. Например, число сторонников захоронения тела на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге за 20 лет снизилось на 11 пунктов — с 37% в 1997 г. до 26% в 2017 г. (данные «Левада-центра»). Зато увеличилось за тот же период число сторонников захоронения Ленина у Кремлевской стены — с 13 до 32%. Поближе к праху Сталина, саркофаг с гробом которого в 1961 г. убрали подальше от Ильича за, как говорилось в постановлении XXII съезда КПСС, «серьезные нарушения ленинских заветов».

Гораздо более существенная символично-историческая проблема — это в целом некрополь у Кремлевской стены: управление страной по сути осуществляется с кладбища и испытывает, как говорилось в одном из анекдотов 1920 гг., «пара-Ильич». Уж если избавляться от неуспокоенных духов отечественной истории, похороненных в чрезмерной близости к своим рабочим местам, так сразу ото всех — от Свердлова до Черненко.

СКРЕПОНОСНЫЙ КОНЕЦ СВЕТА

Ну все, доигрались – конец света. Теперь уже Армагеддон предсказывают не только Матрона Московская и нумеролог Мид, согласно концепции которого десятая планета Нибуру уничтожит все живое за семь лет, а также автор теории иерархических катастроф товарищ Беляев. Погрязшие в либеральных ценностях греховодники породили в патриархе Кирилле ощущение «бездны окончания истории». Прямо как в старом еврейском анекдоте: «Верите ли вы в конец света?» – «Верить не верю, но наблюдаю».

История уже заканчивалась один раз. Ее конец провозгласил Фрэнсис Фукуяма сначала в журнальной статье «Конец истории» в 1989 г., а затем в одноименной книге. И совершенно не следует корить профессора за избыточный оптимизм. Тогда история и в самом деле закончилась – вместе с падением коммунизма. Как говорится, ничто не предвещало. Никогда такого не было, и вот опять: история взяла и началась снова – запрещенные в России организации, мигранты, беженцы, «арабские весны», киевские майданы и прочие заговоры госдепа.

Но, судя по всему, первое лицо РПЦ не только об этом. Пока светская часть власти с ног сбилась в поисках под инновационным фонарем образа желаемого для России будущего, власть церковная начала думать в противоположном направлении, ссылаясь на Иоанна Богослова. Ряд признаков «классического» конца света и в самом деле имеется. Например, «сильный зной от солнца». Но пока светская власть не закрыла границы, в принципе, можно прятаться от этого элемента апокалипсиса в странах, находящихся на берегу Балтийского моря и под защитой усиленного контингента НАТО. Ну или мотнуться на выходные «Сапсаном»

в Питер либо на байдарках в Карелию (на Валаам нельзя – туда теперь «нежелательных людей» не пускают).

Пока одни раскачивают галерею с целым рядом рабов на ней, другие, по мнению патриарха, «раскачивают лодку человеческих страстей», с тем чтобы увеличить инвестиционную привлекательность и мягкую силу греха. В частности, заняты этим театр и кинематограф. Раньше было проще: забрал Мейерхольда в подвалы компетентных органов, дал ему по пятам резиновым жгутом – и нет греховодного театра. Теперь достаточно ареста режиссера: внешне – за финансовые нарушения, а по сути – за грех. Точнее, недостаточно. Потому что не перевелись еще на Руси, как говорил Хрущев, «абстракционисты и п...», есть еще кому нашу лодку покачать.

В этот, по словам Кирилла, «критический период развития человеческой цивилизации» надо сплотиться здоровыми силами. Ну, во-первых, критических периодов было не меньше, а гораздо больше до сегодняшнего конца истории 2.0. Достаточно вспомнить геноциды, холокост, Первую мировую, Вторую мировую, Карибский кризис 1962 г., гонку вооружений и проч. На фоне газовых камер и заповедных лагерей шалости сегодняшних греховодников как-то меркнут. И можно еще поспорить, что именно символизирует конец света – телячий вагон на север или права меньшинств. Боюсь, что ближе к Армагеддону первый образец.

И во-вторых, когда «здоровые силы», скованные любого типа высоконравственными скрепами, объединяются, это почему-то всегда заканчивается коммунизмом, фашизмом и прочими тоталитарными режимами. То есть настоящим концом света.

187

ЖИЗНЬ КАК ОПЫТ СОПРОТИВЛЕНИЯ: ПАМЯТИ АРСЕНИЯ РОГИНСКОГО

Утром 18 декабря 2017 года скончался Арсений Борисович Рогинский – политзек, правозащитник, историк, филолог, ученик Юрия Лотмана, главный хранитель памяти о жертвах сталинских репрессий, глава «Мемориала» – «иностранный агент». Ему был всего 71 год. Он вышел из выдающегося поколения. Но даже в нем сложно найти человека, соразмерного Арсению Борисовичу по масштабу и обаянию.

Года полтора назад на одной из конференций он сказал со знанием дела: «У эзекв есть поговорка, она звучит так: «А что менты о нас говорят, так это нам по...» Однако лагерь – это ограниченное число людей. А когда о вас на всю страну говорят, что вы иностранный агент, т.е. шпион, – это чудовищное унижение». Весь опыт жизни Рогинского, родившегося в Вельске Архангельской области, месте ссылки его отца, – это опыт сопротивления несправедливости. Ему было предложено покинуть страну, он отказался – и сел на четыре года, отрубив весь срок полностью и выйдя на свободу прямо к началу перестройки. Рогинский прославился своим последним словом на суде – «Положение историка в Советском Союзе», – в котором речь шла в том числе об исторических архивах. Потом Рогинскому придется заниматься архивами дел, заведенных на миллионы советских людей.

Арсений Борисович нашел дело моего репрессированного деда – он страшно заинтересовался его историей, и мы провели много времени, выясняя в том числе обстоятельства смерти в 1946 г. в Устьвымлаге скромного советского архитектора – в том же лагере, где спустя годы будет сидеть сам Рогинский. Технологию описывать не стану, но номер архивного дела мы благодаря Арсению Борисовичу знали заранее, еще до запроса в соответствующий архив. Именно

188 **ПРОРЫВ В НИКУДА**

так — упреждая оппонента ли, противника ли на несколько шагов — Рогинский боролся с государством и, когда надо, работал с ним. «Не верь, не бойся, не проси» — но при этом Арсений Борисович был одним из двигателей процесса установки «Стены скорби». Если государство согласно — так пусть сделает хотя бы часть доброго дела.

Он знал цену и сталинскому государству, и послесталинскому, и ельцинскому, и нынешнему. «Вы что думаете, — говорил Рогинский, — архивы вот так вот и открылись во времена Ельцина? Ничего подобного». Он принадлежал к той категории людей, которым, по его собственным словам, власть всегда «или что-нибудь приписывала, или что-нибудь прощала». Причем после короткого перерыва вернулась к этой практике сегодня. И Рогинскому пришлось продолжить сопротивление. Жизнь сделала круг. Выходя во дворик «Мемориала» с пачкой «Парламент найт блю», он рассуждал о том, как защитить свою организацию. Если называть вещи своими именами — как спасти память о репрессированных государством. Кстати, диссидентские сборники, за которые сел историк Рогинский, так и назывались: «Память». Государство, неистово сражающееся до сих пор за тотальную историческую амнезию и доведение истории до плаката и комикса, было и осталось врагом Арсения Борисовича, который эту память тихо, покуривая и иронизируя, но с железной последовательностью восстанавливал. По крупицам — размером с человеческую жизнь.

В некотором смысле Рогинский был сторонником «невидимой руки рынка». В том смысле, что понимал ошеломляюще гигантскую роль Сталина — человека, мифа, бренда — в прошлом и настоящем нашей страны. «Уберите Сталина из нашей жизни, тогда воровство и бардак исчезнут сами

собой». Скажете – упрощение. А может быть, попробовать еще раз – после Хрущева и Горбачева, – но на этот раз по-настоящему, и посмотрим, что получится?

Рогинский был из тех, кто ощущал себя свободным в любых обстоятельствах. Советская власть считала Арсения Рогинского антисоветчиком, а он просто был внесоветским человеком, патриотом истерзанной страны, защитником ее частной памяти от монопольного «права» государства на насильственное забвение преступлений и жестокости.

Даже в том, что Арсений Борисович до последнего курил как паровоз, а чтобы заснуть, пил кофе на ночь, можно было усмотреть принципиальное сохранение внутренней свободы. В 1980-е гг. в камере-одиночке от соседей-зеков он получил через дырку в стене пачку «Примы», спички и чифир. Куда уж этому государству запретить Рогинскому курить...

Где-то месяца полтора назад мы поговорили с Арсением Борисовичем по телефону из квартиры его близких друзей Лены Немировской и Юрия Сенокосова. Голос его, несмотря на почти год тяжелой болезни, был таким же – с бархатной хрипотцой, размышления, как всегда, одновременно ироничными и серьезными. Вполне серьезно он мне сказал, что скоро мы встретимся в Москве. Точно так же Арсений Борисович успокоил друзей в своем последнем слове на суде в 1981 г.: «Пожалуйста, не волнуйтесь за меня. Скоро мы сможем писать друг другу письма. И вообще, время быстро летит...»

Не то слово, дорогой Арсений Борисович, очень быстро.

КАНДИДАТ ПЕЧАЛЬНОГО ОБРАЗА

Рано или поздно это, конечно, должно было произойти. Выборы должны были превратиться в фельетон для довоенного «Гудка», жизнь просто вынуждена была начать подло подражать художественному вымыслу, а Ильф и Петров – обязаны умереть от зависти. Символ этих президентских выборов – кандидат Тристан Присягин. Если бы его не было – его следовало бы выдумать.

Как известно из средневекового рыцарского романа «Тристан и Изольда» о неравной борьбе долга и чувства, кельтский Тристан был «дитя печали». Тристан не кельтский возглавляет организацию «Дети СССР», в сущности – это дети величайшей геополитической печали XX в. Фамилия же кандидата прямо намекает на президентскую присягу. Все сошлось.

Не могу только согласиться с Эллой Памфиловой, назвавшей Присягина Т. А. кандидатом «с чужинкой». Если он «с чужинкой», то тогда весь политический класс Российской Федерации с нею же, ибо Тристан Александрович грезит о восстановлении СССР, Госплана, Госбанка, Советов депутатов трудящихся, а также устава КПСС образца 1952 г. Пока он грезит, ровно эту программу огосударствления всего живого и возвращения к гораздо более архаическим уставам как нормам жизни реализует на практике кандидат Путин. Скоро мы по «Русской правде» будем жить.

Больше того, половина этого самого политического класса – академики, доценты с кандидатами. Взять того же министра культуры. И чем хуже других Присягин Т. А., который является академиком Всемирной академии наук комплексной безопасности? Я ознакомился с программой Тристана Александровича – она ничем не хуже, а даже где-то трезвее

(и короче) того, что доводится читать в интервью, например, директора ФСБ Бортникова и секретаря Совета безопасности Патрушева. Например: «Если мы вернем советскую власть трудовому народу, то получим поддержку трудящихся всего мира, и тогда легче будет отстаивать мир во всем мире». Логично. И между прочим, он плоть от плоти того народа, к которому постоянно апеллирует безальтернативное первое лицо: прораб на БАМе, строитель на восстановлении Ленинка — это, вообще говоря, не шутки.

Так у кого «чудинка» — то?

Жириновский, ворвавшийся в самую большую политику под аккомпанемент точного определения Юрия Карякина «Россия, ты одурела», у нас уже четверть века как держит второе-третье место в рейтингах, а теперь и вовсе закрепился на втором. Никто почему-то не говорит о том, что он «с чудинкой». Почему? Потому что циник. Жесткий, прагматичный, холодный. С кардиограммой политического стайера. Опередивший Трампа на два с гаком десятилетия. У циников и актеров «чудинки» не бывает.

Собчак с Грудининым, под сочувственными взглядами администрации президента и федеральных каналов с двух сторон пытающиеся приподнять штангу явки избирателей, конечно же, без «чудинки». Один предлагает все национализировать к чертовой матери, что, впрочем, под ярлыком «приватизации» и без него делают особо одаренные олигархи новой волны. Другая все отдаст и отдает голоса Навальному и зовет его к себе служить на посылках.

Главный кандидат, путающий реальные располагаемые доходы населения с реальными зарплатами, стимулирует

193

рождаемость в бедных слоях, выводит войска оттуда, куда ввел, и уже 18 лет говорит о пользе диверсификации экономики. А экономика за все эти почти два десятилетия так и не диверсифицировалась. Нет ли в этом чего-то странного?

Кстати, кандидат печального образа в своей программе доводит до логического конца политику контрсанкций и импортозамещения: «Развивая экономику в такой самодостаточной стране, как Российская Федерация, необходимость во внешних поставках отпадет почти во всем естественным образом» (грамматическая конструкция сохранена). Это ли не идеал чекистской экономической политики?

Появление Тристана Александровича Присягина подчеркивает лишний раз абсурдность того, что представляется серьезным, пафосным, исполненным чувства гордости за химерическое величие. Да, это пародия. Но пародия, оказывается, ничем не отличается от оригинала, изготовленного со звериной серьезностью и из высших государственных интересов. Реальность сегодняшней России нуждается в скоморохе, трикстере, шуте. Для того лишь, чтобы акты государственной важности с их наспуленными бровями вдруг обернулись раскрашенной лукавой физиономией арлекина.

Алле, оп! Выборы, почтеннейшая публика! Печальная легенда о Тристане без Изольды.

195

НАВСТРЕЧУ ВЫБОРАМ 2018 МАРТОВЯ

Ход кампании Владимира Путина приобретает несколько истерический характер — до такой степени явно власти демонстрируют свое стремление любой ценой увеличить явку. Использование детского агитационного труда с констатациями «России нужен Путин» и эксплуатация родительского конформизма методом обустройства 18 марта «общегородского голосования родителей» — признак преждевременной фрустрации, как если бы речь шла о неизбежном поражении единственно верного кандидата или о том, что явка может оказаться ниже низшего предела.

Сначала выпустили Павла Грудина для оживления пейзажа и интереса к монохромной картинке выборов, потом вдруг стали его же активно тушить политтехнологическими методами: испугались земляничной революции. То есть стали опасаться повторения истории с Алексеем Навальным, допущенным к выборам мэра Москвы в сентябре 2013 г. и набравшим в несколько раз больше голосов, чем ожидалось.

А вот для консервативно — во всех смыслах — настроенного избирателя существует убаюкивающая газета «Социалистическая индустрия» образца 1975 г., т. е. сайт кандидата Путина putin2018. Это стерильный статичный сайт, напоминающий одновременно презентационный портал компании, предоставляющей консалтинговые услуги широкого профиля, и «Алису в Стране Чудес». В том смысле, что здесь снижается то, что должно уменьшиться, — т. е. все плохое, и увеличивается все, что должно вырасти, — т. е. все хорошее.

Избирателю от лица кандидата Путина говорят: «Выпей меня!» — и все уменьшится, «Съешь меня!» — и все увеличится.

196 ПРОРЫВ В НИКУДА

Застенчивая недоговоренность формул настолько лукавая, что кажется, будто сами буквы и цифры краснеют от смущения за свои маленькие стыдливые хитрости: «Качественно улучшилась оснащенность медицинских учреждений» — при этом даются цифры за 2011–2013 гг.; «За 15 лет производство самолетов выросло в 10 раз» — при этом, например, предлагается считать колоссальным успехом увеличение доли производства российских самолетов на мировом рынке с 1,3% в 2014 г. до 2,3% в 2016-м. Это разве много? А нет ли случайно данных за 2017 год? А с 2000 по 2014 г. у нас президентом состоял мистер Икс, который был крайне неудачлив в развитии производства «стальных рук — крыльев», или все-таки все тот же Путин? «В 2014 г. страна впервые с 1991 г. вышла на естественный прирост населения». Ребята, при чем здесь Путин — никто вам про демографическую «елку» не рассказывал, т. е. в том числе и о неизбежном прекращении этого процесса? И что у нас с данными хотя бы за 2014–2015–2016 гг.?

Будущее не менее прекрасно. «400 комплексных проектов по благоустройству городов будут осуществлены к 2020 г.». Ага, если насильственное осчастливливание горожан пойдет по собянскому пути, жди масштабных социальных проектов как раз во всех 400 точках. «Криптовалюты в России будут защищены законом». Вот это новость — майнерам будет где разгуляться! Но, оказывается, речь идет лишь о хорошо известной уклончивой фразе президента о потенциальной необходимости законодательного регулирования рынка криптовалют, к которому он сам относится с высокой степенью недоверия.

Цифры приблизительные. Оценки ошибочные. Это сайт президента или творчество стажеров, которым было пору-

чено найти позитивные цифры, деликатно выражаясь, вырванные из контекста?

На официальном сайте кандидата есть крайне неубедительное прошлое, свидетельствующее о том, что 18 лет он почти ничего не делал, и совершенно прожектерское будущее, которое на финансовом языке называется «необеспеченным мандатом». Настоящего же – т. е. оценки, пусть даже не до конца честной, текущего положения дел и способов решения хотя бы сколько-нибудь реальных проблем – нет вообще.

Страна без настоящего. Кандидат без программы. Голосуй, как следует из билбордов, которыми увешана вся Москва, «2018 марта» и гоняй на поезде «Россия устремленная в будущее» без запятой после слова «Россия», причем по кольцевой линии метрополитена, в девичестве имени Кагановича, во втором браке – имени Ленина.

В общем, выборы действительно превращаются в безумное чаепитие из «Алисы» – с мартовским, что характерно, зайцем и часами, которые показывают число, а не час: надцатое мартабря.

ИЗВРАЩЕНИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ ОЛИГАРХОВ

«Дорогой Иосиф Виссарионович, я получил открытку от писателя Ивана Алексеевича Бунина, из неоккупированной Франции. Он пишет, что положение его ужасно, он голодает и просит помощи... Дорогой Иосиф Виссарионович, обращаюсь к Вам с важным вопросом, волнующим многих советских писателей, — мог бы я ответить Бунину на его открытку, подав ему надежду на то, что возможно его возвращение на Родину?»

Это из письма Алексея Толстого, который сам вернулся на родину в 1923 г. и стал успешным «красным графом», Сталину от 17 июня 1941 г. А после войны агитировать невооруженцев за Советскую власть ездил Константин Симонов — встречался с Иваном Буниным, ходили слухи, что ставилась задача и по шахматисту Александру Алехину. Существует красивая легенда: Валентина Серова, как только Симонов куда-нибудь отлучался, шептала Бунину: «Ни в коем случае не соглашайтесь».

Сейчас, чтобы распропагандировать эмигрантов — бизнесменов ли, деятелей ли искусств — не нужно очарование адресата стихотворения «Жди меня...». Тем более что, скорее всего, эпизод выдуман. В роли Серовой с последней прямой выступает пресс-секретарь президента Дмитрий Песков: вернуться, конечно, можно, даже президенту на стол положат список желающих вернуться Буниных от бизнеса, но решает отнюдь не глава государства, а правоохранительные органы.

И это чистая правда. Ведь даже если президент публично заявит о возможности возвращения, никто не гарантирует от возникновения, как сформулировал Песков, «вопросов к этим гражданам». А потом глава государства развевет

руками – следствие и суд у нас независимые, претензии не политического, а финансово-уголовного характера.

В этом смысле Борис Титов в роли Константина Симонова или Алексея Толстого – несколько комичная, точнее, трагикомичная фигура. Уговорить прагматичный бизнес невозможно: все знают, что российская власть – она ведь на самом деле не вертикаль, а блокчейн – распределенная. Все структуры – «независимые», слова президента пропускают мимо ушей или ждут, когда он второй раз нажмет на enter. А если не нажмет – можно действовать «в соответствии с законом».

Возможно, конечно, что базовой целью Титова было подготовить социальную базу для голосования за него самого заграничной российской аудитории – внутри России найти электорат «Партии роста» можно только с помощью статистической погрешности. Собственно, на этой неделе и Ксения Собчак отправилась в США, в четверг у нее широко анонсированная встреча в Харримановском институте Колумбийского университета (бывший Русский институт). Путину же, наверное, достаточно и внутрироссийских русских голосов, хотя среди наших соотечественников за рубежом не меньше Putinverstehers, «путинопонимателей», чем в непосредственной близости от родных осин и куста ракиты над рекой.

В принципе же символическим результатом работы с зарубежной русской аудиторией стала информация о том, что Роман Абрамович подавал заявку на вид на жительство в Швейцарии, потом ее же и отозвал. Воздух свободы, в отличие от профессора Плейшнера, не вскружил голову Абрамовича – какие-то новые резоны появились. Ну, у самых богатых по сравнению с мини-олигархами

все-таки есть возможности для маневрирования. В духе Анны Адамовны из «Покровских ворот»: «Я вся такая угловатая, противоречивая вся такая». А для других возвращение на родину под гарантии Бизнес-омбудсмена – это в чистом виде русская рулетка: крутанул барабан револьвера, поднес его к виску, а там уж как судьба распорядится. Жестче всех на эту тему высказался Евгений Чичваркин, человек, свободный от иллюзий по поводу очередного витка авторитарной модернизации – витка вокруг своей оси с попутным ухудшением положения частного бизнеса: мол, пока у власти Путин, на родину вернусь только в гробу.

И не только бизнеса: ряды потенциальных невозвращенцев пополняются все новыми лицами, причем представлены все сектора. Балтийские страны и округ Колумбия полнятся политэмигрантами, в Берлине проходу нет от деятелей НКО с активной жизненной позицией, за что их, собственно, и ждут с «вопросами» на родине силовики, науку тоже поприветствовали – во всяком случае, Сергей Гуриев рискнул появиться в Москве только после того, как занял высокий пост в ЕБРР. А также в области балета... После дела Серебренникова стало очевидным, что и «вакансия поэта» – «опасна, если не пуста».

«В 1937 г. – писал Толстой Сталину, – я встретил его [Бунина] в Париже. Он тогда же говорил, что его искусство здесь никому не нужно, его не читают, его книги расходятся в десятках экземпляров». Ну, зато сохранил жизнь. Как-то символично звучала фраза о встрече именно в 1937-м... Собственно, когда в 1946-м Симонов, встретившись с Буниным, вернулся из-за границы, началась история с Зощенко и Ахматовой. Если и были у Бунина сомнения, то после постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» они точно отпали.

С КОЛЕН НА ДЫБЫ

Рамзан Кадыров, несколько забегаая вперед, пожелал Владимиру Путину, чтобы он пожизненно управлял российским государством. «Солдат Путина» предложил очень точную формулу описания функционала национального лидера: «Не сверхчеловек, но супергерой». Точно так же интерпретировался в советское время образ Ленина: он такой «земной», но в то же время, как Чип и Дейл, всегда спешит на помощь, и не без успеха: «Разрубил березу на поленья/Он одним движением руки./Мужики спросили: «Кто ты?» – /«Ленин». И остолбенели мужики».

Смысл выборов – 2018 вовсе не в 2018 году, а в 2024-м. Начнется ли транзит? Уйдет ли Путин или подается в аяллы вся Русь? А если уйдет, то кто его заменит и обеспечит ему спокойную старость? Каков коэффициент дожития системы Путина после потенциального ухода Путина?

Все это крайне важно, хотя задаваться этими вопросами сегодня все равно что спрашивать пустоту: «Есть ли жизнь на Марсе?» Ну, или на Марксе...

Владимир Путин был не вечен еще в 2013 г., когда рейтинг его мерцал и опадал по траектории осеннего листа, когда всего 26% хотели бы видеть его следующим президентом, 24% поддерживали лозунг «Россия без Путина», 62% характеризовали власть как воровскую, мафиозную, действующую в собственных интересах (здесь и далее данные «Левада-центра»). Но в 2014 г. Путин стал «президентом Крыма», и с тех пор рейтинг одобрения его деятельности, пережив вертикальный взлет, который и не снился отечественному вертолестроению, стоит как скала под «Ласточкиным гнездом». То есть его имидж и показатели соответствуют статусу пожизненного лидера.

Его роль в жизни России велика, рядом стоят только ФСБ, Вооруженные силы, администрация президента и Русская православная церковь. Так что теперь у России даже больше союзников, чем в те времена, когда ими были только армия и флот.

Путин, как считали респонденты в 2017 г., «умный и дальновидный» (57% респондентов), способен вывести Россию «в число самых развитых стран» (37%), и хотя пока, за 18 лет, ему этого сделать не удалось, зато Россия уж точно «великая держава» (72% респондентов).

А вот что удалось — так это повысить боеспособность (47%) и укрепить международные позиции (41%) страны. Да так укрепить, что теперь 44% населения боится мировой войны — и даже больше, чем бедности и произвола властей, даже больше, чем смерти!

Не справился Путин с повышением уровня жизни (сказано же — всего 18 лет у него было, маловато), коррупцией, развитием экономики и обузданием олигархов. А как глава государства мог их обуздать, если он выражает их интересы (31% так считает), а также интересы силовиков (41%) и бюрократии (тоже 41%). На эти же слои он, по мнению респондентов, и опирается.

Президент, конечно, несет ответственность за масштабы коррупции в верхах (67%), но ведь он получает неполную и искаженную информацию о ситуации в стране (42%). К тому же, даже если он и виновен в злоупотреблениях властью, важнее то, что при нем страна стала жить лучше (23%). Окружение его сильно похорошело и исправилось — стало больше думать о проблемах страны (так считали 50%

205

в 2017 г. по сравнению с 31% в 2005 г.). И это самое окружение отбросило личные материальные интересы — причем как-то резко и сразу после взятия Крыма.

Но даже если Путин возьмет и уйдет, не послушавшись Кадырова, 42% хотят, чтобы сменщик президента во внутренней политике придерживался такой же линии, что и сейчас, а еще 34% требуют большей жесткости. А уж во внешней политике и подавно: такую же линию, как сейчас, требуют 56%, более жесткая конфронтационная устроила бы 19%. Значит, есть жизнь после Путина, переживет система своего демиурга!

Это, конечно, удивительный феномен: тефлоновость в сочетании со свойствами Бэтмена, который мало чего добился, кроме того что поднял Россию с колен и сразу поставил ее на дыбы, но все-таки, наверное, еще добьется, ибо некому же больше; он выражает интересы элит, но вроде как антиэлитист. У его страны, как он сам считает, все хорошо, но, как он сам же и говорит, нужен «рывок». Честно думает, что реальные доходы граждан растут, хотя они который уже год как падают. Убежден, что российскому народу свойствен коллективизм, в то время как исследования ценностей этого же народа все последние годы показывают жесткий и устойчивый тренд на индивидуализм и эгоизм в ущерб альтруизму.

Да, не сверхчеловек...

Но супергерой.

ЧЕМ ЗАПОМНЯТСЯ ВЫБОРЫ-2018

Эти выборы запомнятся тремя интригами – военно-полевой частью послания Владимира Путина, обливанием водой Владимира Жириновского с последующим нападением на Ксению Собчак и внезапным обнаружением у Павла Грудина 13 счетов в швейцарских банках. Очевидная плановая бессодержательность предвыборных дебатов компенсируется скандальностью самого процесса. Чистым и парящим над всем этим собранием фриков, трикстеров и подпольных миллионеров остается только сам президент, который одним движением руки может взорвать всех тех, кто угрожает нашему суверенитету. Единственный серьезный человек. Никого водой не обливают. Счетов у него нет: его счет – Россия.

Апофеоз контриляра против кандидата, который, вероятно, сам того не желая, продемонстрировал не входящий в дорожную карту выборов рост электорального рейтинга, должен был случиться.

Во-первых, действительно нечего наращивать показатели – на 26 февраля по ВЦИОМ у Грудина было 7,8% голосов и прочное 2-е место, Жириновский показывал 5,9%. (По ФОМУ, впрочем, 6,2% на 25 февраля, лидер же ЛДПР дал почему-то скачок до 7,3% с 6%.) Так, судя по всему, не договаривались – ну 4%, ну 5, не 7 же! Не хватало еще повторения истории с Алексеем Навальным образца сентября 2013 г., когда его допустили на выборы мэра Москвы, искренне полагая, что он прекрасным образом проимитирует конкуренцию и наберет процентов 5 голосов, а набрал более 27%.

Во-вторых, событийную канву и интерес к выборам надо всеми силами поддерживать, особенно тогда, когда они

208 ПРОРЫВ В НИКУДА

вышли на финишную прямую. Нет ничего лучше, чем дискредитация мальчика для битья, которым в эту кампанию официально назначен Грудин – это его новый, первоначальным планом, вероятно, не предусматривавшийся, функционал. Миллионные счета, и не где-нибудь – в канонических для коррупционных историй швейцарских банках. Снимать его с выборов, судя по всему, никто не собирается, но известно же: «Штирлиц знал, что лучше всего запоминается последняя фраза». Поэтому миллионы Грудина запомнятся так же, как и облитый водой Жириновский и повторяющие путь корабля Магеллана ракеты Путина. Этого достаточно, чтобы погубить кандидата, но только не в России. Результат может оказаться обратным: нарочитый пережим в дискредитации не потопит Грудина, а как минимум закрепит его успех.

Вероятно, кремлевские манипуляторы сильно разочаровались в проекте «Грудинин» и решили, что заменой Геннадием Зюгановым им придется озаботиться не сейчас, а когда-нибудь потом. Но проблема в том, что найти такие же управляемые низколетящие ракеты, как Жириновский и Зюганов, практически невозможно – выжженное же поле кругом. А уж если Ксения Собчак вдруг ни с того ни с сего внепланово наберет больше, чем надо, процентов, придется хоронить и проект управляемой «либеральной» партии, которая подошла бы для оживления пейзажа к парламентским выборам 2021 г.

В общем, масса проблем с будущим переформатированием политического поля. И по гамбургскому нешвейцарскому счету Владимир Путин может в скором времени оказаться вообще в полном одиночестве – если рядом с ним не будет ни стареющих Жириновского с Зюгановым, которые явно

утомились уже изображать атлантов, поддерживающих фасад российской партийно-политической системы, ни совершивших фальстарт Грудинина с Собчак.

Впрочем, зачем все эти имитации и клоунады, серьезные игры вокруг будущего парламента и карго-партий, изготовленных из сена-соломы? Для процесса передачи или сохранения власти в 2024 г. это не имеет никакого значения. Преемник, если будет выбрана эта модель, обычно стартует с позиции премьер-министра. А для того чтобы харизма премьера-претендента раньше срока не сгорела в высших слоях политической атмосферы, назначать его надо не раньше года этак 2022-го.

Так что время еще есть. А пока все внимание по-прежнему на показателях явки и поддержки действующего президента: для ощущения легитимности эти индикаторы действительно должны быть высокими, как небоскребы «Москва-сити». Вот это и есть гамбургский счет Путина.

211

МАНДАТ НА ЗАСТОЙ

На что получил мандат Владимир Путин, прибавив к своим 18 с половиной годам пребывания у власти еще шесть? Судя по его высказываниям, «команде», которую время от времени собирают для переключки с первым лицом и для изображения «народа» то в Гостином дворе, то в Лужниках, то на Манежной площади, предстоит движение к каким-то абстрактным великим делам, «рывкам» и «прорывам». Но что предыдущая, чуть более узкая команда, чем бюджетники и артисты эстрады на всех этих мероприятиях, делала все предыдущие 18 лет, кто ей мешал осуществить тот самый «прорыв»? Хотя бы догнать Португалию и побороть коррупцию?

Первое лицо не признавало и не признает ошибок. Все плохое, в чем обвиняют Россию, – это «бред». Обещанные расходы и на пушки, и на масло не оставляют сомнений в том, что в стране все хорошо. Значит, мандат выдан на то, чтобы это хорошее сохранить и прумножить.

Восприятие ситуации электоратом несколько иное. Весь 2017 год, судя по опросам «Левада-центра», прошел под знаком настроения «лишь бы не было хуже». И за Путина голосовали на выборах как за мистера «Лишь-бы-не-было-хуже». В основе режима – не активная поддержка, а усталая апатия и индифферентность, невмешательство в дела политического класса в обмен на хлеб (социальные выплаты) и зрелища (милитаристско-имперская мобилизация).

В буквальном смысле миллионы людей были согнаны в день выборов на участки под угрозой неприятностей на работе. Обязательно проголосовать до 12 дня (отсюда и утренний всплеск активности избирателей), принести на работу или послать документальные или фотодоказательства

пребывания на избирательном участке. Бюджетники, госслужащие, работники госбанков и госкомпаний, военные и спецслужбисты, судьи и прокуроры, врачи и учителя, преподаватели вузов, пациенты больниц и даже роддомов — все они были брошены в толпу легитимности этих выборов и старого нового президента. Разумеется, легче проголо-совать, чем объяснять, почему не хочется, и иметь множе-ство неприятностей. Это та реальность и те нарушения ст. 1 закона о выборах президента, запрещающей принуждение к голосованию, которую ЦИК не хочет замечать, а значит, и не заметит.

Тот мандат, который получил Путин, — это мандат на застой, а не на развитие или реформы. Власть делает вид, что гото-вит планы модернизации, а народ делает вид, что верит. Невозможно же, стоя в толпе, вслух говорить о том, что думаешь, — задавят.

Политические основы системы президент менять не будет ни при какой погоде — пепел шин киевского майдана стучит в его сердце, как и опыт горбачевской перестройки и араб-ской весны. В экономике же все хорошо — достаточно мето-дами кадровой возгонки «Лидеров России» найти несколько десятков лояльных, четких, в одинаковых синих костюмах и аккуратных очечках «технократов», что-то где-то слегка улучшить, где-то углубить — и все будет нормально.

Указы о целях национального развития и перестановки в правительстве после инаугурации — вещи важные, но они ничего не меняют ни в характере авторитарной системы, ни в природе государственного капитализма по-русски. Путин — не хромая утка. И его интерес — как можно дольше длить состояние инерционного развития, покупать под-

держку электората мобилизацией, пугая внешними и внутренними врагами, торговать угрозами на экспорт, балансировать элитные группы, до последнего скрывая свои планы на будущее, т. е. на 2024 г. И ожидаемое сохранение Дмитрия Медведева на посту премьер-министра должно лишь укреплять элиты в убежденности: все остается, как прежде, если что-то будет меняться – вам сообщат дополнительно.

К 2024 г. Путину нужно найти модель преемничества, сохранения власти или безопасного для себя лично ухода. Пока о параметрах такой модели говорить рано. Президенту нужно найти такого человека, каким был он сам, когда его готовили на смену Борису Ельцину. В то время его главной функцией было соблюдение гарантий безопасности первому главе российского государства и его Семье. Если к 2024 г. такой человек не будет обнаружен или выращен, преемником Путина станет сам Путин. А уж каким способом – это важный, но технический вопрос.

ДВЕНАДЦАТИЛЕТНИЙ СРОК

Чтобы произвести перестановки в правительстве или изда-дека показать Западу особенно внушительную ортопедическую обувь, вовсе не нужно начинать новый президентский срок. Начало нового срока скорее было логическим продолжением предыдущей каденции — даже дело Скрипалей началось еще до выборов, и нельзя сказать, чтобы дальнейшая «скрипализация» отношений западных стран и России была совсем уж чем-то неожиданным: рано и поздно коллективный Запад должен был предъявить свой подлинный «оскал».

Если уж что четко, почти символическим образом, и маркировало начало нового срока, так это техногенная и экологическая катастрофы впечатляющего масштаба с последовавшими за ними стихийными протестами, отвечать на которые властям непросто, потому что по происхождению эти протесты не политические. И тем не менее то, как на них начальство будет реагировать, стало очевидным почти сразу: никто не гнушается ни полицейским произволом (Волоколамск), ни обвинением Запада и пятой колонны в инспирировании недовольства (кемеровский кейс). Других инструментов у власти нет, да, собственно, и незачем их искать.

Казус Слуцкого, арест Магомедовых, скорый приговор историку Юрию Дмитриеву, предложение депутатов Госдумы блокировать сайты за отказ удалять порочащую честь и достоинство информацию — во всем этом нет ничего нового, что меняло бы наши представления о том типе политического режима, который окончательно оформился в 2012–2017 гг. Все та же волна сужения прав граждан, циничного расширения границ дозволенного, разрушения всех и всяческих табу.

Никто ничего уже не стесняется — ни в словах, ни в делах. И ни одна попытка обнаружить обнадеживающие признаки

оттепели успеха не имела. Равно как бесплодными оказываются надежды на рационализацию политики и технократизацию политиков. Вон Свердловской областью руководит Евгений Куйвашев, самый настоящий машинист бетономешалки и зубной техник, а техничной политика стала лишь в том смысле, что он успешно отменяет выборы мэра города Екатеринбурга, считающегося колыбелью отца российской демократии Бориса Ельцина.

В чем особая технологичность такого шага? Есть желание убрать неугодного человека – Евгения Ройзмана. И чтобы решить эту проблему, ликвидируют целый демократический институт и полновесную демократическую процедуру. Нет института – нет проблемы! А на уличные протесты в городе-миллионнике не стоит обращать внимания – это все бузотеры и закулиса.

Но и в этом нет ничего нового. И что-то вроде ареста братьев Магомедовых непременно должно было произойти после чисток элит целых регионов, после восьмилетних сроков Алексею Улюкаеву и Никите Белых. Почему бы лишней раз не напомнить, что неприкасаемых у нас нет, а теснейшие связи с высшим политическим классом не способны защитить от уголовного преследования. Под потенциальным арестом ходит любой – и академик, и герой, и мореплаватель, и плотник, что уж говорить о крупном бизнесе, который по сути своей бизнес государственный. И строится на использовании бюджетных средств. А уж решение, заслуживает ли это использование высокой государственной награды или приговора совершенно независимого суда, зависит от миллиона причин. История нашей страны свидетельствует, что публичное чествование и заталкивание в черную маруску иной раз уместается в несколько часов.

217

Словом, это вовсе не новый шестилетний срок. Это политическая продленка – один большой 12-летний срок. И Путин в ней повторник – новый срок по тем же основаниям, по которым дали первый. Тренд один и тот же: система становится все более авторитарной, институты – все более имитационными, капитализм и экономика – все более государственными, свободы и права – все более эфемерными. И как этот не остановить никакими рассуждениями о том, что вот-вот к уху автократа прильнут либералы-лоялисты, они просветят вожда, тот инициирует авторитарную модернизацию, проведет операцию «Эмманюэль» (Макрон) по резкому потеплению отношений с Западом, а молодые технократы и «даже одна женщина – зубной техник» превратят Россию в Южную Корею, минув стадию обгона Португалии.

Если этого не получилось сделать за предыдущие 18 лет, не удастся и в ближайшие шесть. Все как в самой короткой еврейской телеграмме: «Начинай беспокоиться. Подробности письмом».

ОТ ПАРИЖА-1968 ДО ВОЛОКОЛАМСКА-2018

Полвека тому назад было совершено покушение на одного из лидеров Социалистического союза немецких студентов, 28-летнего Руди Дучке, — не менее знаковой фигуры 1968 г., чем похожий на молодого Иосифа Бродского Даниэль Кон-Бендит, по поводу которого потом возникнет один из лозунгов мая-68: «Мы все немецкие евреи». А из этого слогана спустя многие десятилетия вырастет «Я — Шарли» и многие его ответвления.

Йозеф Бахманн выстрелил Дучке в голову и заявил, что был вдохновлен убийством в том же апреле 1968 г. Мартина Лютера Кинга. Дучке вырос в глазах мировой общественности до масштаба выдающегося американского проповедника.

То, что проповедовал Дучке, было не слишком удобоваримой смесью марксизма, анархизма, экзистенциализма. Диссертацию он писал по Георгу Лукачу. Был близок к интернационалу ситуационистов, чье учение решительно невозможно изложить систематическим образом. Зато в мае 1968-го оно окажется чрезвычайно щедрым на лозунги.

Если писатель Морис Бланшо придумал слоган «Будьте реалистами — требуйте невозможного», то ситуационисты Кристиан Себастьяни и Рене Вьене гуляли еще шире: «Будем жестоки», «Я принимаю свои желания за реальность, потому что я верю в реальность своих желаний», «Потребляйте больше, живите меньше», «Никогда не работайте». И главное — «Не тратьте время впустую, наслаждайтесь без границ».

Великая фотография Картье-Брессона запечатлела пугливого старичка, одетого в буржуазную униформу — костюм, галстук, шляпу, приличные ботинки, — шархающегося

220 ПРОРЫВ В НИКУДА

от этой максимы, накарябанной на заборе. Впрочем, кто бы мог сказать, что он в молодости не «наслаждался без границ», несмотря на свою буржуазность, а может быть, благодаря ей?

Покушение на Дучке перевозбудило немецких студентов, что в свою очередь стало образцом для их французских собратьев, которые спустя пару недель взорвут Францию и мир. Что хотели они, изысканные молодые люди, совершая балетные па с булыжниками в руках на Бульмиш и других бесконечно обаятельных улицах левого берега Парижа, следуя невнятице Дучке и Кон-Бендита? Хотели изменить мир, причем преуспели в этом. У них не было другого языка, кроме марксистского диалекта, они не умели выразить себя иным образом, тем более что в то время философия щедро дарила им слова, термины, понятия. Но, будучи как бы марксистами, они позволяли капитализму в очередной раз, закамуфлировавшись, выжить.

Спустя 50 лет в другой части земного шара на улицы выйдут люди, протестующие против свалок и вони, совершенно не обученные марксизму, анархизму, ситуационизму, маоизму, ничего не знающие о Маркузе, Деборе, Лукаче, Грамши, Мао, Сартре и даже Симоне де Бовуар, не желающие изменить мир, а стремящиеся дышать свежим воздухом. И против них тоже бросят полицию. Потому что за полвека, прошедшего с 1968-го, власть не придумала иных способов защищать себя, кроме как применять насилие.

«Трепещите, бюрократы!» — грозили активисты мая — 68. То же самое могли бы повторить за ними борцы с экологической катастрофой, следствием безразличия, коррупционности и импотентности властей, если бы они обрели

подлинную речь, если бы у них был свой язык и если бы они понимали прямую связь между устройством политического режима и их как бы бытовыми проблемами. Как не могли нащупать свой язык и эту связь те, кто объединялся в борьбе с городскими властями против застройки дворов, против строительства храмов в скверах, против наступления «инфраструктуры» на парки, против сноса пятиэтажек, против безалаберности, ведущей к пожарам, против вторжения в частное пространство начальственной «эстетики», чьим средством общения с давних пор является бульдозер и с недавних — ОМОН.

Язык мира после 1968-го стал другим. Как иным стало человеческое поведение. Порядок возобладал над беспорядком, но государство и общество на Западе радикально изменились. «Переменам — да, карнавалу — нет» — это уже был слоган голлистской стабилизации. Однако перемены действительно наступили — государство стало другим, общество обрело еще несколько степеней свободы.

Нынешний российский режим сопротивляется переменам, как может. Но его проблема в другом — в поразительной повседневной неэффективности. Весь в буквальном смысле цивилизованный мир научился перерабатывать мусор, а этот самый суверенный режим превращает его в отравляющее вещество, толкая об абстрактных технологических прорывах. Прорывы в здравоохранении стали нормой в западном мире, российские скрепы выжимают последние соки из коры дуба, залечивая ими обиды и оскорбления самых разнообразных чувств.

Наш «прорыв», бессмысленный и беспощадный, может вести только к сталинской мобилизации. Которая, впрочем,

не состоялась бы в свое время без буржуазных специалистов, а теперь их собираются гнать и в дверь, и в окно. Хотя они не очень-то стремятся в это окно влезть. Идол 1968-го Ги Дебор написал книгу «Общество спектакля». Вот что научилось делать наше государство, так это ставить спектакли. На улицах и в залах суда. Постановки заменяют реальное решение реальных проблем.

Афиши – планы реальных преобразований. Долго ли можно жить в фиктивном мире?

223

КОГДА ПРАВИТЕЛЬСТВО – ЭТО КАССА

«Правительство не решает проблемы, оно их финансирует», – сказал когда-то Рональд Рейган, как будто заглядывая далеко в будущее и имея в виду кабинет министров эпохи зрелого Путина.

В России государство со вкусом расположилось в экономике: его много, причем много по-разному – оно метит территорию бюджетными расходами, использованием денег налогоплательщиков на всякие внебюджетные цели, экспансией государственных банков и компаний, вседесущим избыточным регулированием, околосударственными олигархами, парасоударственными структурами, которые правильнее назвать парачастными или квазичастными.

В такой экономике государственные расходы имеют гиперболизированное значение, а в основе экономической политики лежит бюджетная, которая исходит из простого предположения: любая проблема может быть залита деньгами.

И, заливая проблемы деньгами, государство разучилось их решать.

Технократизация элит – это попытка превратить государство в четко работающую «веберовскую» бюрократию. Раз уже все равно государство везде, значит, улучшить положение в стране можно исключительно методом улучшения качества государственного управления. Но кто сказал, что технократы нового типа автоматически улучшают это качество без реформы самого государства. Такой взгляд на предмет предполагает сужение частного сектора, частной инициативы, снижение градуса защищенности частной собственности, интервенции в частное пространство частного человека. Может быть, в России государство никогда не станет «ноч-

224 ПРОРЫВ В НИКУДА

ным сторожем» в духе классического *laissez-faire*, но пока речь идет всего лишь о том, чтобы оно не вторгалось во все сферы жизни. Смесь полицейского государства с госрасходным — токсичный коктейль.

Культовые государственные расходы как единственного средства «финансирования проблем» с попутной покупкой лояльности избирателей, среди которых все больше бюджетозависимых людей, а также силовиков и бюрократов, уже составляющих основу среднего класса, для которых государство — желанный, а иногда единственный работодатель, порождает и культ государственных доходов. Где взять 25 трлн руб. на реализацию целей национального развития, которые вовсе не про развитие, а про «финансирование проблем», в основном социальных, и снижение демографических рисков?

Государство в поисках денег предлагает решения — например, повышение НДС, — которые потом им же оцениваются как неэффективные, а главное, заведомо непопулярные. Усилить налоговый пресс, чтобы расширить ареал распространения ненаблюдаемой экономики, — явно не оптимальный вариант.

Другая технология — достижение большей эффективности государственных расходов, раз уж все равно все в государстве, для государства и ничего помимо государства. На этом, в частности, строится идея бюджетного маневра от непроизводительных расходов на силовые секторы и бюрократию к производительным — на секторы человеческого капитала. Однако недостаточно просто осуществить такой маневр, к тому же достаточно скромный по масштабам. Нужно

отследить механику расходования средств, и это уже сфера деятельности проверяющих структур и органа государственного контроля – Счетной палаты.

В каком-то смысле Алексей Кудрин будет решать локальную, но важную задачу: следить за тем, чтобы не разворовали бюджетный маневр. Ведь выделить деньги – это даже не половина дела, а лишь начало процедуры. Финансовые средства должны дойти до цели, а потом их следует разумно использовать, что тоже получается далеко не всегда.

Однако и такая логика исходит из презумпции эффективности государственных расходов, желательности преобладания государственного над частным. Иногда, чтобы запустить частные механизмы, нужны государственные деньги. Но все-таки от государства прежде всего требуются свобода и дружелюбная к частной инициативе регулятивная среда. Ну и – по Адаму Смиту – умеренные налоги. Российская экономика и политическая система остаются государственно-центричными, а «бюджетобесие» (в плохом смысле) сохраняет статус *idée fixe*. Правительство как касса и заслон от наиболее одиозных идей вроде запрета на импортные лекарства – это механизм поддержания экономической системы на плаву, развитие здесь не предусмотрено. Даже если потратить все 25 трлн руб., предусмотренные майским указом.

226 **ПРОРЫВ В НИКУДА**

227

ДИКТАТУРА ПРОХОДА НАСЕЛЕНИЯ

И между ними происходит следующий диалог.

Молодой полицейский (неприятно-недоверчиво):
А что за группа-то была?

Борис Гребенщиков (миролюбиво): «Аквариум».

Молодой полицейский (явно в первый раз слышит название, недоверчиво-недоуменно): «Аквариум»... (Мол, «Аквариум», значит. Ну-ну. Была б моя воля, старый хрыч бородатый...)

Полицейский постарше (в матюгальник): Граждане!
Не мешаем проходу населения!

О, этот проход населения! Ему вот уже более полвека мешают все думающие и самостоятельно ведущие себя граждане, не готовые жаться по стеночке, лишь бы их не заметили и от них отстали. Они начали мешать проходу населения с декабря 1965 г., с первой акции на Пушкинской площади с требованием соблюдения властями собственной (сталинской) Конституции. Они мешали проходу населения, что отражено во всех документах процесса, в августе 1968 г., когда вышли на Красную площадь протестовать против вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию. На пике перестройки они уже никому не мешали – население стало гражданами в подлинном смысле слова – и по стеночкам шныряли стукачи, топтуны и те, кто понял, что не они уже здесь власть.

Но стукачи и топтуны вынырнули из черной дыры истории. И теперь все живое мешает проходу их электорального планктона, который они запугивают пятой колонной и происками американцев и покупают лояльность насе-

ния необеспеченными социальными мандатами. Самим им проходить не надо — их ноги давно не касались шершавого общественного асфальта. У них феодальное право преимущественного проезда, а роль нейтронной бомбы на территории, где они проезжают, выполняет охрана. Она же, охрана, назначается на высокие посты. А охранники помельче формируют новый российский средний класс — сутки через трое. Или: кубанка набекрень, череп с костями на рукаве — и давай морду бить гнилой интеллигенции. Соль земли русской, пахари наши, кормильцы... И это ведь тоже было полвека назад — «зиловцы с велосипедными цепями», оперотряды и прочие добровольные помощники власти с неутолимим зудом в кулаках.

Мизансцена с полицией и БГ происходила в минувшую субботу после импровизированного концерта «Аквариума» на Невском проспекте. Вот что всегда дарил Гребенщиков людям — это ощущение свободы и веселья. И это ощущение он сконструировал — как сборно-разборную конструкцию — на главном проспекте классической русской литературы. Рядом был город Путина, словно густо засыпанный одинаково округлой галькой пустых слов, оставшихся от ПМЭФ, а вокруг команды БГ, как будто в прозрачной капсуле, островок абсолютной свободы. Как осознанной необходимости.

Обращаясь к свободной публике все еще свободного общества, в массе своей добровольно бегущего от своей же свободы, боящейся ее и даже презирающей, БГ сказал: самая горькая редька для власти — что он понял за 64 года своей жизни — это когда люди начинают жить нормально. Нормально и радостно в солнечный уикенд послушать на Невском Гребенщикова. Но это мешает прохождению населения!

229

Вечно это население куда-то проходит. То сквозь рамки, то на добровольно-принудительный митинг, а иной раз и этапом...

Была такая передача, невероятно популярная в годы перестройки, «Музыкальный ринг». Время тогда было спрессовано как никогда потом: только я ошеломленно начал слушать «Аквариум» году в 1984-м, на втором курсе университета, как в 1986 г. группу уже вывели на центральное телевидение, на ринг — т. е. под огонь публичной критики комсомольцев в галстучках. Сколько тогда БГ было лет — года 32? Много было претензий к непонятным словам его песен. Раньше за непонятные слова и посадить могли, а в перестройку их обсуждали. Еще 32 года с тех пор прошло, а я до сих пор помню ответ Гребенщикова комсомольцу из зала: место каждого слова в стихах «жестко детерминировано». Комсомолец набрал воздуха, хотел что-то сказать, но промолчал.

Теперь за него все «досказали»: граждане, вы мешаете прохождению населения.

Точнее не скажешь. Граждане — свободная часть населения страны мешает прохождению несвободной.

«Твоя мать дает мне свой сладкий чай, / Но отвечает всегда о другом; / Отец считает свои ордена / И считает меня врагом, / И в доме твоём слишком мало дверей, / И все зеркала кривы; / Так не плачь обо мне, когда я уйду / Стучаться в двери травы».

КАК ТРАМП ЗАМЕНИЛ МАРКСА

На очередной протестной акции в минувшее воскресенье в Москве (без Навального) было много разных групп левого толка, причем с требованиями общеполитического характера, но и с небольшими вкраплениями повестки, которая считается левой. В равной степени широко распространилось мнение, что оппозиции нужно совершить левый поворот и тогда она станет по-настоящему заметной, влиятельной и трудящиеся потянутся к ней.

Есть вопросы. Что такое левые в отсутствие многочисленного рабочего класса — при нынешней-то структуре экономики, которая в России со скрипом, матом, ударами хлыстом по ленивой птице-тройке, но все-таки меняется? Начиная с 1960-х гг., с работ, ну, допустим, Герберта Маркузе, известно, что рабочий класс активно и охотно обуржуазивается, покупая то же самое, что и мировая буржуазия, и ведя точно такой же образ жизни, что и она. Этот вывод стал актуален для России спустя более чем 30 лет, но никто его не отменял. Еще в 1982 г. ученик Сартра Андре Горц написал книгу «Прощание с рабочим классом. Эссе о постиндустриальном социализме», где предсказал тренды нулевых годов, отметив, что социалисты нынче должны выражать не интересы рабочих, а интересы нового класса (потом Ричард Флорида назовет его «креативным») и думать надо «не о завоевании власти в качестве рабочего, но о завоевании власти, чтобы не функционировать в качестве рабочего». Марксизм как одна из главных идеологий XX в., на которой формально держались штаны рабочего класса, умер, самое позднее, с началом бархатных революций и даже не столько с фукуюмовским концом истории, сколько с концертом The Rolling Stones в Праге в 1990 г. и закрытием британского журнала Marxism Today в 1991-м. Теперь марксизм — это удел экзотически мыслящих расслабленных

232 ПРОРЫВ В НИКУДА

профессоров европейских университетов, которые «между лафитом и клико» любят порассуждать о социализме, а потом садятся в свою среднеевропейскую машинку, чтобы «сверкая лаковыми крыльями», отправиться в загородный дом в предгорьях Альп.

Левая повестка? Она полностью закрыта таким деятелем международного рабочего уралвагонзаводовского движения, как Путин В. В. Если почитать, даже по диагонали, майский указ № 204 — это торжество социализма, а социалистам-утопистам, Сен-Симону, Фурье и Оуэну, остается только завистливо кусать локти, стоя у проходной Спасской башни (пока их не отведут в ближайшее отделение полиции или не отгонит ФСО). Все делает государство. Все деньги — государственные. Все — направляется на социальные цели. Все — во имя человека. И все — более или менее утопическое.

Можно, конечно, разделять ряд лозунгов того же «Левого фронта», например «Снизить цены на бензин», но тут и без «фронтов» взрослые дядьки друг с другом разбираются. К тому же, даже если цены заморозятся, они все равно потом поднимутся. Никогда такого не было, чтобы такое не произошло опять. «Нет росту налогов» — так и Путин так же рассуждает. «Повышение пенсионного возраста — это геноцид». Ну, во-первых, это не правда. Во-вторых, деваться от этого некуда: перед людьми во всем мире неудобно — куда ж «ягодке опять» на пенсию? В-третьих, самый аккуратный и консервативный подход в этом деле снова проявил все тот же президент РФ, главный по социализму.

Что остается? За Маркса? Да кто ж его читал за последнюю четверть века. За Сталина? А вот этот уже ближе к мар-

кетинговой технологии. Но популярность Сталина растет прямо пропорционально закручиванию гаек при нынешнем режиме, чья фьюжн-идеология «русского всего» гораздо эффективнее коммунистических стонов по поводу того, что «порядок был». А сейчас, когда полиция на каждом углу, по судам сидят юноши и девушки, объявленные лицами, преследовавшими цель свержения конституционного строя, значит, беспорядок? Тут ведь левее ФСБ только стенка...

Победа в Великой Отечественной? Так в ней же, известно каждому школьнику, Путин победил. Волоколамск – не левый протест. Прагматический. Кемерово – не левый. Против сноса пятиэтажек – не левый. Защита дворов и парков? Коммунисты в помощь, согласны защитники своего частного пространства. Но если не могут помочь в разговоре с властями – пусть идут лесопарком. Нам свой вопрос решить надо, а не власть в Кремле менять.

На Западе у левых тоже проблемы. Коммунисты нерелевантны. Социал-демократия в кризисе, поскольку ее электорат частично подался в популисты, причем, как правило, в правые. А самый главный защитник рабочего класса теперь не Маркс и не Ленин, а Дональд Трамп. И доказывает он это делом и твитами.

235

МАТАХАРИЗАЦИЯ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

Дело Карины Цуркан, руководителя блока трейдинга «Интер РАО», последовало почти сразу за приговором Роману Сущенко, осужденному за шпионаж в пользу Украины, — оказывается, у нашей Нацгвардии, несмотря на то что вся ее деятельность видна как на ладони, есть секреты, весящие 12 лет лишения свободы.

Раз уж мы живем в осажденной крепости, то шпионов должно быть много и желательно, чтобы среди них попадались, как выразилось одно густо прокремлевское издание, «симпатичные и стройные блондинки». Чтобы оборона крепости не превратилась в рутину, нужно в нее добавить немного специй и запаха женщины. Без матахаризации процесса доказать свою полезность начальству и отвлечь шпионской историей сосредоточенное на пенсионном возрасте население невозможно.

Хотя на выходе получается дистиллированный Ильф и Петров: «Сигуранца проклятая! — закричал Остап, поднимая босую ногу. — Паразиты!» Может быть, все дело в «бранзлетках»? Или в подковерных войнах? В Борисе Ковальчуке, одном из представителей наследственной аристократии путинской эры, предправления «Интер РАО», которого, как со знанием дела сообщила газета «Завтра», с «блондинкой» связывали «достаточно близкие отношения». А тут еще и замминистра энергетики Вячеслав Кравченко...

И тогда шпионка оказывается не просто в электросетях, проникнув в них на манер электрического тока, но и, страшно сказать, в самом верхнем кругу российской политической элиты. Они ведь там, наверху, друг друга поедом едят — почему бы не демонизировать молдавско-румынскую даму и с ее помощью не продолжить процесс этого взаимного

поедания? Есть и сопутствующий эффект, ведь простой российский обыватель почешет грудь под майкой-алкоголичкой и подумает: не дремлет враг. Румынская разведка, связанная с ЦРУ и с рядом разведок стран НАТО, не хухры-мухры.

Хотя само словосочетание «румынская разведка» находится в одном семантическом ряду с прорытием «канала от Лондона до Бомбея» из «Покаяния» Тенгиза Абуладзе. Собственно, примерно этими вопросами Цуркан и занималась – строительством атомной станции «Аккую», поставками электроэнергии в самые разные места. Ничего, что это просто входило в круг ее обязанностей. Обязанности какие-то странные.

К тому же, как не стесняясь сообщают источники в спецслужбе, она передавала сведения, составляющие гостайну, о поставках электроэнергии в ЛНР и Крым. Являются ли ЛНР и Донбасс территориями Российской Федерации? Судя по характеру публичных обвинений Цуркан, эти территории оцениваются именно как составные части России – можно ли на этом строить уголовное дело? Поставки в Крым – это страшная тайна? Какие вообще могут быть секреты в поставках электроэнергии или в планах ее поставок, пусть даже речь идет о территориях, которые большая часть государств этого мира считает аннексированными и непризнанными? Или природа электрического тока тоже составляет государственную тайну и эксклюзивное знание самобытного суверенного русского технического гения?

Для спецслужб – все в этом мире страшная тайна. Иначе зачем бы они вообще были нужны? Для дирижистов любые предприятия стратегические. Пусть оно не работает по-человечески, зато остается родным, кондовым и домотканым.

Для политиков изоляционистской волны любое телодвижение в сторону Запада – покушение на суверенитет, а образование мирового уровня, как показывают кейсы Европейского университета и Шанинки, фактически приравнивается к терроризму и покушению на основы конституционного строя. Обвинение Цуркан в том виде, в каком оно – всерьез! – представлено в обстоятельствах XXI века, напоминает ссылки на решения Трулльского (VI век) и Лаодкийского (IV век) соборов в деле Pussy Riot. Какая-то безнадежная архаика, но надо понять и наши спецслужбы: лучшей кандидатки на роль Маты Хари гибридной войны России с Западом, США, странами НАТО и не слишком дружелюбной Румынией и не придумаешь.

«Да здравствует великая Румыния! – повторил Остап по-русски. – Я старый профессор, бежавший из московской чеки! Ей-богу, еле вырвался!» Цуркан будет сложнo вырваться из московской чеки – она ей очень нужна: процесс над новой иконой разведывательного стиля еще долго может развеивать скуку электорального планктона. К тому же число шпионских процессов будет только увеличиваться – обратно пропорционально экономическим показателям.

ПОЧЕМУ «ПУТИН» БОЛЬШЕ НЕ РАВЕН «РОССИИ»

Чемпионат мира по футболу, который, как большая волна, должен был поднять все лодки патриотизма, включая красноречивую яхту «Путин», привел к обескураживающему результату. Патриотизм оторвался от материнской платы. То есть от государства. А государство у нас – президент. Патриотизм – сам по себе, Путин – сам по себе. Точнее, он рядовой участник патриотической волны – с его благдеяниями широкие болельщицкие массы перестали связывать успехи национальной сборной.

Президент почти перестал быть синонимичным России. Чемпионат, одной из задач которого было еще прочнее склеить понятия «Путин» и «Россия», начал разводить их в разные стороны. Получился не праздник власти, а праздник футбола. Кубок мира не стал оправданием «реформы» по повышению пенсионного возраста. И рейтинг Путина впервые не совпал с рейтингом матушки-России. Матушка пошла вверх, а отец нации – вниз, потянув за собой все госинституты и руководящих товарищей.

Эта власть сознательно превращала гражданина как участника политической жизни в гражданина как потребителя (по формуле Яна-Вернера Мюллера). Так было удобнее управлять и перезаключать социальный контракт. Мы вам – изобилие, вы нам – политическую поддержку. Потом: мы вам – тысячелетнюю историю, вы – не вмешиваетесь наши заносы и откаты, карусели и вбросы. Затем: мы вам – чувство гордости за державу и чемпионат мира, а вы... вы держитесь. И голосуйте.

Проголосовали. И это голосование – массовое в своем равнодушии и равнодушное в своей массовости – создало ложное впечатление выданного народом мандата

На что угодно. Оказалось, что никакого мандата-то и не было. Все его содержание сводилось к простому: «Вот вам мой голос, вот фото с участка, где я голосую до 12.00, как просили, – и отвяжитесь от меня!»

То есть гражданин-потребитель ждал, что все останется как прежде: он будет голосовать и делать вид, что охотно прикармливается крошками с нефтегазового стола. А третьи циничные мужчины во власти не только поверили, что это мандат, но и распорядились им диким образом – занялись пенсионной арифметикой и повышением НДС. И все ради того, чтобы забрать деньги из экономики, и так обескровленной тотальным огосударствлением, и потратить их на покупку лояльности электората с использованием социалистическо-утопического указа президента № 204 от 7.05.2018.

Коррекции общественного договора не получилось. Привычный обмен не состоялся, расплатиться валютой массовой мобилизации – чемпионатом мира – не удалось. Большая социальная арена показала жест – палец вниз. И поплыли все рейтинги – электоральный, доверия и даже стоявший, как скала, одобрения деятельности. Попытка сделать вид, что главный начальник не в курсе всякой там возни с цифрами пенсионного возраста, вызвала и недоверие, и раздражение: какой же он тогда руководитель?

Превращение власти в слепоглухонемого капитана дальнего плавания началось снизу – не хотели на городских и областных уровнях слышать обычных граждан, когда вторгались без спроса в их дворы, парки, дома, когда плодили свалки и пожары. Теперь неправильно расшифровали сиг-

241

налы снизу и на уровне федеральном, увлеклись разглядыванием поддельного золота показателей явки и голосования на президентских выборах.

В июне индекс оценки положения дел в стране «Левады» сигнализировал: показатель «дела идут в правильном направлении» опустился до уровня докрымских значений в 46%, индикатор «дела идут по неверному пути» – 42% – поднялся на плато начала 2014 г. А второго Крыма в запасе нет: эффект – 2014 не повторить, даже если штурмом взять Северный полюс.

Перерыв постепенности подкрался незаметно и откуда не ждали. Нельзя сказать, чтобы условия решения задачи самосохранения элит во власти совсем уж радикально изменились. Но в задаче появилось множество неизвестных факторов. В чем можно быть полностью уверенным, так это в том, что власти сначала сформулируют удобное для себя подставное решение задачи, а потом сообщат самим себе, что она успешно решена. Самоутешение истеблишмента будет приравнено к реальным переменам.

НЕВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР

В недавней беседе с Эдвардом Льюсом из Financial Times Генри Киссинджер уклончиво изрек: «Я не думаю, что Путин персонаж вроде Гитлера. Он вышел из Достоевского». Едва ли последний великий ветеран дипломатии холодной войны знал фразу, ошибочно приписываемую как раз Достоевскому: «Все мы вышли из гоголевской «Шинели», но два выражения удачным образом срифмовались. Возможно, наша власть вышла, как и все мы, еще и из Гоголя – уж не из маленьких ли людей?»

Что имел в виду Киссинджер? Достоевщину в целом? Или какого-то конкретного персонажа? Но не князя же Мышкина, не капитана Лебядкина, не Сою Мармеладову. Или вот Смердяков – он по профессии повар – подошел бы на роль Пригожина, производителя тонких блюд кремлевской кухни, причем не только в кулинарном смысле. Обладатель главной российской профессии – что полвека назад, что полтора столетия назад, что сейчас – Порфирий Петрович, возможно, ближе к среднестатистическому представителю российской власти. Смотрит этот прямо в глаза и проникновенно шепчет: «Вы и убили-с!»

Станным образом маленький человек Макар Девушкин из «Бедных людей», которому везде виделись враги и заговоры, – тоже коллективный образ российской власти, которая в любом театре видит лишь закулисье. Или герой «Записок из подполья», который, как и Раскольников, обкладывает морализаторским орнаментом и большими идеями собственное падение. (К слову, замечательным интерпретатором «Записок из подполья» в 1980-е в «Театре на досках» был прогрессивный театральный режиссер Сергей Кургиян. Тот самый.) В лекции о Федоре Михайловиче Владимир Набоков замечал: «Упоение собственным падением – одна из любви-

244 **ПРОРЫВ В НИКУДА**

мых тем Достоевского». Не такова ли российская власть, чей безграничный нарциссизм усугублен политической шизофренией – комплексом неполноценности по отношению к Западу и одновременно синдромом «духовного» превосходства над ним. Мы – нация Достоевского, а наш спецпредставитель – Стивен Сигал...

«Герои Достоевского, – писал Владимир Владимирович (другой), – выбирают что-нибудь безумное, идиотское или пагубное – разрушение и смерть, лишь бы это был их собственный выбор. Это, между прочим, один из мотивов преступления Раскольникова». Человек из подполья выражался так: «Себе худого пожелать, а не выгодного». И в самом деле – много ли выгоды в самоизоляции России? Какую выгоду, кроме символической и мобилизационной, извлекла власть из присоединения Крыма?

Петр Верховенский с его планами расшатывания России («пустим смуту») вполне соответствует эфэсбэшным представлениям о злых гениях майданов и пятых колоннах, хотя не хватает зарубежного финансирования. Впрочем, Николай Ставрогин долго жил за границей – это тот типаж, с кем российская власть борется и за кем гоняется – причем уже не десятилетиями, а веками.

Старец Зосима? Очень он не похож на наших прагматичных иерархов, в сердца которых милосердие стучится очень редко. А вот Великого инквизитора так и видишь на совещании политтехнологов на Старой площади: «И люди обрадовались, что их снова повели как стадо!»

Словом, я бы прислушался к словам Киссинджера, ему 95, он такого посмотрел на своем веку и с такими персона-

245

жами общался, что знает, о чем говорит. Дело даже не в персонажах Достоевского, а в его духе, в той самой достоевщине. Захватченности доморощенными идеями. Полифонией и карнавалом: с карнавальным раем князя Мышкина и карнавальным адом Настасьи Филипповны — по Михаилу Бахтину. Под булыжниками — пляж, под строгими костюмами и деревянным казенным языком — разгульная карнавальная стихия, достоевщина, перерастающая в цыганщину.

Вся наша политика — это «проблемы поэтики Достоевского».

«Посмотрите на Сирию и Украину, — говорит Киссинджер. — Уникальное свойство России состоит в том, что беспорядки почти в любой части мира производят на нее впечатление, открывают возможности, но и воспринимаются как угроза. А эти беспорядки будут продолжаться. Боясь, что даже усиливаться».

Значит, считает патриарх, мировая «достоевщиана» будет продолжаться тоже. Причем в эти дни как раз сравнялось 10 лет использования войны как мобилизационного афродизака для роста рейтингов первых лиц власти. Точнее, тогда методом научного тыка было обнаружено такое свойство победоносных военных действий на массовое сознание. Но политическая достоевщина, понятая как инструмент мобилизации и консолидации, становится все менее эффективной. И все сложнее становится нести бремя реакции на «беспорядки» в любой части мира. «Всемирная отзывчивость» руководства русского народа невероятно дорого стоит, как лихугу-недвижимость.

Ну, а если быть до конца честными, мы — нация Достоевского, которая Достоевского не читала. Или прочла не до конца.

247

«ГРУППА ЛИЦ» ПРОТИВ РОССИИ

Историю пишут победители. А переписывают враги нации. Свежий опрос ВЦИОМа демонстрирует высокую степень захваченности массового сознания россиян теориями заговора — абсолютно логичный результат 19-летних пропагандистских усилий, любовного взращивания resentmentа и воспитания привычки перекладывать ответственность за собственные неудачи на других: «Никогда мы так плохо не жили, как при Обаме». 66% против 26% считают, что существует «группа лиц» (термин, кстати, из уголовного законодательства, подчеркивающий наличие сговора), «которые стремятся переписать российскую историю, подменить исторические факты, чтобы навредить России, уменьшить ее роль». Жаль, не уточняется, что это за группа и какие у нее лица, особенно волнует национальная принадлежность. Нельзя ли указать в ответах на открытый вопрос явки, адреса, пароли таких лиц? А то получается, как в анекдоте: «Говорят, евреи продали Россию. Могли ли я получить свою долю?»

Массовое сознание обрело специфическую оптику — оно видит то, чего нет. Например, 63% респондентов убеждены, что с помощью «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений» подрываются наши духовные ценности. Где эти люди видели пропаганду — на федеральных каналах? Там есть пропаганда глупости и агрессии, но вот чего нет, так это распространения античной ценности нетрадиционных отношений. Впрочем, в наименьшей степени видят эту самую нетрадиционную пропаганду граждане возрастной категории 18-24 года. Вероятно, по той причине, что они не очень чувствительны к генеральной линии. Не потому, что не готовы ее акцептовать, — конформизма хватает и у этой когорты, а потому, что живут глубоко частной жизнью и генеральную линию в массе своей не слишком замечают.

И здесь ведь снова возникает вопрос: в чем, собственно, состоят традиционные ценности россиян? Списка нет. Моральный кодекс отсутствует. Попытка конкретизировать эти ценности в основах культурной политики, сформулированных Минкультом, широкими массами не замечена и не принята к обязательному исполнению. Значит, речь идет исключительно о неких интуитивных субстанциях. В этом, кстати говоря, свойство сегодняшней доминирующей идеологии: в отличие от писаного мировоззрения марксизма-ленинизма — она везде и нигде. Письменно зафиксирована лишь в некоторых речах первого лица — что-то там про Херсонес, но зато разлита в воздухе. Мировая закулиса тоже неконкретна, у нее нет лица, возможно, она обладает обликом дядюшки Сэма, но сегодня мало кто воспринимался на карикатурах Херлуфа Бидструпа, поэтому физиономические черты «группы лиц» неизвестны среднему адепту государственной конспирологии.

В ситуации, когда идеология и ценности формируются и понимаются интуитивно, совсем необязательно влезать в детали исторических событий. К тому же трактуют у нас сегодня историю в основном органы следствия и суд. Тем же, кто верит в теорию заговора, достаточно просто не знать историю. То есть принимать ее официальную версию, где, конечно, присутствуют упрощение и мифологизация, но больше недоговоренностей и умолчаний. 46% респондентов «Левада-центра» не знают, что происходило в Чехословакии 50 лет назад. Притом что речь идет о системообразующем событии, с которого начались заморозки и застой, а Советский Союз семимильными шагами двинулся к «величайшей геополитической». Те, кто слышал о Пражской весне, оправдывают вторжение войск Варшавского договора заговором внутренней пятой колонны

(23%) и Запада (21%). Итого 44% согласны с конспирологическим объяснением стремления народа ЧССР к свободе, а доля полагающих, что Пражская весна была восстанием против навязанного Советским Союзом режима, упала за 10 лет (с 2008 по 2018 г.) на 13 пунктов – с 31 до 18%. То есть собственно историческая правда, не отравленная конспирологией, принимается абсолютным меньшинством. 23% вообще не знают, что по этому поводу думать, – затрудняются с ответом.

Теория заговора расцветает не столько на жирном навозе пропаганды, сколько на сухой земле умолчаний и отсутствия публичной дискуссии о собственной истории. Это помогает власти контролировать настоящее, но отнимает у нации, считающей героями генералов, а не граждан, будущее. Одержимость конспирологическими объяснениями – это признание того, что все контролируется извне, а значит, ничего изменить нельзя: в нашей бледной немочи виноваты внешние силы и потому можно расслабиться и ничего не делать – только почитать на духовных ценностях. Они предписывают бегство от свободы и запрещают развитие.

КОВБОЙ МАЛЬБОРО, КРЕМЛЕВСКИЙ РЕМЕЙК

Троица — это по-нашему. Мир, труд, май. Ленин, партия, комсомол. Три государственных института, которым уже много лет в наибольшей степени доверяют граждане России, — президент, армия, ФСБ. Иногда вдруг подскакивает доверие к РПЦ, если, конечно, ее не путают с ФСБ. Строго в таком составе эти три института — правда, в персонифицированном виде (Путин, Шойгу, Бортников) — отправились в маркетингово-рекламную поездку по повышению рейтинга первого лица в Республику Тыва.

Поспела брусника, появились белые грибы и маслята, остались нетронутыми горные козлы, отчего три института все больше напоминали коллективного Джеральда Даррелла. Кино, предъявленное внутренней российской аудитории в новой программе Владимира Соловьева, названной с последней мандельштамовской прямотой «Москва. Кремль. Путин», можно было бы назвать «Три товарища» (хотя Бортникова почему-то практически не было в кадре, он, видать, секретный). Или «Хороший, плохой, злой», хотя все три персонажа, безусловно, должны были быть не участниками вестерна (или в случае Тывы — истерна), а скорее, выступать в качестве былинных трех богатырей. Все хорошее, ни одного плохого. *Crème de la Kremlin*.

В общем, операция по спасению полковника Путина, точнее, его рейтинга, начавшаяся с объявления им в совершенно новом жанре послаблений в пенсионной реформе, продолжилась. Терять уже нечего, следует удержать показатели рейтинга одобрения деятельности хотя бы на плато «плюс-минус 70%».

Это в дистиллированном виде формирование культа личности: есть маркетинговая задача, есть целевая аудитория,

есть бренд, который надо раскручивать, – и кремлевский ковбой Мальборо в лихо заломленной шляпе начал свой путь в новую шестилетку.

Это не Сталин с трубкой, не Брежнев, опрокидывающий рюмку в охотничьем облачении – таком же зеленом, как в Туве, и даже с такой же веточкой хвои, воткнутой в шляпу (в случае Путина – в куртку). Во-первых, три товарища не пили. И не курили. Это вредно. Во-вторых, в отличие от Брежнева, с вышки в Завидове стрелявшего в подогнанных ему кабанов, три богатыря даже тувинского комара не обидели, а при горных козлах говорили шепотом, чтобы не побеспокоить их идиллическое единение с природой. В-третьих, Брежнев объяснял своему спичрайтеру Бовину, что такое «боровая дичь» в обмен на разъяснение смысла термина «конфронтация». Путин точно знает, что такое «конфронтация», а с боровой дичью не знаком, потому что бережет природу.

«Москва. Кремль. Путин», этот истерн, соединенный с советской передачей «Девятая студия» и программой «В мире животных», предложил новый тип видения мира – через призму Путина. Ничего кроме Путина, ничего помимо Путина, все о Путине. Постигание формулы Володина «Путин – это Россия, Россия – это Путин» другими средствами. Жить-то еще шесть лет, а левадский рейтинг одобрения неприятно дергается в разные стороны, раскачивая лодку. Провал в феврале, когда мобилизационная часть президентской кампании еще не началась, до 76%. Постмобилизационные апрельские 82%. Выдох после глубокого вдоха почти в границах погрешности до 79% в мае. Обвал в июле до 67% после того, как впервые после инкорпорации Крыма выяснилось, что Путин не только символ

253

России, но и физическое лицо, несущее ответственность за ряд руководящих, но неодобримых трудящимися инициатив. Стабилизация на новом плато 70% еще до исторического выступления в жанре рузвельтовских «Бесед у камина» по поводу пенсий.

Вот все это надо стабилизировать и развивать, одновременно формируя образ «земного» лидера (образец: Ленин, проверявший простыни рабочих на сырость и тарелки детей на вылизанность) и человека, который, по Бродскому, «общается с богами». Уверен, вторую составляющую еще раскроют. Хотя для полноты картины можно было уже в киноочерке о путешествии тройцы самых важных государственных институтов по Туве ввести четвертый институт, формально отделенный от государства, но неформально находящийся в симфонии с ним – РПЦ. Впрочем, патриарх, наблюдающий за жизнью горных козлов, все-таки зрелище не слишком органичное. Наши иерархи – не какие-нибудь чуждые нам Симеоны Столпники и Франциски Ассизские... Но, в общем, есть над чем работать политтехнологической команде и на ниве чего-нибудь божественного.

Путин вернулся на экраны и дисплеи в классическом образе Отца Нации. Чтобы избежать даже малейших подозрений на его превращение в Дедушку Нации (вроде Франсиско Франко в последние годы) продемонстрирована его блистательная спортивная форма. Торс не голый, но достаточно демонстрация крепкого тела под майкой с надписью «Армия России» (у каждого своя любимая надпись разной степени лаконичности). Так что пока с нами старый добрый патернализм, от слова «отец», а не авусизм – от латинского avus, «дед».

Можно ли заниматься формированием культа личности еженедельно? Не возникнет ли дистрофия сюжетов, не произойдет ли инфляция приемов? Не замылятся ли глаза? Не надоеет ли прямолинейность лизоблюдства? Все может быть. Но других инструментов в этом наборе политических отверток от душ и умов россиян нет и не будет.

Так что слушайте свою любимую песню «Валенки». А сколь она эффективна – рейтинги покажут.

НАСЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ

Новый старый президент Российской Федерации правит страной немногим более четырех месяцев, т.е. в течение квартала. И вот, в терминах Владимира Высоцкого, «накрылась премия в квартал»: пожалуй, никогда он не начинал свой очередной срок столь скандально и неудачно. И уже нельзя сказать, как в анекдоте о нем же, «лета не будет». Оно упущено: мягкая сила России мелькнула улыбкою прощальной из пряничной псевдорусской избу, латиноамериканцы шумною толпой удалились на иные стадионы, в другие страны, а полиция, дружелюбно помахав рукой, приступила к исполнению своих привычных обязанностей по переноске тяжестей с голубых площадей лучшего города земли в автозаки.

Первое лето нового Путина не то чтобы изменило ситуацию в стране: все те же остались все там же. Но в системе произошел какой-то внутренний надлом: так бывает и с человеком, которого вдруг начинает изнутри точить какая-то болезнь или боль: он все тот же, но взгляд потух, походка изменилась, замкнулся в себе. Упавшие рейтинги, неуклюжие попытки их поднять самыми прямолинейными способами, потеря искусства нравиться всем. Великое размежевание – президент после пенсионной реформы и чемпионата мира не всегда равен России, а Россия равна президенту. При внешнем спокойствии самого патрона, Путина, начинается внутренняя истерика его клиентелы, чье благополучие, карьеры, репутации в персоналистской системе зависят только от него. Истерика прорывается наружу – власть обнажает приемы, уже ничего не стесняясь: новая русская птица-тройка нападения Золотов – Петров – Боширов стала символом ошеломляюще прямолинейного бесстыдства, всеобщего политического камингаута. Вот мы какие!

256 **ПРОРЫВ В НИКУДА**

Путин приезжает в Приморье, длится лубочно-выставочное счастье в жанре «русский с китайцем братья навек», публично поощряется деятельность губернатора Тарасенко, вдруг остулившегося в первом туре выборов. Эффект – ноль. Точнее, эффект отрицательный – в виде протестного голосования, в результате которого никому не известный персонаж в лице коммунистического кандидата Ищенко временно становится чуть ли не народным героем, мечущимся, впрочем, между Навальным и Зюгановым, как барыня между будуаром и моленной. Создан образец для подражания: оказывается, если голосовать все равно за кого, только не за кандидата от власти, можно превратить выборы в веселый конкурентный процесс. И если не догонишь этого самого кандидата, то хоть согреешься – раньше и такого не было.

Так когда-то рост экономики был привязан к росту цены на нефть. Теперь этой зависимости нет. Как нет зависимости между относительно честным способом отъема голосов у населения региона методом фотографирования с Путиным и политической поддержкой граждан. Массовое сознание становится нечувствительным к благодеяниям и подаркам: политически майский указ № 204 и был таким презентом. Результат – ни спасибо, ни до свидания: государство само приучило граждан к тому, что они прямо-таки обязаны чувствовать себя иждивенцами, в обмен на что должны осуществлять политическую поддержку. Майский указ – еще один инструмент воспитания в среднем россиячине иждивенца, лишь бы был привязан к государству, как к мамкиной сиське. Но если мамка кормит – не хвалить же ее за исполнение прямых обязанностей! А вот если мамка сокращает каникулярный период – повышает пенсионный возраст, это уже повод устроить подростковый бунт с угрозой ухода из нашего дома – России. А у иных и вовсе мысль

257

закрадывается: что это я из дома должен уходить, пусть уходит мамка, тем более если ее рука дающая оскудела. Такие настроения — еще один результат этого лета. И деньги государству, дающему и покупающему на них лояльность населения, ох как нужны — хоть тушкой, хоть чучелком. Отсюда и инициативы помощника президента Белоусова по продрозверстке и продралогу с крупного бизнеса с полупутными добровольно-принудительными «инвестициями» в важные для бюрократии сферы. Тем временем новый-городской-столичный-образованный-высший-средний-класс, в бунтарском девичестве креативный класс, позволил себя использовать ради продолжения реализации утопии авторитарной модернизации в отдельно взятой агломерации и поддержал Собянина на выборах. Московский мэр, конечно, смотрится неплохо на фоне группы конспирологов с Лубянки, но благополучие острова Москва держится исключительно на невероятных по сравнению со всей остальной Россией доходах и расходах города. В таких условиях можно и пренебречь демократией — новые урбанистические пространства от выборов не зависят. Но страну-то это не изменит. Не говоря уже о том, что мэр Собянин с деньгами и, допустим, премьер-министр Собянин без денег — два разных человека.

Эффектные военные операции и злобные инвективы по отношению к внешнему врагу все еще действовали на массовое сознание, но именно этим летом утратили свой анестезирующий эффект. Беда системы в том, что она уже поставила на поток производство глупостей в индустриальных масштабах, потому что это хороший тон и морально одобряемое поведение. Акции типа запрета иностранным судам плавать по Севморпути в целях поощрения отечественного судостроения (полный распад формальной логики!) естественным

образом вытекают, как подводные течения, из идеологической сути политического режима. Однако они не имеют уже никакого мобилизационного эффекта — шапки-ушанки никто в воздух на радостях после таких инициатив не бросает. Это уже искусство для искусства, т.е. политическое самоедство. И некому сказать: «Горшочек, не вари!»

Ну и, конечно, никто ни о чем не думает, кроме как о модели преемничества образца 2024 г. Как европейское государство модели 1848 г., по мысли Маркса и Энгельса, «только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии», так и современное российское государство — не только Следственный, но и Наследственный комитет Российской Федерации, озабоченный явками, адресами, паролями грядущего транзита власти. Никакие модернизационные шаги в таких обстоятельствах невозможны. К тому же опыт минувшего лета научил государственных менеджеров, что сделать faux pas (повышение пенсионного возраста) очень легко, если в принципе что-то делаешь. Так, может, лучше вообще ничего не делать?

Первые четыре месяца нового президентского срока прошли под знаком одной, но пламенной страсти — сласти полковника Путина, его рейтинг и образ, и тем самым обеспечить всей кремлевской аристократии хорошую политическую наследственность. Кругом сплошные тутти-фрутти, на любой вкус — от губернатора Тарасенко до какого-нибудь пока безвестного охранника или лилового негра, подающего манто, из управления делами или службы протокола. И как в таких обстоятельствах найти единственно возможного наследника Тутти? Монархии у нас нет, а значит, нет и приличествующего случаю Хуана Карлоса. Впрочем, возможно, это хороший повод ввести гибридную монархию.

259

КРИОГЕННАЯ ЭКОНОМИКА

Пока руководство страны зализывало раны, нанесенные повышением пенсионного возраста, посылало армию политтехнологов в регионы второго тура и фиксировало убытки на уровне ниже 70% одобрения деятельности президента, бывший главсанврач России Геннадий Онищенко инициировал пенсионную реформу вместо пенсионной, объявив крестовый поход против онанизма. Что, безусловно, на некоторое время отвлекло внимание от пенсионной реформы и солсберецкого шпиля (как там у Довлатова: «Адмиралтейская игла сегодня, братцы, без чехла»). Но ненадолго, потому что энергия широких масс сублимировалась в связи с очередной новостью из мира пенсий: Минфин и Банк России подготовили законопроект о введении накопительного индивидуального пенсионного капитала (ИПК).

В чем, собственно, реформа, не очень понятно, потому что новая схема во многом повторяет механизм действия замороженной накопительной системы — в том виде, в каком она действовала до тех пор, пока, как говорят злые языки, правительству не понадобились пенсионные деньги на присоединение Крыма. Тогда было много слов сказано о том, какая она, эта накопительная система, несовершенная, невыгодная, не приносящая дохода. Теперь вдруг выясняется, что ее нужно вводить обратно почти в том же виде. И даже ВЭБ снова будет оператором пенсионных денег тех, кого раньше называли молчунами.

Как всегда удачно выбрано время и место. Если уж стоило затевать пенсионную реформу, начинать ее надо было с возвращения накопительной системы, а не с возраста выхода на пенсию. Не успела публика остыть от скандального повышения пенсионного возраста, эффект от которого

не смогла демпфировать даже победа сборной России над сборной Саудовской Аравии на чемпионате мира – 2018, как предлагается новая мера в той же сфере. Не имеет никакого значения, что речь идет не о новой, а о старой мере и что едва ли ее можно назвать сколько-нибудь болезненной – в социально-психологическом смысле это запуск очередного снаряда в начавшую было зарастать лебедой воронку. Трудящиеся, не разобравшись, могут опять начать паниковать. Просто потому, что уже не склонны доверять вообще каким-либо инициативам, исходящим от государства. К тому же, как показывает опыт, правила нестабильны: то введут какие-то баллы, то выведут – эта социальная шкала Рихтера сильно поднадоела.

Впрочем, есть еще более серьезные основания со скепсисом отнестись к новой инициативе. Эти основания политические. А именно: если уже однажды государство конфисковало накопительные пенсионные деньги для решения своих специфических задач, где гарантия, что оно не сделает это снова? Граждане накопят – в очередной раз! – деньги на старость, а потом они срочно понадобятся для бомбежки террористов на Северном полюсе или на строительство моста с высокоскоростной магистралью через Берингов пролив с попутной оплатой свободного волеизъявления народа Аляски, который на дорогостоящем референдуме проголосует за возвращение этой исконно русской территории в родную российскую гавань. А на Юконе поставят шпалеобразный памятник членам экспедиции вежливых людей, отлитый из местного золота. И тем самым деньги снова заморозят и отморозят!

Кстати, а что с замороженной предыдущей накопительной системой? Может, ее разморозить и вернуть деньги жерт-

вам этой передовой криогенной экономики? С поправкой на инфляцию и курс рубля, находящихся под воздействием «новичка».

Вообще, в мире политики много чего уже попало в криогенную камеру. Неимитационная оппозиция, неимитационные НКО, свободные выборы, конкуренция, почти все иностранное, включая идеологически чуждые нам вакцины от гриппа. Нет, не в Иване Ильине наши духовные корни и кроны, скрепы и скрипы, хоть его и цитировало обильно первое лицо, а в Константине Леонтьеве с его фимидами византизму, с «пора положить предел мещански-либеральному прогрессу». Он первый, а не сталинские пропагандисты, назвал влияние Запада «тлетворным». А главное, Леонтьев был основоположником криогенной теории политики: «Надо подморозить хоть немного Россию, чтоб она не «гнила».

Ту самую Россию, в которую, как сказал другой классик, можно только верить. Можно ли верить любой новой инициативе властей, после того, что между ними и их народом было, вопрос дискуссионный.

СКРЕПА ЧЕЙН-СТОКСА

Одно из отличительных свойств авторитарных режимов – регулярные апелляции к специфическим образом понимаемым морали и нравственности. Телевизионный деятель искусств (копирайт – фрекен Бок) Толстой может рекомендовать гражданам не самой богатой страны, находящейся в состоянии самоизоляции, употреблять от гипертонии кору дуба и боярышник вместо идеологически чуждых космополитических лекарств, но в то же время всей мощью государственного телевидения обрушиваться на безнравственную золотую молодежь в лице Кокорина и Мамаева. Политик с несколько туманной репутацией Турчак, призванный перезапустить «Единую Россию», но лишь сопровождающий ее электоральную деградацию, берет на себя роль оскорбленного в чувствах духовного поводыря нации и пишет донесение министру культуры Мединскому на еще не смонтированный фильм Алексея Красовского «Праздник», действие которого происходит в новогоднюю ночь 1941-1942 гг. в элитарной семье во время блокады Ленинграда.

Режиссер, наверное, не мог не понимать после скандала с вопросом телеканала «Дождь» – «Стоило ли оставить блокадный Ленинград и тем самым уберечь сотни тысяч жизней?», на сколь зыбкую территорию он заходит. И как на нем отсыпятся морализаторы, находящиеся в перманентной борьбе за приз за лучшее проявление лояльности и в поиске хотя бы каких-то поводов быть замеченными общественным мнением.

Фильм никто не видел. Фрагмент, выложенный в сети, мало о чем говорит, кроме как о драматургическом единстве времени и места: дача и семейный ужин – классика жанра. Если бы Красовский поместил своих героев в декорации голодного 1947 года (о голоде 1946-1947 гг., кото-

рый, как и катастрофа первых месяцев войны и блокада, был во многом следствием чудовищных ошибок Сталина, широкая публика мало осведомлена), никто бы на это кино и не обратил внимания. У фильма были бы и продюсер, и прокатное удостоверение. Одно слово – «блокада» – превратило картину в невероятно удобную мишень, в которую можно бить без промаха.

Ну, ошибаются с неидеальным выбором времени и места не только режиссеры. Помнится, крупные государственные деятели Иванов и Мединский испили горькую чашу маннергеймовки до дна, когда освятили своим присутствием открытие мемориальной таблички маршалу Маннергейму в Санкт-Петербурге. Если уж вы национализировали ленинградскую блокаду и превращаете ее в одну из духовных скреп режима, тогда должны понимать, что маршал и президент Финляндии воспринимается в массовом сознании не как офицер царской армии, а как один из виновников событий 1941-1943 гг. На этом фоне даже фильм «Праздник» менее эффектен в своей неидеальности.

Дискуссия о картине обнаружила несколько совсем уж диких свойств нынешней историко-культурной мифологии. В ходе споров, например, товарищ Жданов предстал в образе страстотерпца, который «весь горячий, весь белый», пошатываясь от дум о народе, оборонял город своим телом. И даже никаких ромовых баб не ел. Соответственно, фильм, построенный на признании факта наличия в блокаду привилегий у отдельных представителей номенклатуры, снят, как написала одна прокремлевская газета, «по сценарию абвера». В авангарде оскорбленных, естественно, оказались Военно-историческое общество, недавно завершившее демонстративные раскопки в Сандармохе с радостным

265

предъявлением неизвестно чьих останков в подтверждение того, что не только НКВД расстреливал в карельских лесах, но и горячие финские парни.

Механизмы отечественного скрепообразования оказались совсем уж обнажены после того, как «Праздник» был приравнен к «Матильде» и «Смерти Сталина». Стало очевидным, что, точнее, кто у нас, как атланты, подпирает здание государственной идеологии: Николай Второй и Сталин. Между насмешкой над убийцей в «Смерти Сталина» и фальсификацией истории ставится знак равенства. Но лично мне кажется кощунственным сам факт коллективной защиты вурдалака, уже открыто причисленного к лику духовных скреп. «Смерть Сталина», на мой взгляд, фильм совершенно дурацкий, гораздо страшнее эта кончина, пахнущая карболкой и испарениями умирающего тела, например, в гениальном «Хрустале, машину!» Германа. Однако речь о том, как фильм-комикс стал необычайно удобной мишенью в борьбе за «правду» государственной мифологии. Ведь из всех скреп для нас важнейшей является дыхание Чейна – Стокса.

И еще об одном: о молчании историков. Высказываются все, кроме профессиональных историков. Они вообще стоически молчат по всем важным поводам. В истории с раскопками в Сандармохе высказались только финские историки, да и то, скорее, с искренним недоумением и широким жестом, приглашающим в полностью открытые архивы.

Возможно, историки просто боятся говорить. Да, Великая Отечественная – основа идентичности нации. Но мифология Великой Отечественной с сохранением болевых точек, которые запрещено трогать, – основа легитимации власти

и способ проявления лояльности ей. Вообще говоря, дискуссии о кино со столь неудачно выбранным временем для сюжета должен предшествовать публичный разговор профессиональных историков. Но в обстоятельствах сегодняшнего невротического «дискурса» он, боюсь, невозможен.

ВАХАНКИ В ПРОСТЫНЯХ

Столетие ВЛКСМ отмечалось с каким-то истеричным вакхическим размахом — концертом в сердце родины с хоровым распеванием чуть охрипшими голосами самого жуткого и халтурного репертуара всесоюзного радио, извлечением по всей стране капсул, заложенных комсомольцами роко-чущего 1968-го, и зачитыванием округлых бессмысленных слов, ностальгическими причитаниями, в какую сторону кому дал путевку комсомол. В общем, смесь спиритического сеанса с балом у сатаны.

Мессенджеры чуть более спокойных по отношению к комсомольским организациям граждан были заполнены картинками преимущественно эротического содержания, иллюстрирующими бурное комсомольское времяпрепровождение застойных лет. «Декамерон» и «Цветок тысячи и одной ночи» Пазолини вместе с «Сатириконом» Феллини меркнули перед нехитрыми порнографическими сюжетами комсомольских домов отдыха с каким-нибудь трогательным названием — например, «Елочка». Вспоминается и коктейль, не случайно названный Веничкой Ерофеевым «Слезой комсомолки», где ключевым элементом наряду с лимонадом был зубной эликсир. Таким мы комсомол и запомним в лучах заката — из повести Юрия Полякова «ЧП районного масштаба» и одноименного фильма Сергея Снежкина: завернутые в баньке в простыни комсомолы и комсомолки пьют за Всесоюзный ленинский (произносится с нажимом) коммунистический союз молодежи.

«Но комсомольская богиня... Ах, это, братцы, о другом!». Так писал Булат Окуджава, имея в виду романтические комсомольские времена, отчасти выдуманные, отчасти утраченные в ледяном цинизме брежневской эпохи, когда комсомольское начальство разных уровней состояло из холодных

268 ПРОРЫВ В НИКУДА

непробиваемых циников и карьеристов без страха и упрека с элементами сексуальных obsessions. Это и правда о другом. Все мы люди, и ностальгия свойственна человеку, даже если он «политическое животное», но почему нельзя вспоминать свою юность без комсомола? Зачем нужен этот костыль?

Образы ностальгирующих комсомольцев — «это зрелище средней руки», как сказал другой поэт из поколения дворников и сторожей, натерпевшихся от комсомольских организаций. Очень многие из нынешних начальников и олигархов разных уровней и в самом деле могут сказать комсомолу «спасибо» за развитие карьеры — многие начинали свое восхождение в переломную эпоху именно из организаций ВЛКСМ, там же обнаруживались и партнеры по бизнесу или успешной управленческой биографии. Об одной типичной карьере мне как раз и рассказали в день декапсуляции послания комсомольцев 1960-х в одной из региональных столиц: процесс торжественного вытаскивания письма из капсулы осуществлял мужчина, комсомол закрывавший ввиду развала СССР. Закрыв местный комсомол, через два года он открыл практически на его месте казино. А теперь вот вскрыл капсулу. Этот круговорот комсомола в природе как нельзя лучше иллюстрирует омерзительный цинизм юношеских карьер с их, так сказать, демократическим централизмом.

В КПСС, в том числе в ее центральные органы, прихледила сплоченная «комсомольская мафия». Комсомолы вели себя как землячество. Их группы были близки к так называемой русской партии — националистам внутри системы. Было бы преувеличением сказать, что они разваливали КПСС изнутри, но то, что они привнесли в систему еще больше цинизма и грязи, — это очевидно.

Для кого-то из приличных людей комсомол был социальным лифтом. И это тоже правда. Но он же мог стать для них и социальным мусоропроводом, если их из этой организации исключали. Комсомол мог бы считаться инструментом социализации, если бы не был прежде всего каналом тотальной индоктринации, механизмом того, что в Германии 1930-х называлось термином *Gleichschaltung*, вовлечением почти всех в поддержку режима, повязыванием людей круговой порукой конформизма. Тоталитарным режимам вообще было свойственно искать опору в восторженных и одновременно циничных молодых людях, не случайно муссолиниевский гимн назывался *Giovinetza* – «Молодость».

В недавние времена политические манипуляторы пытались задействовать этот разрушительный потенциал циничной молодежи. Словосочетанием «кремлевские молодежные организации» можно было пугать на ночь безмоглые проплаченные персонажи, готовые жечь книги, – это уж точно посильнее «Фауста» Гете. Но социальными лифтами они так в полной мере и не стали – тип общества все-таки другой. К тому же в нынешних обстоятельствах армия важнее: потому и вместо суррогата комсомола государством поддерживается субститут «Зарницы» – «Юнармия».

Доедаются остатки советских механизмов, архетипов и стереотипов. Империя разваливается медленнее, чем можно было себе представить, а ее токсичные элементы выводятся из кровеносной системы по капле, иногда происходит повторная интоксикация. И ладно бы вспоминалось и использовалось все лучшее – нет, здесь происходит отрицательная селекция.

Вакханки в простынях вспоминают минувшие дни, декапсулируя свой безграничный цинизм во имя построения коммунизма. «Но комсомольская богиня... Ах, это, братцы, о другом!»

271

КУХОННО-ПОЛЕВОЙ РОМАН

Кремлевский повар Пригожин, крупный специалист по заготовке бараньих голов, троллеводству и частным армиям, воюющим в экзотических зонах геополитических интересов Российской Федерации, он же, по версии агентства «Россия сегодня», «известный российский ресторатор», сидел по левую руку от министра обороны России (через два человека) на встрече с командующим ливийской Национальной армией. После обнародования «Новой газетой» соответствующей записи государственное агентство со ссылкой на загадочный «военно-дипломатический источник» оперативно выпустило новость в холодно-официальной стилистике: Пригожин «обеспечивал глав военных ведомств России и Ливии» — «организовывал официальный обед и принял участие в обсуждении культурной программы».

То есть у частной армии, перебирающейся из Сирии в Ливию, появился свой краснознаменный и раскудрявый ансамбль песни и пляски? И с каких это пор повара подсаживаются за стол официальных переговоров?

Возникла версия, согласно которой Пригожин специально засветился на этой записи, чтобы продемонстрировать, кто на самом деле в доме хозяин — этот бритый человек, единственный в зале в гражданском костюме, «взрослый в комнате». И это тем более странно — он что, пришел в Минобороны и сказал: «Значит так, Кужугетыч, мне тут засветиться надо — показать либерастам кукиш, сяду-ка у тебя за стол переговоров?»

В принципе, конечно, это в традициях некоторых режимов. Кто за стол переговоров сажает свою дочь, при иных лидерах охранники становились политиками. Но в случае Иванки Трамп есть хотя бы на что посмотреть, хотя о вкусах не спо-

рят, тем более если речь идет о кремлевской кухне и ее главных потребителях. Традиции же Коржакова – Барсукова продолжены и при новом режиме, хотя охранников все больше отправляют руководить регионами России вроде Тульской или Ярославской областей, некоторые не справляются с управлением калининградским анклавом, зато возглавляют борьбу с чрезвычайными ситуациями, грозящими, с учетом профессии, перейти в чрезвычайное положение.

Покои императрицы были не чужими для Григория Распутина, Борис Березовский знакомился с планировкой кабинетов Кремля, Старой площади, Белого дома, Охотного Ряда, кремлевский повар входит в отдельные коридоры власти как в дом родной. Но если в случае Бориса Абрамовича, специалиста в высоких математических материях, можно было говорить об обаянии графа Калиостро, то чем заколдовал российский политический класс Пригожин, остается неизвестным – ну не едой же, в самом деле.

Владимир Путин в публичных интервью и выступлениях выгораживает нескольких человек, которым в разных смыслах дозволено больше, чем остальным: Игоря Сечина, Рамзана Кадырова и Евгения Пригожина. Последний случай – это история аутсорсинга функций, которые государство хотело бы выполнять само, но не может в силу реликтовой щепетильности, с которой оно, впрочем, судя по темпам деградации политической культуры, скоро расстанется. Частное лицо, патристически настроенное, троллит демократов, распространяет запахи своей кухни через океан, предположительно имеет отношение к частным армиям в отдаленных районах земного шара, где в лучшем случае когда-то ступала нога преданного забвению советского резидента. Заодно кормит генерала Хафтара и окормляет

его культурно. Государство формально здесь ни при чем: как весь крупный бизнес у нас парагосударственный, так и аутсорсинг – квазичастный.

Государство делится, например, монополией на насилие с театральными персонажами, которых принято называть «казаками». Операции, которые неловко проводить усилиями государственных органов, делегируются людям типа кремлевского повара – его легендарной фигурой уже скоро можно будет пугать женщин и детей, как «Парфюмером» Зюскинда.

Понять можно все, кроме одного – демонстративности поддержки аутсорсинговых персонажей. Говорят, что Борис Ельцин не садился обедать без Александра Коржакова. Отправив его в отставку, он не мог без него есть и спрашивал: «А где Саша?» Но это совсем не публичная история – президент не тащил верного охранника за стол переговоров, тем более крайне неоднозначных и деликатных.

Российский режим токсичен, и его репутацию уже ничто не может испортить, отсюда и не просто потеря стыда, а какая-то нарочитая демонстрация изнанки власти. Изнанки пикантной, как кремлевская военно-полевая кухня. Как ее культурная программа. Интересно, что в нее входило? Сталин, например, любил с ансамблем Александрова петь «Яблочко» со словами «в ВЧК попадешь – не воротись». В новые времена для этого есть другой источник аутсорса – виолончельный. И все это – от кастрюли до футляра музыкального инструмента – патриотически настроенное гражданское общество. Настолько патриотически, что оно готово брать на себя самые сложные с моральной точки зрения миссии.

КУДА ВЕДЕТ МИЛИТАРИСТСКИЙ ИНФАНТИЛИЗМ

Вежливые люди пошли на таран, отбросив политес. Произошел военный каминг-аут. Гибридная война то ли становится все более гибридной в разнообразии методов, то ли – все более классической, в жанре настоящих бое-столкновений. Политически Россия превращается не просто в токсичный объект, а в гипертоксичный. Предчувствие войны преобладает в несколько пугливых настроениях, хотя картинка тарана в море, безболезненного и триумфального, как военный парад на Красной площади, как футбол («Дави его!»), по-прежнему делает любую военную операцию не страшной, игрушечной: мы же все равно победим, без жертв и крови (нашей) – как в мультфильме от Путина.

Этот милитаристский инфантилизм, потеря страха войны, понимания того, что она страшна, – самый ужасный результат ежедневной в течение нескольких лет интоксикации сознания большой нации. Армия в большом авторитете: кому-то надо доверять, и вот уже вооруженные силы как институт обходят в рейтинге доверия другой институт – президента. Вопрос: означает ли это готовность к настоящей войне? Еще более конкретный вопрос: готовы ли родители-россияне отдать своих 18-летних мальчиков по мобилизационному призыву, чтобы воевать с такими же парнями-украинцами? И есть ли понимание – ради чего все это? Неужели ради успешного крепообразования, за Крымнаш, за личную игру в амбиции нескольких человек в российском истеблишменте?

С 2012 г. в стране строилась коллективная идентичность на негативной основе – разбуженного ресентимента, который дремал, но совершенно не думал просыпаться. И вполне успешно. Однако этот ресентимент – бумажный и словесный. «Шахтеров» и «трактористов» общественное

мнение поддерживало вербально. В Сирии официальная армия и частные формирования воевали — в представлении россиян — на свой страх и профессиональный риск. Прокси-война с США шла и идет так далеко, что она не мешала летом 2018 г. основной массе российских граждан резко улучшить свое отношение к Штатам и Западу в целом. А тут вдруг угроза реальной войны. А по ту сторону границы, в стране, которую имперское сознание по-настоящему не считало суверенной, происходит мобилизация и устанавливается режим военного положения. Способна ли эта реальность изменить массовое сознание, разбудить гражданское общество, в котором много чего есть, но нет одного — антивоенного движения? Нет, потому что война по сию пору не оценивалась как настоящая.

Милитаристская идентичность — последний патрон российского политического режима, но патрон холостой. Чтобы не сказать — бутафорский. Эксплуатация сакрального — приватизация группой лиц памяти о Великой Отечественной — все еще рабочей инструмент, но милитаризм как таковой теряет свою мобилизационную силу и консолидирующую энергию. Если 20 января 2019 г. по Новгороду проведут «пленных немцев» в нелепой театральной попытке повторить операцию НКВД «Большой вальс», а 29 января в Санкт-Петербурге проведут военный парад по случаю годовщины снятия ленинградской блокады, это не повысит рейтинг одобрения деятельности Владимира Путина с 66 до 80% — об этом можно забыть. Поэтому бутафории предпочли акт прямого действия в Керченском проливе, но и его мобилизационный эффект совершенно не очевиден.

Можно сколько угодно циничным образом бросать в топку затухающих рейтингов пепел блокадников, гонять «пленных

277

немцев» по Новгороду, но, когда социологи спрашивают представителей поколения 18–24 лет, какая страна является для них образцом для подражания, они называют Германию, а на третьем месте после Китая идут США. Не потому, что молодые люди непатриотичны, а потому, что речь идет не о питании начальства трупным ядом сталинистского прошлого, а о современности, о развитии, о том, каким видится образ будущего.

«Можем повторить»? Не можем. И незачем. Взросление инфантилизованного властью общества будет измеряться долей населения, которая будет убеждена в том, что повторить мы не можем, а главное — не должны.

279

ПОХОРОННЫЙ МАРШ ФСО

Датский коллега рассказывал: когда еще во времена Дмитрия Медведева у королевства были активные контакты с раскрывавшейся миру, как цветок поутру, Россией, некие российские начальники прибыли в министерство иностранных дел в Копенгагене. Как и положено начальству — иначе никто не узнает, что это оно и есть, — приехали на лимузинах. И были шокированы, почти как в немой сцене в «Ревизоре», страшным социокультурным зрелищем: все пространство перед министерством было заставлено сотнями простеньких велосипедов.

Здесь напрочь отсутствовала лаковая и черная, сметающая все на своем пути по разделительной полосе, саморепрезентация власти. Конечно, это другая политическая культура, но она не то чтобы национальная. Скорее, институциональная, воспитанная политической элитой в самой себе из уважения к нации, к ее dignity — достоинству, с проявлением десценсу — приличий.

Без вот этого феодального «Прочь с дороги, холопы, барин едет!». Без мигалок и страшного воя, как если бы в атаку шли полчища гуннов. Без нарочито масштабных перекрытий дорожного движения, пока по Рублевке движется маркиз Карабас. Без абсурдных мер безопасности, когда ФСО может чувствовать себя властелином мира перед первым днем творения, а земля, как в Библии, выглядит безвидной и пустой.

В этом суть русской власти — чтобы все вокруг чувствовали себя пылью придорожной. В этом смысл воли к русской власти — не быть пылью придорожной, а стать владычицей морской. А чтобы, следуя пушкинскому канону, не оказаться у разбитого корыта, нужны спецслужбы — устрашающие в своем всепроникновении и могуществе. В практической

280 ПРОРЫВ В НИКУДА

политике необходимо следовать принципу: безопасность важнее развития. Причем безопасность исключительно для верхних людей. А развитие они сами себе обеспечат — очаговое, там, где им надо.

Как только пресс-секретарь президента Дмитрий Песков намекнул, что президент Владимир Путин может посетить церемонию прощания с Людмилой Алексеевой в Доме журналиста, стало ясно, что даже уйти спокойно выдающейся правозащитнице не дадут. А похороны превратятся в демонстрацию силы одного из подразделений тайной полиции. Из реплики не следовало однозначно, что глава государства действительно придет, но это не помешало на всякий случай превратить человеческий, самый человеческий ритуал в кафкианский кошмар, где были перемешаны одновременно «Процесс» и «Замок».

Нельзя запретить Путину как человеку и президенту прощаться с Алексеевой, само общение с которой многих из нашего истеблишмента облагораживало и даже извиняло за службу авторитарной машине. Ему это нужно, наверное, не для пиара, а для себя самого: чекисты нередко уважали самых негнбимых своих клиентов.

Но вот чего сильные мира сего не понимают, так это того, что, приходя в чужой мир — а в мире либералов и демократов какие никакие, а свои правила, если угодно, либеральные, без мигалок, перекрытий, вертухаев и толпунов, — нужно было бы и вести себя по правилам этого мира. Иначе водяное перемирие, каковым всегда бывает церемония прощания с выдающимся человеком, превратится в войну, окопы, разделительные линии. Иные — если не все — могут почувствовать себя оскорбленными.

Похороны сложно превратить в театр абсурда, но ФСО это блистательно удалось: компьютерная программа для «распаковки» для регистрации желающих прибыть на церемонию прощания СМИ – это какая-то технотронная антиутопия, ни один Оруэлл до такого не додумался бы. Что самое интересное: никто и не удивился. Даже деловито стали уточнять, надо ли «распаковывать» программу простым посетителям, не из СМИ, и поначалу пошла информация, что да – надо. Ну, надо, так надо...

До какой степени самоунижения нужно дойти, чтобы спрашивать разрешение на прощание с человеком у спецслужбы?

Демократия – это, конечно, свободные выборы, обязательная ротация – без этих вот брежневских 18 лет на троне с перспективой достижения срока Сталина. Это верховенство закона и милосердия, когда в судах нет людей, вроде того персонажа, который сначала посадил Льва Пономарева, а потом не пустил его на похороны Алексеевой, потому что она ему не «близкий человек». Но она, демократия, достигается тогда, когда не перекрывают движение на полчаса. Когда спецслужбы не управляют страной и передвижением граждан и не осложняют доступ к умершему человеку. Когда портрет правителя, по Набокову, оценивается размером не больше почтовой марки, а министры и депутаты не считают для себя зазорным ездить на работу на велосипедах.

283

POSTSCRIPTUM–2019, ИЛИ ОБВОДНЕННАЯ РОССИЯ

Вся продвинутая Россия старается выдать себя за обводненную скважину или верфь «Звезда». Пафос один: Путин (государство), дай денег, иначе хана! Скважина «Роснефти» не даст родине нефти, верфь не произведет корабль-газовоз (который, правда, в два раза дороже корейского). Вся Россия участвует в гонке лояльностей: государство Путина – столетнее, нет, тысячелетнее, давайте изменим Конституцию, да нет же, что там Конституция – это всего лишь выходная одежда, вождь общается с народом поверх Основного закона. Пафос схожий: готов выполнить любой приказ, Ваше превосходительство, в обмен на фрагмент власти. А где в России власть – там и деньги.

Не зря Ходорковского обвинили в хищении скважинной жидкости – она, именно она, является жидким хлебом российской элиты, на которой стояла и стоит система «власть=собственность». Но можно ли долго стоять на столь хлипком фундаменте?

Философия войны и победы перестала волновать широкие массы – рейтинг одобрения остается индифферентным к самым заводным патриотическим истерикам и к лексике и повадкам фиксатой шпаны в исполнении ведущих телепрограмм. Война с внешними супостатами и внутренними врагами похожа на старую женщину облеченного поведения – как ее ни выводят на подиум в новом кружевном белье, как ни задирает она ноги быстрее, выше, сильнее – сексуальнее от этого не становится. «Искандеры» не смеются. Иглы ракет никого не возбуждают – с них уже давно пересели. Черноморская волна вот уже пять лет привычно лижет крупную крымскую гальку и Гальку. Публика зевает и отворачивается. И тогда власть начинает новую маркетинговую кампанию. Не переключайтесь, сейчас будет

284

преьера! В продажу поступил широкий ассортимент социальной активности. Чем старше становится основатель «идеологии XXI века», тем в большей степени молодеет массовка вокруг него. Вождя помещают теперь в многочисленные молодежные аудитории: юные волонтеры, юные предприниматели, юные социальные (только социальные!) активисты, юные ученые. Рядом с начальником — обязательно девушка (предприниматель, волонтер, ученый и мореплаватель и плотник), разбавляющая жмущихся друг к другу молодых людей, смущенных присутствием ожившего портрета со стены. Семантика такая: будешь с властью, молодой человек, — дадим грант. Станешь волонтером — получишь майку. Вот и цифровой инновационный социальный лифт — правда, он пока не работает, но будешь хорошо себя вести — дадим на кнопки понажимать. А еще руководитель уделяет внимание детям. А еще — старикам и больным. В обмен на лояльность, естественно. И эти категории граждан и активистов оказываются заложниками — чтобы продолжать свои благородные дела, надо быть с властью и если она попросит — подсвечивать ее. Альтернатива есть — пойти в иностранные агенты и прекратить свою деятельность.

У Путина, как нас учит М. Б. Митин нашего времени — Сурков В. Ю. есть свое подземное царство, кладовая солнца — «глубинный народ». А у вождя так устроено зрение, что он «видит его насквозь», народ то есть. Его чаяния и желания. Народ сам не может сформулировать, чего хочет — за него теперь это делает Путин. А народ хочет того же, чего и владельцы обводненных скважин — любви, внимания, социальной и материальной поддержки.

На самом деле эта глубинная субстанция — источник власти по Конституции — остается невидимой даже для путинского

рентгена. Политические манипуляторы пытаются нащупать этот народ и по абрису первого попавшегося сослепу органа представить себе целую фигуру. И что-нибудь продать этому органу в зависимости от его очертаний – бутылку водки, автомат Калашникова, достойную старость... Лишь бы не выходить из роли благодетеля, кормильца, отца родного.

Но и этот рекламный ролик равнодушно большинство «глубинного народа» смотрит как в темном зале кинотеатра – с пивом и попкорном: что там еще нам покажут. Россия great again, кто бы спорил, а что-нибудь еще вкусенькое есть?

Последовательно воспитывая в «глубинном народе» иждивенчество, власть оказалась заложницей этой модели: механизм-то затратный. Войны – затратны, пропаганда – затратна, социальные инициативы – затратны. Деньги нужны позарез – и на обводненные скважины родным челочкам, и на нацпроекты, и на ядерный щит с инициалами Шойгу и Лаврова на нем, и на освоение Рогозиным пыльных дорожек далеких планет. Не дали свободу – давайте деньги! В этом же состоял и состоит социальный контракт. Не хотели давать удочку, боялись самостоятельности подданных – так давайте рыбу и Рыбку в придану.

Власть вслепую ищет новую повестку. Новый товар на продажу. Но за что ни возьмись, все получается, как говорил у Бабеля главарь театральных барышников Коля Шварц, «товар для Кременчуга» (да и Кременчуг нынче за границей). Партер и амфитеатр мрачновато ждут, но уже начинают покашливать и посвистывать, скоро ногами начнут топтать. А может, просто отменить представление и начать жить нормальной жизнью?

?

ОГЛАВЛЕНИЕ

**КАК БОЛЬШИНСТВУ СТАТЬ НАРОДОМ.
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ**

ЛЕВИАФАН ВОЗВРАЩАЕТСЯ	14
БИТВА АЛЬФА-САМЦОВ	16
ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН	18
СЛАБАЯ СИЛА	20
РАКОВИНА ПУТИНА	22
ОККУПАЙ МОДЕРНИЗАЦИЮ	24
ПРИНУЖДЕНИЕ К НРАВСТВЕННОСТИ	26
ЗА ПОРЯДКОМ В АМСТЕРДАМ	28
РОМАНТИКА ЗАМЕСОВ	30
ОБЪЕДИНЕННАЯ СУДЕБНАЯ КОРПОРАЦИЯ	32
ПРАВОСЛАВНЫЙ ДЖИНН ИЗ БУТЫЛКИ	34
ХУ ИЗ МИСТЕР «ЗАКОНОДАТЕЛЬ»	36
РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ЛЕВИАФАН	38

ОСТОРОЖНО, РЕЖИМ ЗАКРЫВАЕТСЯ	40
РАКОВЫЙ КОРПУС ВЛАСТИ	42
НЕВИДИМОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО	44
МОМЕНТ ДЛЯ КРУГЛОГО СТОЛА УПУЩЕН	46
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО В ОСОБЫХ МНЕНИЯХ	48
КОМАНДА «ОКАПЫВАТЬСЯ!»	50
АМЕРИКАНСКАЯ БАБУШКА И РУССКИЕ УШИ	52
АЙН СУД, АЙН ФОЛЬК	54
ВОЙНА С СОБСТВЕННОЙ ПАМЯТЬЮ	56
КАТАНИЕ НА МЕМОРИАЛЬНЫХ ДОСКАХ	58
К ЮБИЛЕЮ ХОДОРКОВСКОГО	60

ГОД КРЫМСКОГО КОНСЕНСУСА	62
---------------------------------	-----------

ПОЛУОСТРОВ УТОПИЯ	64
СТАЛИНИЗАЦИЯ СТИЛЯ	66
ГИБРИДНЫЕ ГОСУДАРСТВА	68
ДВОРЦОВЫЙ НЕДОВОРТ	70
СКОВАННЫЕ ОДНОЙ РЕНТОЙ	72
СТАРЫЙ МИРОВОЙ БЕСПОРЯДОК	74
РАСПРОСТРАНЕНИЕ СЛАБОСТИ ВШИРЬ	80
ВТОРОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ЕВРОПЫ	86
ФУФЛО ЗАБИРАЕТ БАБЛО	88
СИНДРОМ ХАРИНГТОНА	90
ВНУКИ XX СЪЕЗДА	92
МИРОПОРЯДОК ОТ ПРОТИВНОГО	94
SPUTNIK ВМЕСТО «СПУТНИКА»	96
АРКТИКАНАША	98
СТРАНА ПОБЕДИВШЕГО ШАМАНИЗМА	100
ОКНАМИ НА АЮ-ДАГ	102

ВРЕМЕННЫЙ СОЮЗ	
ХОЛОДИЛЬНИКА И ТЕЛЕВИЗОРА	104
САКРАЛИЗАЦИЯ НЕСВОБОДЫ	106
У РОССИИ ПОХИТИЛИ ЕВРОПУ	110
ВЕЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ЕКАТЕРИНЫ ГЕНИЕВОЙ	112
ДВОЙНОЕ СОЗНАНИЕ РОССИЙСКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА	116
СТРАНА, ПРИКРЫТАЯ БУМАЖКОЙ	122
ПОДЪЕМ С ПЕРЕВОРОТОМ	124
ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА	126
ТОСТ ЗА РУССКИЙ НАРОД	128
ЗЕРКАЛО МИНЭКОНОМРАЗВИТИЯ	130
ОСАЖДЕННАЯ КРЕПОСТЬ ПО ВЫЗОВУ	132
АЛМАЗ В ПЕПЛЕ	134
ПРОРЫВ В НИКУДА	136
ПЛЮС ГИБРИДИЗАЦИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ	138
ТАЙНА ЗАГРОбНОЙ ПЕРЕПИСКИ	142

ПРИНУЖДЕНИЕ К ПРИМИРЕНИЮ	144
НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ СТЯЖАНИЯ	148
НА ЛЫЖАХ ПОКАТАЛИСЬ	150
РИЭЛТОРЫ В ШТАТСКОМ	154
ГЛОБУС РОССИИ	156
ПРОВАЛ ОБКОМА НАЦФРОНТА	158
РАСКАЧИВАНИЕ ПОЕЗДА	160
ГИПЕРИНФЛЯЦИЯ СЛОВ	162
ЦАРЬ – НЕ НАСТОЯЩИЙ?	164
РОССИЯ БЕЗ СЛОВА «ПОДРЯД»	166
ПУТИН КАК БРЕЖНЕВ	168
СТАЛИН КАК ПУЗЫРЬ	170
СТРАНА ХРОНИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА	172
УЧЕБНИКИ МЕЖДУ СТРУЙ	174
ДВОЙНАЯ СПЛОШНАЯ ГЕНЕРАЛЬНАЯ	178
БУРАТИНО В СТРАНЕ НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	180
ВСАДНИК БЕЗ КОЧАНА	182
МУМИЯ И ТРОЛЛИ	184
СКРЕПОНОСНЫЙ КОНЕЦ СВЕТА	186
ЖИЗНЬ КАК ОПЫТ СОПРОТИВЛЕНИЯ:	
ПАМЯТИ АРСЕНИЯ РОГИНСКОГО	188
КАНДИДАТ ПЕЧАЛЬНОГО ОБРАЗА	190
НАВСТРЕЧУ ВЫБОРАМ 2018 МАРТОВБЯ	196
ИЗВРАЩЕНИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ ОЛИГАРХОВ	200
С КОЛЕН НА ДЫБЫ	204
ЧЕМ ЗАПОМНЯТСЯ ВЫБОРЫ-2018	208
МАНДАТ НА ЗАСТОЙ	212
ДВЕНАДЦАТИЛЕТНИЙ СРОК	216
ОТ ПАРИЖА-1968 ДО ВОЛОКОЛАМСКА-2018	220
КОГДА ПРАВИТЕЛЬСТВО – ЭТО КАССА	224
ДИКТАТУРА ПРОХОДА НАСЕЛЕНИЯ	228
КАК ТРАМП ЗАМЕНИЛ МАРКСА	232
МАТАХАРИЗАЦИЯ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ	236
ПОЧЕМУ «ПУТИН» БОЛЬШЕ НЕ РАВЕН «РОССИИ»	240

НЕВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР	244
«ГРУППА ЛИЦ» ПРОТИВ РОССИИ	248
КОВБОЙ МАЛЬБОРО, КРЕМЛЕВСКИЙ РЕМЕЙК	252
НАСЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ	256
КРИОГЕННАЯ ЭКОНОМИКА	260
СКРЕПА ЧЕЙН-СТОКСА	264
ВАКХАНКИ В ПРОСТЫНЯХ	268
КУХОННО-ПОЛЕВОЙ РОМАН	272
КУДА ВЕДЕТ МИЛИТАРИСТСКИЙ ИНФАНТИЛИЗМ	276
ПОХОРОННЫЙ МАРШ ФСО	280
POSTSCRIPTUM-2019, ИЛИ ОБВОДНЕННАЯ РОССИЯ	284

НАД КНИГОЙ РАБОТАЛИ:

Светлана Осипова
Полина Чернина
Мария Абдулаева
Татьяна Назарова
Мария Савчук

Редактор Ася Аль-Ради

Руководитель проекта Валерий Выжутович

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.